

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1974

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

✿ ЧИСТИЛИЩЕ ✿

ПЕРЕВОД с ИТАЛЬЯНСКОГО
М.ЛОЗИНСКОГО
ХУДОЖНИК М.ПИКОВ

МОСКВА

» ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА »

1974

Данте Алигьери

**БОЖЕСТВЕННАЯ
КОМЕДИЯ**

ЧИСТИЛИЩЕ

Перевод с итальянского
М. Лозинского

Художник М. Пиков

Москва
«Художественная литература»
1974

DANTE ALIGHIERI

La Divina Commedia

Примечания
М. Лозинского

© Иллюстрации, издательство «Художественная литература», 1974 г.

ЧИСТИЛИЩЕ

★ ЧИСТИЛИЩЕ ★

Песнь первая

Для лучших вод подъемля парус ныне,
Мой гений вновь стремится свою ладью,
Блуждавшую в столь яростной пучине,

⁴ И я второе царство воспою,
Где души обретают очищение
И к вечному восходят бытию.

⁷ Пусть мертвое воскреснет песнопенье,
Святые Музы, — я взываю к вам;
Пусть Каллиопа, мне в сопровождение,

¹⁰ Поднявшись вновь, ударит по струнам,
Как встарь, когда Сорок сразила лира
И нанесла им беспощадный срам.

¹³ Отрадный цвет восточного сапфира,
Накопленный в воздушной вышине,
Прозрачной вплоть до первой тверди мира,

¹⁶ Опять мне очи упоил вполне,
Чуть я расстался с темью без рассвета,
Глаза и грудь отяготившей мне.

¹⁹ Маяк любви, прекрасная планета,
Зажгла восток улыбкою лучей,
И ближних Рыб затмила ясность эта.

²² Я вправо, к остю, поднял взгляд очей,
И он пленился четырьмя звездами,
Чей отсвет первых озарял людей.

²⁵ Казалось, твердь ликует их огнями;
О северная сирая страна,
Где их сверканье не горит над нами!

²⁸ Покинув оком эти пламена,

Я обратился к остью полуночи,
Где Колесница не была видна;

³¹ И некий старец мне предстал пред очи,
Исполненный почтенности такой,
Какой для сына полон облик отчий.

³⁴ Цвет бороды был исчерна-седой,
И ей волна волос уподоблялась,
Ложась на грудь раздвоенной грядой.

³⁷ Его лицо так ярко украшалось
Священным светом четырех светил,
Что это блещет солнце – мне казалось.

⁴⁰ «Кто вы, и кто темницу вам открыл,
Чтобы к слепому выйти водопаду? –
Колебя оперенье, он спросил. –

⁴³ Кто вывел вас? Где взяли вы лампаду,
Чтоб выбраться из глубины земли
Сквозь черноту, разлитую по Аду?

⁴⁶ Вы ль над законом бездны возмogli,
Иль новое решилось в горней сени,
Что падшие к скале моей пришли?»

⁴⁹ Мой вождь, внимая величавой тени,
И голосом, и взглядом, и рукой
Мне преклонил и веки, и колени.

⁵² Потом сказал: «Я здесь не сам собой.
Жена сошла с небес, ко мне зывая,
Чтоб я помог идущему со мной.

⁵⁵ Но раз ты хочешь точно знать, какая
У нас судьба, то это мне закон,
Который я уважу, исполняя.

⁵⁸ Последний вечер не изведal он;
Но был к нему так близок, безрассудный,
Что срок ему недолгий был сужден.

⁶¹ Как я сказал, к нему я в этот трудный
Был послан час; и только через тьму
Мог вывести его стезею чудной.

⁶⁴ Весь грешный люд я показал ему;
И души показать ему желаю,
Врученные надзору твоему.

⁶⁷ Как мы блуждали, я не излагаю;
Мне сила свыше помогла, и вот
Тебя я вижу и тебе внимаю.

⁷⁰ Ты благосклонно встретить его приход:
Он восхотел свободы, столь бесценной,
Как знают все, кто жизнь ей отдает.

⁷³ Ты это знал, приняв, как дар блаженный,
Смерть в Утике, где ризу бытия
Совлек, чтоб в грозный день ей стать нетленной.

⁷⁶ Запретов не ломал ни он, ни я:
Он – жив, меня Минос нигде не тронет,
И круг мой – тот, где Марция твоя

⁷⁹ На дне очей мольбу к тебе хоронит,
О чистый дух, считать ее своей.
Пусть мысль о ней и к нам тебя преклонит!

⁸² Дай нам войти в твои семь царств, чтоб ей
Тебя я славил, ежели пристала
Речь о тебе средь горестных теней».

⁸⁵ «Мне Марция настолько взор пленяла,
Пока я был в том мире, – он сказал, –
Что для нее я делал все, бывало.

⁸⁸ Теперь меж нас бежит зловеший вал;
Я, изведенный силою чудесной,
Блюда устав, к ней безучастен стал.

⁹¹ Но если ты посол жены небесной,
Достаточно и слова твоего,
Без всякой лстивой речи, здесь неуместной.

⁹⁴ Ступай и тростью опояшь его
И сам ему омой лицо, стирая
Всю грязь, чтоб не осталось ничего.

⁹⁷ Нельзя, глазами мглистыми взирая,
Идти навстречу первому из слуг,
Принадлежащих к светлым сонмам Рая.

¹⁰⁰ Весь этот островок оббив вокруг,
Внизу, где море бьет в него волною,
Растет тростник вдоль илистых излук.

¹⁰³ Растения, обильные листвою
Иль жесткие, не могут там расти,
Затем что неуступчивы прибою.

¹⁰⁶ Вернитесь не по этому пути;
Восходит солнце и покажет ясно,
Как вам удобней на гору взойти».

¹⁰⁹ Так он исчез; я встал с колен и, страстно
Прильнув к тому, кто был моим вождем
Его глаза я вопрошал безгласно.

¹¹² Он начал: «Сын, ступай за мной; идем
В ту сторону; мы здесь на косогоре
И по уклону книзу повернем».

¹¹⁵ Уже заря одолевала в споре
Нестойкий мрак, и, устремляя взгляд,
Я различал трепещущее море.

¹¹⁸ Мы шли, куда нас вел безлюдный скат,
Как тот, кто вновь дорогу обретает
И, лишь по ней шагая, будет рад.

¹²¹ Дойдя дотуда, где роса вступает
В боренье с солнцем, потому что там,
На ветерке, нескоро исчезает, —

¹²⁴ Раскрыв ладони, к влажным муравам
Нагнулся мой учитель знаменитый,

И я, поняв, к нему приблизил сам

¹²⁷ Слезами орошенные ланиты;
И он вернул мне цвет, – уже навек,
Могло казаться, темным Адом скрытый.

¹³⁰ Затем мы вышли на пустынный брег,
Не видевший, чтобы отсюда начал
Обратный путь по волнам человек.

¹³³ Здесь пояс он мне свил, как тот назначил.
О удивленье! Чуть он выбирал
Смиранный стебель, как уже маячил

¹³⁶ Сейчас же новый там, где он сорвал.

Песнь вторая

Уже сближалось солнце, нам незримо,
С тем горизонтом, чей полдневный круг
Вершиной лег поверх Ерусалима;

⁴ А ночь, напротив двигаясь вокруг,
Взошла из Ганга и весы держала,
Чтоб, одолев, их выронить из рук;

⁷ И на щеках Авроры, что сияла
Там, где я был, мерк бело-алый цвет,
От времени желтея обветшало.

¹⁰ Мы ждали там, где нас застал рассвет,
Как те, что у распутья, им чужого,
Душою движутся, а телом нет.

¹³ И вот, как в слое воздуха густого,
На западе, над самым лоном вод,
В час перед утром Марс горит багрово,

¹⁶ Так мне сверкнул – и снова да сверкнет! –
Свет, по волнам стремившийся так скоро,
Что не сравнится никакой полет.

¹⁹ Пока глаза от водного простора
Я отстранял, чтобы спросить вождя,
Свет ярче стал и явственней для взора.

²² По сторонам, немного погода,
Какой-то белый блеск разросся чудно,
Другой – под ним, отвесно нисходя.

²⁵ Мой вождь молчал, но было уж нетрудно
Узнать крыла в той первой белизне,
И он, поняв, кто направляет судно,

²⁸ «Склони, склони колена! – крикнул мне. –

Молись, вот ангел божий! Ты отныне
Их много встретишь в горней вышине.

³¹ Смотри, как этот, в праведной гордыне,
Ни весел не желает, ни ветрил,
И правит крыльями в морской пустыне!

³⁴ Смотри, как он их к небу устремил,
Взвевая воздух вечным опереньем,
Не переменным, как у смертных крыл».

³⁷ А тот, светлея с каждым мановеньем,
Господней птицей путь на нас держал;
Я, дольше не выдерживая зреньем,

⁴⁰ Потупил взгляд; а он к земле пристал,
И челн его такой был маловесный,
Что даже и волну не рассекал.

⁴³ Там на корме стоял пловец небесный,
Такой, что счастье – даже речь о нем;
Вмещал сто душ и больше струг чудесный.

⁴⁶ «In exitu Israël» – так, в одном
Сливаясь хоре, их звучало пенье,
И все, что дальше говорит псалом.

⁴⁹ Он дал им крестное благословенье,
И все на берег кинулись гурьбой,
А он уплыл, опять в одно мгновенье.

⁵² Толпа дичилась, видя пред собой
Безвестный край, смущенная немного,
Как тот, кто повстречался с новизной.

⁵⁵ Уже лучи во все концы отлого
Метало солнце, их стрелами сбив
С небесной середины Козерога,

⁵⁸ Когда отряд прибывших, устремив
На нас глаза, сказал нам: «Мы не знаем,
Каким путем подняться на обрыв».

⁶¹ Вергилий им ответил: «С этим краем
Знакомимся мы сами в первый раз;
Мы тоже здесь как странники ступаем.

⁶⁴ Мы прибыли немного раньше вас,
Другим путем, где круча так сурова,
Что вверх идти – теперь игра для нас».

⁶⁷ Внимавшие, которым было ново,
Что у меня дыхание на устах,
Дивясь, бледнели, увидав живого.

⁷⁰ Как на гонца с оливою в руках
Бежит народ, чтобы узнать, в чем дело,
И все друг друга давят второпях,

⁷³ Так и толпа счастливых душ глядела
В мое лицо, забыв стезю высот
И чаянье прекрасного удела.

⁷⁶ Одна ко мне продвинулась вперед,
Объятия раскрыв так благодатно,
Что я ответил тем же в свой черед.

⁷⁹ О призрачные тени! Троекратно
Сплетал я руки, чтоб ее обнять,
И трижды приводил к груди обратно.

⁸² Смущенья ли была на мне печать,
Но тень с улыбкой стала отдаляться,
И ей вослед я двинулся опять.

⁸⁵ Она сказала мне не приближаться;
И тут ее узнал я без труда
И попросил на миг со мной остаться.

⁸⁸ «Как в смертном теле, – молвил дух тогда, –
Тебя любил я, так люблю вне тленья.
Я подожду; а ты идешь куда?»

⁹¹ «Каселла мой, я ради возвращенья
Сюда же, – я сказал, – предпринял путь.
Но где ты был, чтоб так терять мгновенья?»

⁹⁴ И он: «Обидой не было отнюдь,
Что он, беря, кого ему угодно,
Мне долго к прочим не давал примкнуть;

⁹⁷ Его желанье с высшей правдой сходно.
Теперь уже три месяца подряд
Всех, кто ни просит, он берет свободно.

¹⁰⁰ И вот на взморье устремляя взгляд,
Где Тибр горчает, растворясь в соленом,
Я был им тоже в этом устье взят,

¹⁰³ Куда сейчас он реет водным лоном
И где всегда в ладью сажает он
Того, кто не притянут Ахероном».

¹⁰⁶ И я: «О если ты не отлучен
От дара нежных песен, что, бывало,
Мою тревогу погружали в сон,

¹⁰⁹ Не уходи, не спев одну сначала
Моей душе, которая, в земной
Идущая личине, так устала!»

¹¹² «Любовь, в душе беседа со мной», –
Запел он так отрадно, что отрада
И до сих пор звенит во мне струной.

¹¹⁵ Мой вождь, и я, и душ блаженных стадо
Так радостно ловили каждый звук,
Что лучшего, казалось, нам не надо.

¹¹⁸ Мы напряженно слушали, но вдруг
Величественный старец крикнул строго:
«Как, мешкотные души? Вам досуг

¹²¹ Вот так стоять, когда вас ждет дорога?
Спешите в гору, чтоб очистить взор
От шелухи, для лицезренья бога».

¹²⁴ Как голуби, клня зерно иль сор,
Толпятся, молчаливые, без счета,

Прервав свой горделивый разговор,

¹²⁷ Но, если вдруг их испугает что-то,
Тотчас бросают корм и прочь спешат,
Затем что поважней у них забота, —

¹³⁰ Так, видел я, неопытный отряд,
Бросая песнь, спешил к пяте обрыва,
Как человек, идущий наугад;

¹³³ Была и наша поступь тороплива.

Песнь третья

В то время как внезапная тревога
Гнала их россыпью к подножью скал,
Где правда нас испытывает строго,

⁴ Я верного вождя не покидал:
Куда б я устремился, одинокий?
Кто путь бы мне к вершине указал?

⁷ Я чувствовал его самоупреки.
О совесть тех, кто праведен и благ,
Тебе и малый грех – укол жестокий!

¹⁰ Когда от спешки он избавил шаг,
Которая в движеньях неприглядна,
Мой ум, который все не мог никак

¹³ Расшириться, опять раскрылся жадно,
И я глаза возвел перед стеной,
От моря к небу взнесшейся громадно.

¹⁶ Свет солнца, багровевшего за мной,
Ломался впереди меня, покорный
Преграде тела, для него сплошной.

¹⁹ Я оглянулся с дрожью непритворной,
Боясь, что брошен, – у моих лишь ног
Перед собою видя землю черной.

²² И пестун мой: «Ты ль это думать мог? –
Сказал, ко мне всей грудью обращенный. –
Ведь я с тобой, и ты не одинок.

²⁵ Теперь уж вечер там, где, погребенный,

Почиет прах, мою кидавший тень,
Неаполю Брундузием врученный.

²⁸ И если я не затмеваю день,
Дивись не больше, чем кругам небесным:
Луч, не затмясь, проходит сквозь их сень.

³¹ Но стуже, зною и скорбям телесным
Подвержены и наши существа
Могуществом, в путях своих безвестным.

³⁴ Поистине безумные слова –
Что постижима разумом стихия
Единого в трех лицах естества!

³⁷ О род людской, с тебя довольно гуа;а;
Будь все открыто для очей твоих,
То не должна бы и рождать Мария.

⁴⁰ Ты видел жажду тщетную таких,
Которые бы жажду утолили,
Навеки мукой ставшую для них.

⁴³ Среди них Платон и Аристотель были
И многие». И взор потупил он
И смолк, и горечь губы затаили.

⁴⁶ Уже пред нами вырос горный склон,
Стеной такой обрывистой и строгой,
Что самый ловкий был бы устрашен.

⁴⁹ Какой бы дикой ни идти дорогой
От Лериче к Турбии, худший путь
В сравнение был бы лестницей пологой.

⁵² «Как знать, не ниже ль круча где-нибудь, –
Сказал, остановившись, мой вожатый, –
Чтоб мог бескрылый на нее шагнуть?»

⁵⁵ Пока он медлил, думою объятый,
Не отрывая взоров от земли,
А я оглядывал крутые скаты, –

⁵⁸ Я увидал левей меня, вдали,
Чреду теней, к нам подвигавших ноги,
И словно тщетно, — так все тихо шли.

⁶¹ «Взгляни, учитель, и рассея тревоги, —
Сказал я. — Вот, кто нам подаст совет,
Когда ты сам не ведаешь дороги».

⁶⁴ Взглянув, он молвил радостно в ответ:
«Пойдем туда, они идут так вяло.
Мой милый сын, вот путеводный свет».

⁶⁷ Толпа от нас настолько отстояла
И после нашей тысячи шагов,
Что бросить камень — только бы достало,

⁷⁰ Как вдруг они, всем множеством рядов
Теснясь к скале, свой ход остановили,
Как тот, кто шел и стал, дивясь без слов.

⁷³ «Почивший в правде, — молвил им Вергилий, —
Сонм избранных, и мир да примет вас,
Который, верю, все вы заслужили,

⁷⁶ Скажите, есть ли тут тропа для нас,
Чтоб мы могли подняться кручей склона;
Для умудренных ценен каждый час».

⁷⁹ Как выступают овцы из загона,
Одна, две, три, и головы, и взгляд
Склоняя робко до земного лона,

⁸² И все гурьбой за первую спешат,
А стоит стать ей, — смирно, ряд за рядом,
Стоят, не зная, почему стоят;

⁸⁵ Так шедшие перед блаженным стадом
К нам приближались с думой на челе,
С достойным видом и смиренным взглядом.

⁸⁸ Но видя, что пред ними на земле
Свет разорвался и что тень сплошная
Ложится вправо от меня к скале,

⁹¹ Ближайшие смутились, отступая;
И весь шагавший позади народ
Отхлынул тоже, почему – не зная.

⁹⁴ «Не спрошенный, ответу наперед,
Что это – человеческое тело;
Поэтому и свет к земле нейдет.

⁹⁷ Не удивляйтесь, но поверьте смело:
Иная воля, свыше нисходя,
Ему осилить этот склон велела».

¹⁰⁰ На эти речи моего вождя:
«Идите с нами», – было их ответом;
И показали, руку отводя.

¹⁰³ «Кто б ни был ты, – сказал один при этом, –
Вглядишься в меня, пока мы так идем!
Тебе знаком я по земным приметам?»

¹⁰⁶ И я свой взгляд остановил на нем;
Он русский был, красивый, взором светел,
Но бровь была рассечена рубцом.

¹⁰⁹ Я искренне неведением ответил.
«Смотри!» – сказал он, и смертельный след
Я против сердца у него заметил.

¹¹² И он сказал с улыбкой: «Я Манфред,
Родимый внук Костанцы величавой;
Вернувшись в мир, прошу, снеси привет

¹¹⁵ Моей прекрасной дочери, чьей славой
Сицилия горда и Арагон,
И ей скажи не верить лжи лукавой.

¹¹⁸ Когда я дважды насмерть был пронзен,
Себя я предал, с плачем сокрушенья,
Тому, которым и злодей прощен,

¹²¹ Мои ужасны были прегрешенья;
Но милость божья рада всех обнять,
Кто обратится к ней, ища спасенья.

¹²⁴ Умей страницу эту прочитать
Козенцкий пастырь, Климентом избранный
На то, чтобы меня, как зверя, гнать, –

¹²⁷ Мои останки были бы сохранны
У моста Беневенто, как в те дни,
Когда над ними холм воздвигся бранный.

¹³⁰ Теперь в изгнание брошены они
Под дождь и ветер, там, где Верде льется,
Куда он снес их, погасив огни.

¹³³ Предвечная любовь не отвернется
И с тех, кто ими проклят, снимет гнет,
Пока хоть листик у надежды бьется.

¹³⁶ И все ж, кто в распре с церковью умрет,
Хотя в грехах успел бы повиниться,
Тот у подножья этой кручи ждет,

¹³⁹ Доколе тридцать раз не завершится
Срок отщепенства, если этот срок
Молитвами благих не сократится.

¹⁴² Ты видишь сам, как ты бы мне помог,
Моей Костанце возвестив, какая
Моя судьба, какой на мне зарок:

¹⁴⁵ От тех, кто там, вспомога здесь большая».

Песнь четвертая

Когда одну из наших сил душевных
Боль или радость поглотит сполна,
То, отрешась от прочих чувств вседневных,

⁴ Душа лишь этой силе отдана;
И тем опровержимо заблужденье,
Что в нас душа пылает не одна.

⁷ Поэтому, как только слух иль зренье
К чему-либо всю душу обратит,
Забудется и времени течение;

¹⁰ За ним одна из наших сил следит,
А душу привлекла к себе другая;
И эта связана, а та парит.

¹³ Дивясь Манфреду и ему внимая,
Я в этом убедился без труда,
Затем что солнце было выше края

¹⁶ На добрых пятьдесят долей, когда
Все эти души, там, где было надо,
Вскричали дружно: «Вам теперь сюда».

¹⁹ Подчас крестьянин в изгороди сада
Пошире щель заложит шипняком,
Когда темнеют гроздья винограда,

²² Чем оказался ход, куда вдвоем
Мой вождь и я за ним проникли с воли,
Оставив тех идти своим путем.

²⁵ К Сан-Лео всходят и нисходят к Ноли,
И пеший след к Бисмантове ведет;
А эту кручу крылья побороли, –

²⁸ Я разумею окрыленный взлет
Великой жажды, вслед вождю, который
Дарил мне свет и чаянье высот.

³¹ Путь шел в утесе, тяжкий и нескорый;
Мы подымались между сжатых скал,
Для ног и рук ища себе опоры.

³⁴ Когда мы вышли, как на плоский вал,
На верхний край стремнины оголенной:
«Куда идти, учитель?» – я сказал.

³⁷ И он: «Иди стезею неуклонной
Все в гору вслед за мной, покуда нам
Не встретится водитель умудренный».

⁴⁰ К вершине было не взнестись очам,
А склон был много круче полуоси,
Секущей четверть круга пополам.

⁴³ Устав, я начал, медля на откосе:
«О мой отец, постой и оглянись,
Ведь я один останусь на утесе!»

⁴⁶ А он: «Мой сын, дотуда дотянись!»
И указал мне на уступ над нами,
Который кругом опоясал высь.

⁴⁹ И я, подстегнутый его словами,
Напрягся, чтобы взлезть хоть как-нибудь,
Пока на кромку не ступил ногами.

⁵² И здесь мы оба сели отдохнуть,
Лицом к востоку; путник ослабелый
С отрадой смотрит на пройденный путь.

⁵⁵ Я глянул вниз, на берег опустелый,
Затем на небо, и не верил глаз,
Что солнце слева посылает стрелы.

⁵⁸ Поэт заметил, как меня потряс
Нежданный вид, что колесница света
Загородила Аквилон от нас.

⁶¹ «Будь Диоскуры, – молвил он на это, –
В соседстве с зеркалом, светящим так,
Что все кругом в его лучи одето,

⁶⁴ Ты видел бы, что рдяный Зодиак
Еще тесней вблизи Медведиц кружит,
Пока он держит свой старинный шаг.

⁶⁷ Причину же твой разум обнаружит,
Когда себе представит, что Сион
Горе, где мы, противоточьем служит;

⁷⁰ И там, и здесь – отдельный небосклон,
Но горизонт один; и та дорога,
Где несчастливый правил Фазтон,

⁷³ Должна лежать вдоль звездного чертога
Здесь – с этой стороны, а там – с другой,
Когда ты в этом разберешься строго».

⁷⁶ «Впервые, – я сказал, – учитель мой,
Я вижу с ясностью столь совершенной
Казавшееся мне покрытым тьмой, –

⁷⁹ Что средний круг вращателя вселенной,
Или экватор, как его зовут,
Между зимой и солнцем неизменный,

⁸² По сказанной причине виден тут
К полночи, а еврейскому народу
Был виден к югу. Но, когда не в труд,

⁸⁵ Поведай, сколько нам осталось ходу;
Так высока скалистая стена,
Что выше зренья всходит к небосводу».

⁸⁸ И он: «Гора так мудро сложена,
Что поначалу подыматься трудно;
Чем дальше вверх, тем мягче крутизна.

⁹¹ Поэтому, когда легко и чудно
Твои шаги начнут тебя нести,

Как по теченью нас уносит судно,

⁹⁴ Тогда ты будешь у конца пути.
Там схлынут и усталость, и забота.
Вот все, о чем я властен речь вести».

⁹⁷ Чуть он умолк, вблизи промолвил кто-то:
«Пока дойдешь, не раз, да и не два,
Почувствуешь, что и присесть охота».

¹⁰⁰ Мы, обернувшись на его слова,
Увидели левой валун огромный,
Который не заметили сперва.

¹⁰³ Мы подошли; за ним в тени укромной
Расположились люди; вид их был,
Как у людей, объятых ленью томной.

¹⁰⁶ Один сидел как бы совсем без сил:
Руками он обвил свои колени
И голову меж ними уронил.

¹⁰⁹ И я сказал при виде этой тени:
«Мой милый господин, он так ленив,
Как могут быть родные братья лени».

¹¹² Он обернулся и, глаза скосив,
Поверх бедра взглянул на нас устало;
Потом сказал: «Лезь, если так ретив!»

¹¹⁵ Тут я узнал его; хотя дышала
Еще с трудом взволнованная грудь,
Мне это подойти не помешало.

¹¹⁸ Тогда он поднял голову чуть-чуть,
Сказав: «Ты разобрал, как мир устроен,
Что солнце влево может повернуть?»

¹²¹ Поистине улыбки был достоин
Его ленивый вид и вялый слог.
Я начал так: «Белаква, я спокоен

¹²⁴ За твой удел; но что тебе за прок

Сидеть вот тут? Ты ждешь еще народа
Иль просто впал в обычный свой порок?»

¹²⁷ И он мне: «Брат, что толку от похода?
Меня не пустит к мытарствам сейчас
Господня птица, что сидит у входа,

¹³⁰ Пока вокруг меня не меньше раз,
Чем в жизни, эта твердь свой круг опишет,
Затем что поздний вздох мне душу спас;

¹³³ И лишь сердца, где милость божья дышит,
Могли бы мне молитвами помочь.
В других – что пользы? Небо их не слышит».

¹³⁶ А между тем мой спутник, идя прочь,
Звал сверху: «Где ты? Солнце уж высоко
И тронуло меридиан, а ночь

¹³⁹ У берега ступила на Моррокко».

Песнь пятая

Вослед вождю, послушливым скитальцем,
Я шел от этих теней все вперед,
Когда одна, указывая пальцем,

⁴ Вскричала: «Гляньте, слева луч нейдет
От нижнего, да и по всем приметам
Он словно как живой себя ведет!»

⁷ Я обратил глаза при слове этом
И увидал, как изумлен их взгляд
Мной, только мной и рассеченным светом.

¹⁰ «Ужель настолько, чтоб смотреть назад, –
Сказал мой вождь, – они твой дух волнуют?
Не все ль равно, что люди говорят?

¹³ Иди за мной, и пусть себе толкуют!
Как башня стой, которая вовек
Не дрогнет, сколько ветры ни бушуют!

¹⁶ Цель от себя отводит человек,
Сменяя мысли каждое мгновенье:
Дав ход одной, другую он пресек».

¹⁹ Что мог бы я промолвить в извиненье?
«Иду», – сказал я, краску чуя сам,
Дарующую иногда прощенье.

²² Меж тем повыше, идя накрест нам,
Толпа людей на склоне появилась
И пела «Miserere», по стихам.

²⁵ Когда их зренье точно убедилось,

Что сила света сквозь меня не шла,
Их песнь глухим и долгим «О!» сменилась.

²⁸ И тотчас двое, как бы два посла,
Сбежали к нам спросить: «Скажите, кто вы,
И участь вас какая привела?»

³¹ И мой учитель: «Мы сказать готовы,
Чтоб вы могли поведать остальным,
Что этот носит смертные покровы.

³⁴ И если их смутила тень за ним,
То все объяснено таким ответом:
Почтенный ими, он поможет им».

³⁷ Я не видал, чтоб в сумраке нагретом
Горящий пар быстрее прорезал высь
Иль облака заката поздним летом,

⁴⁰ Чем те наверх обратно поднялись;
И тут на нас помчалась вся их стая,
Как взвод несется, ускоряя рысь.

⁴³ «Сюда их к нам валит толпа густая,
Чтобы тебя просить, — сказал поэт. —
Иди все дальше, на ходу внимая».

⁴⁶ «Душа, идущая в блаженный свет
В том образе, в котором в жизнь вступала,
Умерь свой шаг! — они кричали вслед. —

⁴⁹ Взгляни на нас: быть может, нас ты знала
И весть прихватишь для земной страны?
О, не спеши так! Выслушай сначала!

⁵² Мы были все в свой час умерщвлены
И грешники до смертного мгновенья,
Когда, лучом небес озарены,

⁵⁵ Покаялись, простили оскорбленья
И смерть прияли в мире с божеством,
Здесь нас томящим жаждой лицемерья».

⁵⁸ И я: «Из вас никто мне не знаком;
Чему, скажите, были бы вы рады,
И я, по мере сил моих, во всем

⁶¹ Готов служить вам, ради той отрады,
К которой я, по следу этих ног,
Из мира в мир иду сквозь все преграды».

⁶⁴ Один сказал: «К чему такой зарок?
В тебе мы верим доброму желанию,
И лишь бы выполнить его ты мог!

⁶⁷ Я, первый здесь взывая к состраданию,
Прошу тебя: когда придешь к стране,
Разъявшей землю Карла и Романью,

⁷⁰ И будешь в Фано, вспомни обо мне,
Чтоб за меня воздели к небу взоры,
Дабы я мог очиститься вполне.

⁷³ Я сам оттуда; но удар, который
Дал выход крови, где душа жила,
Я встретил там, где властны Антеноры

⁷⁶ И где вовеки я не чаял зла;
То сделал Эсте, чья враждебность шире
Пределов справедливости была.

⁷⁹ Когда бы я бежать пустился к Мире,
В засаде под Орьяко очутясь,
Я до сих пор дышал бы в вашем мире,

⁸² Но я подался в камыши и грязь;
Там я упал; и видел, как в трясине
Кровь жил моих затоном разлилась».

⁸⁵ Затем другой: «О, да взойдешь к вершине,
Надежду утоленную познав,
И да не презришь и мою отныне!

⁸⁸ Я был Бонконте, Монтефельтрский граф.
Забытый всеми, даже и Джованной,
Я здесь иду среди склоненных глав».

⁹¹ И я: «Что значил этот случай странный,
Что с Кампальдино ты исчез тогда
И где-то спишь в могиле безымянной?»

⁹⁴ «О! — молвил он. — Есть горная вода,
Аркьяно; ею, вниз от Камальдоли,
Изрыта Казентинская гряда.

⁹⁷ Туда, где имя ей не нужно боле,
Я, ранен в горло, идя напрямик,
Пришел один, окровавляя поле.

¹⁰⁰ Мой взор погас, и замер мой язык
На имени Марии; плоть земная
Осталась там, где я к земле поник.

¹⁰³ Знай и поведай людям: ангел Рая
Унес меня, и ангел адских врат
Кричал: «Небесный! Жадность-то какая!

¹⁰⁶ Ты вечное себе присвоить рад
И, пользуясь слезинкой, поживиться;
Но прочего меня уж не лишат!»

¹⁰⁹ Ты знаешь сам, как в воздухе клубится
Пар, снова истекающий водой,
Как только он, поднявшись, охладится.

¹¹² Ум сочетая с волей вечно злой
И свой природный дар пуская в дело,
Бес двинул дым и ветер над землей.

¹¹⁵ Долину он, как только солнце село,
От Пратоманьо до большой гряды
Покрыв туманом; небо почернело,

¹¹⁸ И воздух стал тяжелым от воды;
Пролился дождь, стремя по косограм
Все то, в чем почве не было нужды,

¹²¹ Потоками свергаясь в беге скором
К большой реке, переполняя дол

И все считая бешеным напором.

¹²⁴ Мой хладный труп на берегу нашел
Аркьяно буйный; как обломок некий,
Закинул в Арно; крест из рук расплел,

¹²⁷ Который я сложил, смыкая веки:
И, мутною обвив меня волной,
Своей добычей придавил навеки».

¹³⁰ «Когда ты возвратишься в мир земной
И тягости забудешь путевые, –
Сказала третья тень вослед второй, –

¹³³ То вспомни также обо мне, о Пии!
Я в Съене жизнь, в Маремме смерть нашла,
Как знает тот, кому во дни былые

¹³⁶ Я, обручаясь, руку отдала».

Песнь шестая

Когда кончается игра в три кости,
То проигравший снова их берет
И мечет их один, в унылой злости;

⁴ Другого провожает весь народ;
Кто спереди зайдет, кто сзади тронет,
Кто сбоку за себя словцо вернет.

⁷ А тот идет и только ухо клонит;
Подаст кому, – идти уже вольней,
И так он понемногу всех разгонит.

¹⁰ Таков был я в густой толпе теней,
Чье множество казалось превелико,
И, обещая, управлялся с ней.

¹³ Там аретинец был, чью жизнь так дико
Похитил Гин ди Такко; рядом был
В погоне утонувший; Федерико

¹⁶ Новелло, руки протянув, молил;
И с ним пизанец, некогда явивший
В незлобивом Марцукко столько сил;

¹⁹ Граф Орсо был среди них; был дух, твердивший,
Что он враждой и завистью убит,
Его безвинно с телом разлучившей, –

²² Пьер де ла Бросс; брабантка пусть спешит,
Пока жива, с молитвами своими,
Не то похуже стадо ей грозит.

²⁵ Когда я, наконец, расстался с ними,
Просившими, чтобы просил другой,

Дабы скорей им сделаться святыми,

²⁸ Я начал так: «Я помню, светоч мой,
Ты отрицал, в стихе, тобою спетом,
Что суд небес смягчается мольбой;

³¹ А эти люди просят лишь об этом.
Иль их надежда тщетна, или мне
Твои слова не озарились светом?»

³⁴ Он отвечал: «Они ясны вполне,
И этих душ надежда не напрасна,
Когда мы трезво поглядим извне.

³⁷ Вершина правосудия согласна,
Чтоб огонь любви мог уничтожить вмиг
Долг, ими здесь платимый повсечасно.

⁴⁰ А там, где стих мой у меня возник,
Молитва не служила искупленьем,
И звук ее небес бы не достиг.

⁴³ Но не смущайся тягостным сомненьем:
Спроси у той, которая прольет
Свет между истиной и разуменьем.

⁴⁶ Ты понял ли, не знаю: речь идет
О Беатриче. Там, на выси горной,
Она с улыбкой, радостная, ждет».

⁴⁹ И я: «Идем же поступью проворной;
Уже и сам я меньше утомлен,
А видишь – склон оделся тенью черной».

⁵² «Сегодня мы пройдем, – ответил он, –
Как можно больше; много – не придется,
И этим ты напрасно обольщен.

⁵⁵ Пока взойдешь, не раз еще вернется
Тот, кто сейчас уже горой закрыт,
Так что и луч вокруг тебя не рвется.

⁵⁸ Но видишь – там какой-то дух сидит,

Совсем один, взирая к нам безгласно;
Он скажет нам, где краткий путь лежит».

⁶¹ Мы шли к нему. Как гордо и бесстрастно
Ты ждал, ломбардский дух, и лишь едва
Водил очами, медленно и властно!

⁶⁴ Он про себя таил свои слова,
Нас, на него идущих озирая
С осанкой отдыхающего льва.

⁶⁷ Вождь подошел к нему узнать, какая
Удобнее дорога к вышине;
Но он, на эту речь не отвечая –

⁷⁰ Спросил о нашей жизни и стране.
Чуть «Мантуя...» успел сказать Вергилий,
Как дух, в своей замкнутый глубине,

⁷³ Встал, и уста его проговорили:
«О мантуанец, я же твой земляк,
Сорделло!» И они объятья слили.

⁷⁶ Италия, раба, скорбей очаг,
В великой буре судно без кормила,
Не госпожа народов, а кабак!

⁷⁹ Здесь доблестной душе довольно было
Лишь звук услышать милой стороны,
Чтобы она сородича почтила;

⁸² А у тебя не могут без войны
Твои живые, и они грызутся,
Одной стеной и рвом окружены.

⁸⁵ Тебе, несчастной, стоит оглянуться
На берега твои и города:
Где мирные обитатели найдутся?

⁸⁸ К чему тебе подправил повода
Юстиниан, когда седло пустует?
Безуздой, меньше было бы стыда.

⁹¹ О вы, кому молиться долженствует,
Так чтобы Кесарь не слезал с седла,
Как вам господне слово указывает, –

⁹⁴ Вы видите, как эта лошадь зла,
Уже не укрощаемая шпорой
С тех пор, как вы взялись за удила?

⁹⁷ И ты, Альберт немецкий, ты, который
Был должен утвердиться в стременах,
А дал ей одичать, – да грянут скорой

¹⁰⁰ И правой карой звезды в небесах
На кровь твою, как ни на чью доселе,
Чтоб твой преемник ведал вечный страх!

¹⁰³ Затем что ты и твой отец терпели,
Чтобы пустынной стал имперский сад,
А сами, сидя дома, богатели.

¹⁰⁶ Приди, беспечный, кинуть только взгляд:
Мональди, Филиппески, Каппеллетти,
Монтекки, – те в слезах, а те дрожат!

¹⁰⁹ Приди, взгляни на знать свою, на эти
Насилия, которые мы зрим,
На Сантафьор во мраке лихолетий!

¹¹² Приди, взгляни, как сетует твой Рим,
Вдова, в слезах зовущая супруга:
«Я Кесарем покинута моим!»

¹¹⁵ Приди, взгляни, как любят все друг друга!
И, если нас тебе не жаль, приди
Хоть устыдиться нашего недуга!

¹¹⁸ И, если смею, о верховный Дий,
За род людской казненный казнью крестной,
Свой правый взор от нас не отводи!

¹²¹ Или, быть может, в глубине чудесной
Твоих судеб ты нам готовишь клад
Великой радости, для нас безвестной?

¹²⁴ Ведь города Италии кишат
Тиранами, и в образе клеветы
Любой мужик пролезть в Марцеллы рад.

¹²⁷ Флоренция моя, тебя все это
Касаться не должно, ты – вдалеке,
В твоём народе каждый – муж совета!

¹³⁰ У многих правда – в сердце, в тайнике,
Но необдуманно стрелкнуть – бояться;
А у твоих она на языке

¹³³ Иные общим делом тяготеются;
А твой народ, участливый к нему,
Кричит незванный: «Я согласен взяться!»

¹³⁶ Ликуй же ныне, ибо есть чему:
Ты мирна, ты разумна, ты богата!
А что я прав, то видно по всему.

¹³⁹ И Спарта, и Афины, где когда-то
Гражданской правды занялась заря,
Перед тобою – малые ребята:

¹⁴² Тончайшие уставы мастера,
Ты в октябре примеришь их, бывало,
И сносишь к середине ноября.

¹⁴⁵ За краткий срок ты сколько раз меняла
Законы, деньги, весь уклад и чин
И собственное тело обновляла!

¹⁴⁸ Опомнившись хотя б на миг один,
Поймешь сама, что ты – как та больная,
Которая не спит среди перин,

¹⁵¹ Ворочаясь и отдыха не зная.

Песнь седьмая

И трижды, и четырежды успело
Приветствие возникнуть на устах,
Пока не молвил, отступив, Сорделло:

⁴ «Вы кто?» – «Когда на этих высотах
Достойные спастись еще не жили,
Октавиан похоронил мой прах.

⁷ Без правой веры был и я, Вергилий,
И лишь за то утратил вечный свет». —
Так на вопрос слова вождя гласили.

¹⁰ Как тот, кто сам не знает – явь иль бред
То дивное, что перед ним предстало,
И, сомневаясь, говорит: «Есть... Нет...» –

¹³ Таков был этот; изумясь сначала,
Он взор потупил и ступил вперед
Обнять его, как низшему пристало.

¹⁶ «О свет латинян, – молвил он, – о тот,
Кто нашу речь вознес до полной власти,
Кто город мой почтил из рода в род,

¹⁹ Награда мне иль милость в этом счастье?
И если просьбы мне разрешены,
Скажи: ты был в Аду? в которой части?»

²² «Сквозь все круги отверженной страны, –
Ответил вождь мой, – я сюда явился;
От неба силы были мне даны.

²⁵ Не делом, а неделаньем лишился
Я Солнца, к чьим лучам стремишься ты;
Его я поздно ведать научился.

²⁸ Есть край внизу, где скорбь – от темноты,
А не от мук, и в сумраках бездонных
Не возгласы, а вздохи разлиты.

³¹ Там я, – среди младенцев, уязвленных
Зубами смерти в свете их зари,
Но от людской вины не отрешенных;

³⁴ Там я, – средь тех, кто не облекся в три
Святые добродетели и строго
Блюл остальные, их нося внутри.

³⁷ Но как дойти скорее до порога
Чистилища? Не можешь ли ты нам
Дать указание, где лежит дорога?»

⁴⁰ И он: «Скитаться здесь по всем местам,
Вверх и вокруг, я не стеснен нимало.
Насколько в силах, буду спутник вам.

⁴³ Но видишь – время позднее настало,
А ночью вверх уже нельзя идти;
Пора наметить место для привала.

⁴⁶ Здесь души есть направо по пути,
Которые тебе утешат очи,
И я готов тебя туда свести».

⁴⁹ «Как так? – ответ был. – Если кто среди ночи
Пойдет наверх, ему не даст другой?
Иль просто самому не станет мочи?»

⁵² Сорделло по земле черкнул рукой,
Сказав: «Ты видишь? Стоит солнцу скрыться,
И ты замрешь пред этою чертой;

⁵⁵ Причем тебе не даст наверх стремиться
Не что другое, как ночная тень;
Во тьме бессильем воля истребится.

⁵⁸ Но книзу, со ступени на ступень,
И вокруг горы идти легко повсюду,
Пока укрыт за горизонтом день».

⁶¹ Мой вождь внимал его словам, как чуду,
И отвечал: «Веди же нас туда,
Где ты сказал, что я утешен буду».

⁶⁴ Мы двинулись в дорогу, и тогда
В горе открылась выемка, такая,
Как здесь в горах бывает иногда.

⁶⁷ «Войдем туда, – сказала тень благая, –
Где горный склон как бы раскрыл врата,
И там пробудем, утра ожидая».

⁷⁰ Тропинка, не ровна и не крута,
Виясь, на край долины приводила,
Где меньше половины высота.

⁷³ Серебро и золото, червлень и белила,
Отколотый недавно изумруд,
Лазурь и дуб-светляк превосходило

⁷⁶ Сияние произраставших тут
Трав и цветов и верх над ними брало,
Как большие над меньшими берут.

⁷⁹ Природа здесь не только расцвечала,
Но как бы некий непостижный сплав
Из сотен ароматов создавала.

⁸² «Salve, Regina,» – меж цветов и трав
Толпа теней, внизу сидевших, пела,
Незримое убежище избрав.

⁸⁵ «Покуда солнце все еще не село, –
Наш мантуанский спутник нам сказал, –
Здесь обождать мы с вами можем смело.

⁸⁸ Вы разглядите, став на этот вал,
Отчетливей их лица и движенья,
Чем если бы их сонм вас окружал.

⁹¹ Сидящий выше, с видом сокрушенья
О том, что он призваньем пренебрег,

И губ не раскрывающий для пеня, —

⁹⁴ Был кесарем Рудольфом, и он мог
Помочь Италии воскреснуть вскоре,
А ныне этот час опять далек.

⁹⁷ Тот, кто его ободрить хочет в горе,
Царил в земле, где воды вдоль дубрав
Молдава в Лабу льет, а Лаба в море.

¹⁰⁰ То Оттокар; он из пелен не встав,
Был доблестней, чем бороду наживший
Его сынок, беспутный Венцеслав.

¹⁰³ И тот курносый, в разговор вступивший
С таким вот благодушным добряком,
Пал, как беглец, честь лилий омрачивший.

¹⁰⁶ И как он в грудь колотит кулаком!
А этот, щеку на руке лелея,
Как на постели, вздохи шлет тайком.

¹⁰⁹ Отец и тесть французского злодея,
Они о мерзости его скорбят,
И боль язвит их, в сердце пламенея.

¹¹² А этот кряжистый, поющий в лад
С тем носачом, смотрящим величаво,
Был опоясан, всем, что люди чтят.

¹¹⁵ И если бы в руках была держава
У юноши, сидящего за ним,
Из чаши в чашу перешла бы слава,

¹¹⁸ Которой не хватило остальным:
Хоть воцарились Яков с Федериком,
Все то, что лучше, не досталось им.

¹²¹ Не часто доблесть, данная владыкам,
Восходит в ветви; тот ее дарит,
Кто может все в могуществе великом.

¹²⁴ Носач изведал так же этот стыд,

Как с ним поющий Педро знаменитый:
Прованс и Пулья стонут от обид.

¹²⁷ Он выше был, чем отпрыск, им отвитый,
Как и Костанца мужем посланней,
Чем были Беатриче с Маргеритой.

¹³⁰ А вот смиреннейший из королей,
Английский Генрих, севший одиноко;
Счастливее был рост его ветвей.

¹³³ Там, ниже всех, где дол лежит глубоко,
Маркиз Гульельмо подымает взгляд;
Алессандрия за него жестоко

¹³⁶ Казнила Канавез и Монферрат».

Песнь восьмая

В тот самый час, когда томят печали
Отпльвших вдаль и нежит мысль о том,
Как милые их утром провожали,

⁴ А новый странник на пути своем
Пронзен любовью, дальний звон внимая,
Подобный плачу над умершим днем, –

⁷ Я начал, слух невольно отрешая,
Следить, как средь теней встает одна,
К вниманью мановеньем приглашая.

¹⁰ Сложив и вскинув кисти рук, она
Стремилась взор к востоку и, казалось,
Шептала богу: «Я одним полна».

¹³ «Te lucis ante», – с уст ее раздалось
Так набожно, и так был нежен звук,
Что о себе самом позабывалось.

¹⁶ И, набожно и нежно, весь их круг
С ней до конца исполнил песнопенье,
Взор воздымая до верховных дуг.

¹⁹ Здесь в истину вонзи, читатель, зренье;
Покровы так прозрачны, что сквозь них
Уже совсем легко проникновенье.

²² Я видел: сонм властителей земных,
С покорно вознесенными очами,
Как в ожиданье, побледнев, затих.

²⁵ И видел я: два ангела, над нами
Спускаясь вниз, держали два клинка,
Пылающих, с неострыми концами.

²⁸ И, зеленее свежего листка,
Одежда их, в ветру зеленых крылий,
Вилась вослед, волниста и легка.

³¹ Один слетел чуть выше, чем мы были,
Другой – на обращенный к нам откос,
И так они сидевших окаймили.

³⁴ Я различал их русый цвет волос,
Но взгляд темнел, на лицах их почия,
И яркости чрезмерной я не снес.

³⁷ «Они сошли из лона, где Мария, –
Сказал Сорделло, – чтобы дол стеречь,
Затем что близко появленье змия».

⁴⁰ И я, не зная, как себя беречь,
Взглянул вокруг и поспешил укрыться,
Оледенелый, возле верных плеч.

⁴³ И вновь Сорделло: «Нам пора спуститься
И славным теням о себе сказать;
Им будет радость с вами очутиться».

⁴⁶ Я, в три шага, ступил уже на гладь;
И видел, как одна из душ взидала
Все на меня, как будто чтоб узнать.

⁴⁹ Уже и воздух почернел немало,
Но для моих и для ее очей
Он все же вскрыл то, что таил сначала.

⁵² Она ко мне подвинулась, я – к ней.
Как я был счастлив, Нино благородный,
Тебя узреть не между злых теней!

⁵⁵ Приветствий дань была поочередной;
И он затем: «К побережью под горой
Давно ли ты приплыл пустыней водной?»

⁵⁸ «О, – я сказал, – я вышел пред зарей
Из скорбных мест и жизнь влачу земную,

Хоть, идя так, забочусь о другой».

⁶¹ Из уст моих услышав речь такую,
Он и Сорделло подались назад,
Дивясь тому, о чем я повествую.

⁶⁴ Один к Вергилию направил взгляд,
Другой – к сидевшим, крикнув: «Встань, Куррадо!
Взгляни, как бог щедротами богат!»

⁶⁷ Затем ко мне: «Ты, избранное чадо,
К которому так милостив был тот,
О чьих путях и мудрствовать не надо, –

⁷⁰ Скажи в том мире, за простором вод,
Чтоб мне моя Джованна пособила
Там, где невинных верный отклик ждет.

⁷³ Должно быть, мать ее меня забыла,
Свой белый плат носив недолгий час,
А в нем бы ей, несчастной, лучше было.

⁷⁶ Ее пример являет напоказ,
Что пламень в женском сердце вечно хочет
Глаз и касанья, чтобы он не гас.

⁷⁹ И не такое ей надгробье прочит
Ехидна, в бой ведущая Милан,
Какое создал бы галлурский кочет».

⁸² Так вел он речь, и взор его и стан
Несли печать горячего порыва,
Которым дух пристойно обуян.

⁸⁵ Мои глаза стремились в твердь пытливо,
Туда, где звезды обращают ход,
Как сердце колеса, неторопливо.

⁸⁸ И вождь: «О сын мой, что твой взор влечет?»
И я ему: «Три этих ярких света,
Зажегшие вокруг остья небосвод».

⁹¹ И он: «Те, что ты видел до рассвета,

Склонились, все четыре, в должный срок;
На смену им взошло трехзвездье это».

⁹⁴ Сорделло вдруг его к себе привлек,
Сказав: «Вот он! Взгляни на супостата!» –
И указал, чтоб тот увидеть мог.

⁹⁷ Там, где стена расселины разъята,
Была змея, похожая на ту,
Что Еве горький плод дала когда-то.

¹⁰⁰ В цветах и травах бороздя черту,
Она порой свивалась, чтобы спину
Лизнуть, как зверь наводит красоту.

¹⁰³ Не видел сам, я речь о том откину,
Как тот и этот горний ястреб взмыл;
Я их полет застал наполовину.

¹⁰⁶ Едва заслыша взмах зеленых крыл,
Змей ускользнул, и каждый ангел снова
Взлетел туда же, где он прежде был.

¹⁰⁹ А тот, кто подошел к нам после зова
Судьи, все это время напролет
Следил за мной и не промолвил слова.

¹¹² «Твой путеводный светоч да найдет, –
Он начал, – нужный воск в твоей же воле,
Пока не ступишь на финифть высот!

¹¹⁵ Когда ты ведаешь хоть в малой доле
Про Вальдимагру и про те края,
Подай мне весть о дедовском престоле.

¹¹⁸ Куррадо Маласпина звался я;
Но Старый – тот другой, он был мне дедом;
Любовь к родным светлеет здесь моя».

¹²¹ «О, – я сказал, – мне только по беседам
Знаком ваш край; но разве угол есть
Во всей Европе, где б он не был ведом?

¹²⁴ Ваш дом стяжал заслуженную честь,
Почет владыкам и почет державе,
И даже кто там не был, слышал весть.

¹²⁷ И, как стремлюсь к вершине, так я вправе
Сказать: ваш род, за что ему хвала,
Кошель и меч в старинной держит славе.

¹³⁰ В нем доблесть от привычки возросла,
И, хоть с пути дурным главой все сбито,
Он знает цель и сторонится зла».

¹³³ И тот: «Иди; поведаю открыто,
Что солнце не успеет лечь семь раз
Там, где Овен расположил копыта,

¹³⁶ Как это мненье лестное о нас
Тебе в средину головы вклинится
Гвоздями, крепче, чем чужой рассказ,

¹³⁹ Раз приговор не может не свершиться».

Песнь девятая

Наложница старинного Тифона
Взошла белеть на утренний помост,
Забыв объятья друга, и корона

⁴ На ней сияла из лучистых звезд,
С холодным зверем сходная чертами,
Который бьет нас, изгибая хвост;

⁷ И ночь означила двумя шагами
В том месте, где мы были, свой подъем,
И даже третий поникал крылами,

¹⁰ Когда, с Адамом в существе своем,
Я на траву склонился, засыпая,
Там, где мы все сидели впятером.

¹³ В тот час, когда поет, зарю встречая,
Касатка, и напев ее тосклив,
Как будто скорбь ей памятна бывая,

¹⁶ И разум наш, себя освободив
От дум и сбросив тленные покровы,
Бывает как бы веще прозорлив,

¹⁹ Мне снилось – надо мной орел суровый
Навис, одетый в золотистый цвет,
Распластанный и ринуться готовый,

²² И будто бы я там, где Ганимед,
Своих покинув, дивно возвеличен,
Восхищен был в заоблачный совет.

²⁵ Мне думалось: «Быть может, он привычен
Разить лишь тут, где он настиг меня,
А иначе к добыче безразличен».

²⁸ Меж тем, кругами землю осеня,
Он грозовым перуном опустил
И взмыл со мной до самого огня.

³¹ И тут я вместе с ним воспламенился;
И призрачный пожар меня палил
С такою силой, что мой сон разбился.

³⁴ Не меньше вздрогнул некогда Ахилл,
Водя окрест очнувшиеся веки
И сам не зная, где он их раскрыл,

³⁷ Когда он от Хироновой опеки
Был матерью на Скир перенесен,
Хотя и там его настигли греки, —

⁴⁰ Чем вздрогнул я, когда покинул сон
Мое лицо; я побледнел и хладом
Пронизан был, как тот, кто устрашен.

⁴³ Один Вергилий был со мною рядом,
И третий час сияла солнцем высь,
И море расстиралось перед взглядом.

⁴⁶ Мой господин промолвил: «Не страшись!
Оставь сомненья, мы уже у цели;
Не робостью, но силой облекись!

⁴⁹ Мы, наконец, Чистилище узрели:
Вот и кругом идущая скала,
А вот и самый вход, подобный щели.

⁵² Когда заря была уже светла,
А ты дремал душой, в цветах почия
Среди долины, женщина пришла,

⁵⁵ И так она сказала: «Я Лючия;
Чтобы тому, кто спит, помочь верней,
Его сама хочу перенести я».

⁵⁸ И от Сорделло и других теней
Тебя взяла и, так как солнце встало,
Пошла наверх, и я вослед за ней.

⁶¹ И, здесь тебя оставив, указала
Прекрасными очами этот вход;
И тотчас ни ее, ни сна не стало».

⁶⁴ Как тот, кто от сомненья перейдет
К познанию правды и, ее оплотом
Оборонясь, решимость обретет,

⁶⁷ Так ожил я; и, видя, что заботам
Моим конец, вождь на крутой откос
Пошел вперед, и я за ним – к высотам.

⁷⁰ Ты усмотрел, читатель, как вознес
Я свой предмет; и поневоле надо,
Чтоб вместе с ним и я в искусстве рос.

⁷³ Мы подошли, и, где сперва для взгляда
В скале чернела только пустота,
Как если трещину дает ограда,

⁷⁶ Я увидал перед собой врата,
И три больших ступени, разных цветом,
И вратника, сомкнувшего уста.

⁷⁹ Сидел он, как я различил при этом,
Над самой верхней, чтобы вход стеречь,
Таков лицом, что я был ранен светом.

⁸² В его руке был обнаженный меч,
Где отраженья солнца так дробились,
Что я глаза старался оберечь.

⁸⁵ «Скажите с места: вы зачем явились? –
Так начал он. – Кто вам дойти помог?
Смотрите, как бы вы не заплатились!»

⁸⁸ «Жена с небес, а ей знаком зарок, –
Сказал мой вождь, – явив нам эти сени,

Промолвила: «Идите, вот порог».

⁹¹ «Не презрите благих ее велений! –
Нас благосклонный вратарь пригласил. –
Придите же подняться на ступени».

⁹⁴ Из этих трех уступов первый был
Столь гладкий и блестящий мрамор белый,
Что он мое подобье отразил;

⁹⁷ Второй – шершавый камень обгорелый,
Растресканный и вдоль и поперек,
И цветом словно пурпур почернелый;

¹⁰⁰ И третий, тот, который сверху лег, –
Кусок порфира, ограненный строго,
Огнисто-алый, как кровавый ток.

¹⁰³ На нем стопы покоил вестник бога;
Сидел он, обращенный к ступеням,
На выступе алмазного порога.

¹⁰⁶ Ведя меня, как я хотел и сам,
По плитам вверх, мне молвил мой вожатый:
«Проси смиренно, чтоб он отпер нам».

¹⁰⁹ И я, благоговением объятый,
К святым стопам, моля открыть, упал,
Себя рукой удара в грудь трикраты.

¹¹² Семь Р на лбу моем он начертал
Концом меча и: «Смой, чтобы он сгинул,
Когда войдешь, след этих ран», – сказал.

¹¹⁵ Как если б кто сухую землю вскинул
Иль разбросал золу, совсем такой
Был цвет его одежд. Из них он вынул

¹¹⁸ Ключи – серебряный и золотой;
И, белый с желтым взяв поочередно,
Он сделал с дверью чаемое мной.

¹²¹ «Как только тот или этот ключ свободно

Не ходит в скважине и слаб нажим, –
Сказал он нам, – то и пытаться бесплодно.

¹²⁴ Один ценней; но чтоб владеть другим,
Умом и знанием нужно изощриться,
И узел без него неразрешим.

¹²⁷ Мне дал их Петр, веля мне ошибиться
Скорей впустив, чем отослав назад,
Тех, кто пришел у ног моих склониться».

¹³⁰ Потом, толкая створ священных врат:
«Войдите, но запомните сначала,
Что изгнан тот, кто обращает взгляд».

¹³³ В тот миг, когда святая дверь вращала
В своих глубоких гнездах стержни стрел
Из мощного и звонкого металла,

¹³⁶ Не так боролся и не так гудел
Тарпей, лишаясь доброго Метелла,
Которого утратив – оскудел.

¹³⁹ Я поднял взор, когда она взгремела,
И услышал, как сквозь отрядный гуд
Далекое «Te Deum» долетело.

¹⁴² И точно то же получалось тут,
Что слышали мы все неоднократно,
Когда стоят и под орган поют,

¹⁴⁵ И пение то внятно, то невнятно.

Песнь десятая

Тогда мы очутились за порогом,
Заброшенным из-за любви дурной,
Ведущей души по кривым дорогам,

⁴ Дверь, загремев, захлопнулась за мной;
И, оглянись я на дверные своды,
Что б я сказал, подавленный виной?

⁷ Мы подымались в трещине породы,
Где та и эта двигалась стена,
Как набегают, чтоб отхлынуть, воды.

¹⁰ Мой вождь сказал: «Здесь выучка нужна,
Чтоб угадать, какая в самом деле
Окажется надежней сторона».

¹³ Вперед мы подвигались еле-еле,
И скудный месяц, канув глубоко,
Улегся раньше на своей постеле,

¹⁶ Чем мы прошли игольное ушко.
Мы вышли там, где горный склон от края
Повсюду отступил недалеко,

¹⁹ Я – утомясь, и вождь и я – не зная,
Куда идти; тропа над бездной шла,
Безлюднее, чем колея степная.

²² От кромки, где срывается скала,
И до стены, вздымавшейся высоко,
Она в три роста шириной была.

²⁵ Докуда крылья простирало око,
Налево и направо, – весь извив

Дороги этой шел равно широко.

²⁸ Еще вперед и шагу не ступив,
Я, озираясь, убедился ясно,
Что весь белевший надо мной обрыв

³¹ Был мрамор, изваянный так прекрасно,
Что подражать не только Поликлет,
Но и природа стала бы напрасно.

³⁴ Тот ангел, что земле принес обет
Столь слезно чаемого примиренья
И с неба вековечный снял завет,

³⁷ Являлся нам в правдивости движенья
Так живо, что ни в чем не походил
На молчаливые изображенья.

⁴⁰ Он, я бы клялся, «Ave!» говорил
Склонившейся жене благословенной,
Чей ключ любовь в высотах отворил.

⁴³ В ее чертах ответ ее смиренный,
«Ессе ancilla Dei», был ясней,
Чем в мягком воске образ впечатленный.

⁴⁶ «В такой неподвижности не цепеней!» –
Сказал учитель мой, ко мне стоявший
Той стороной, где сердце у людей.

⁴⁹ Я, отрывая взгляд мой созерцавший,
Увидел за Марией, в стороне,
Где находился мне повелевавший,

⁵² Другой рассказ, иссеченный в стене;
Я стал напротив, обойдя поэта,
Чтобы глазам он был открыт вполне.

⁵⁵ Изображало изваянье это,
Как на волах святой ковчег везут,
Ужасный тем, кто не блюдет запрета.

⁵⁸ И на семь хоров разделенный люд

Мои два чувства вовлекал в раздоры;
Слух скажет: «Нет», а зренье: «Да, поют».

⁶¹ Как и о дыме ладанном, который
Там был изображен, глаз и ноздря
О «да» и «нет» вели друг с другом споры.

⁶⁴ А впереди священного ларя
Смиренный Псалмопевец, пляс творящий,
И больше был, и меньше был царя.

⁶⁷ Мелхола, изваянная смотрящей
Напротив из окна больших палат,
Имела облик гневной и скорбящей.

⁷⁰ Я двинулся, чтобы насытить взгляд
Другою повестью, которой вправо,
Вслед за Мелхолой, продолжался ряд.

⁷³ Там возвещалась истинная слава
Того владыки римлян, чьи дела
Григорий обессмертил величаво.

⁷⁶ Вдовица, ухватясь за удила,
Молила императора Траяна
И слезы, сокрушенная, лила.

⁷⁹ От всадников тесна была поляна,
И в золоте колеблемых знамен
Орлы парили, кесарю охрана.

⁸² Окружена людьми со всех сторон,
Несчастливая звала с тоской во взоре:
«Мой сын убит, он должен быть отмщен!»

⁸⁵ И кесарь ей: «Повремени, я вскоре
Вернусь». – «А вдруг, – вдовица говорит,
Как всякий тот, кого торопит горе, –

⁸⁸ Ты не вернешься?» Он же ей: «Отмстит
Преемник мой». А та: «Не оправданье –
Когда другой добро за нас творит».

⁹¹ И он: «Утешься! Чтя мое призванье,
Я не уйду, не сотворив суда.
Так требуют мой долг и состраданье».

⁹⁴ Кто нового не видел никогда,
Тот создал чудо этой речи зримой,
Немыслимой для смертного труда.

⁹⁷ Пока мой взор впивал, неутомимый,
Смирение всех этих душ людских,
Все, что изваял мастер несравнимый,

¹⁰⁰ «Оттуда к нам, но шаг их очень тих, —
Шепнул поэт, — идет толпа густая;
Путь к высоте узнаем мы у них».

¹⁰³ Мои глаза, которые, взирая,
Пленились созерцаньем новизны,
К нему метнулись, мига не теряя.

¹⁰⁶ Читатель, да не будут смущены
Твоей души благие помышленья
Тем, как господь взывает долг с вины.

¹⁰⁹ Подумай не о тягости мученья,
А о конце, о том, что крайний час
Для худших мук — час грозного решенья.

¹¹² Я начал так: «То, что идет на нас,
И на людей по виду непохоже,
А что идет — не различает глаз».

¹¹⁵ И он в ответ: «Едва ль есть кара строже,
И ею так придавлены они,
Что я и сам сперва не понял тоже.

¹¹⁸ Но присмотришь и зреньем расчлени,
Что движется под этими камнями:
Как бьют они самих себя, взгляни!»

¹²¹ О христиане, гордые сердцами,
Несчастные, чьи тусклые умы
Уводят вас попятными путями!

¹²⁴ Вам невдомек, что только черви мы,
В которых зреет мотылек нетленный,
На божий суд взлетающий из тьмы!

¹²⁷ Чего возносится ваш дух надменный,
Коль сами вы не разнитесь ничуть
От плоти червяка несовершенной?

¹³⁰ Как если истукан какой-нибудь,
Чтоб крыше иль навесу дать опору,
Колени, скрючась, упирает в грудь

¹³³ И мнимой болью причиняет взору
Прямую боль; так, наклонясь вперед,
И эти люди обходили гору.

¹³⁶ Кто легче нес, а кто тяжеле гнет,
И так, согбенный, двигался по краю;
Но с виду терпеливейший и тот

¹³⁹ Как бы взывал в слезах: «Изнемогаю!»

Песнь одиннадцатая

О наш отец, на небесах царящий,
Не замкнутый, но первенцам своим
Благоволение прежде всех дарящий,

⁴ Пред мощью и пред именем твоим
Да склонится вся тварь, как песнью славы
Мы твой сладчайший дух благодарим!

⁷ Да снидет к нам покой твоей державы,
Затем что сам найти дорогу к ней
Бессилен разум самый величавый!

¹⁰ Как, волею пожертвовав своей,
К тебе зывают ангелы «Осанна»,
Так на земле да будет у людей!

¹³ Да ниспошлется нам дневная манна,
Без коей по суровому пути
Отходит вспять идущий неустанно!

¹⁶ Как то, что нам далось перенести,
Прощаем мы, так наши прегрешенья
И ты, не по заслугам, нам прости!

¹⁹ И нашей силы, слабой для боренья,
В борьбу с врагом исконным не вводи,
Но охрани от козней искушенья!

²² От них, великий боже, огради
Не нас, укрытых сенью безопасной,
А тех, кто там остался позади».

²⁵ Так, о себе и нас в мольбе всечасной,
Шли тени эти и несли свой гнет,
Как сонное удушие ужасный,

²⁸ Неравно бедствуя и все вперед
По первой кромке медленно шагая,
Пока с них тьма мирская не спадет.

³¹ И если там о нас печаль такая,
Что здесь должны сказать и сделать те,
В ком с добрым корнем воля есть благая,

³⁴ Чтоб эти души, в легкой чистоте,
Смыв принесенные отсюда пятна,
Могли подняться к звездной высоте?

³⁷ «Скажите, – и да снидут благодатно
К вам суд и милость, чтоб, раскрыв крыла,
Вы вознеслись отсюда безвозвратно, –

⁴⁰ Где здесь тропа, которая бы шла
К вершине? Если же их две иль боле,
То где не так обрывиста скала?

⁴³ Идущего со мной в немалой доле
Адамово наследие гнетет,
И он, при восходе медлен поневоле».

⁴⁶ Ответ на эту речь, с которой тот,
Кто был мой спутник, обратился к теням,
Неясно было, от кого идет,

⁴⁹ Но он гласил: «Есть путь к отрадным сеням;
Идите с нами вправо: там, в скале,
И человек взберется по ступеням.

⁵² Когда бы камень не давил к земле
Моей строптивой шеи так сурово,
Что я лицом склонился к пыльной мгле,

⁵⁵ На этого безвестного живого
Я бы взглянул – узнать, кто он такой,
И вот об этой ноше молвить слово.

⁵⁸ Я был латинянин; родитель мой –
Тосканский граф Гульельм Альдобрандески;

Могло к вам имя и дойти молвой.

⁶¹ Рожден от мощных предков, в древнем блеске
Из славных дел, и позабыв, что мать
У всех одна, заносчивый и резкий,

⁶⁴ Я стал людей так дерзко презирать,
Что сам погиб, как это Съена знает
И знает в Кампаньятико вся чадь.

⁶⁷ Меня, Омберто, гордость удручает
Не одного; она моих родных
Сгубила всех, и каждый так страдает.

⁷⁰ И я несу мой груз, согбен и тих,
Пока угодно богу, исполняя
Средь мертвых то, что презрел средь живых».

⁷³ Я опустил лицо мое, внимая;
Один из них, — не тот, кто речь держал, —
Извившись из-под каменного края,

⁷⁶ Меня увидел и, узнав, позвал,
С натугою стремясь взглядеться ближе
В меня, который, лоб склонив, шагал.

⁷⁹ И я: «Да ты же Одеризи, ты же
Честь Губбьо, тот, кем горды мастера
«Иллюминур», как говорят в Париже!»

⁸² «Нет, братец, в красках веселей игра
У Франко из Болоньи, — он ответил. —
Ему и честь, моя прошла пора.

⁸⁵ А будь я жив, во мне бы он не встретил
Хвалителя, наверно, и поднесь;
Быть первым я всегда усердно метил.

⁸⁸ Здесь платят пеню за такую спесь;
Не воззови я к милости Владыки,
Пока грешил, — я не был бы и здесь.

⁹¹ О, тщетных сил людских обман великий,

Сколь малый срок вершина зелена,
Когда на смену век идет не дикий!

⁹⁴ Кисть Чимабуэ славилась одна,
А ныне Джотто чествуют без лести,
И живопись того затемнена.

⁹⁷ За Гвидо новый Гвидо высшей чести
Достигнул в слове; может быть, рожден
И тот, кто из гнезда спугнет их вместе.

¹⁰⁰ Мирской молвы многоголосый звон –
Как вихрь, то слева мчащийся, то справа;
Меняя путь, меняет имя он.

¹⁰³ В тысячелетье так же сгинет слава
И тех, кто тело ветхое совлек,
И тех, кто смолк, сказав «ням-ням» и «вава»;

¹⁰⁶ А перед вечным – это меньший срок,
Чем если ты сравнишь мгновенье ока
И то, как звездный кружится чертог.

¹⁰⁹ По всей Тоскане прогремел широко
Тот, кто вот там бредет, не торопясь;
Теперь о нем и в Съене нет намека,

¹¹² Где он был вождь, когда надорвалась
Злость флорентийцев, гордая в те лета,
Потом, как шлюха, – втопанная в грязь.

¹¹⁵ Цвет славы – цвет травы: лучом согрета,
Она линяет от того как раз,
Что извлекло ее к сиянию света».

¹¹⁸ И я ему: «Правдивый твой рассказ
Смирил мне сердце, сбив нарост желаний;
Но ты о ком упомянул сейчас?»

¹²¹ И он в ответ: «То Провенцан Сальвани;
И здесь он потому, что захотел
Держать один всю Съену в крепкой длани.

¹²⁴ Так он идет и свой несет удел,
С тех пор как умер; вот оброк смиренный,
Платимый каждым, кто был слишком смел».

¹²⁷ И я: «Но если дух, в одежде тленной
Не каявшийся до исхода лет,
Обязан ждать внизу горы блаженной, —

¹³⁰ Когда о нем молитвы доброй нет, —
Пока срок жизни вновь не повторился,
То как же этот — миновал запрет?»

¹³³ «Когда он в полной славе находился, —
Ответил дух, — то он, без лишних слов,
На съенском Кампо сесть не постыдился,

¹³⁶ И там, чтоб друга вырвать из оков,
В которых тот томился, Карлом взятый,
Он каждой жилой был дрожать готов.

¹³⁹ Мои слова, я знаю, темноваты;
И в том, что скоро ты поймешь их сам,
Твои соседи будут виноваты.

¹⁴² За это он и не остался там».

Песнь двенадцатая

Как вол с волом идет под игом плужным,
Я шел близ этой сгорбленной души,
Пока считал мой добрый пестун нужным;

⁴ Но чуть он мне: «Оставь его, спеши;
Здесь, чтобы легче подвигалась лодка,
Все паруса и весла хороши»,

⁷ Я, как велит свободная походка,
Расправил стан и стройность вновь обрел,
Хоть мысль, смиряясь, поникала кротко.

¹⁰ Я двинулся и радостно пошел
Вослед учителю, и путь пологий
Обоим нам был явно не тяжел;

¹³ И он сказал мне: «Посмотри под ноги!
Тебе увидеть ложе стоп твоих
Полезно, чтоб не чувствовать дороги».

¹⁶ Как для того, чтоб не забыли их,
Над мертвыми в пол вделанные плиты
Являют, кто чем был среди живых,

¹⁹ Так что бывают и слезой политы,
Когда воспоминание кольнет,
Хоть от него лишь добрым нет защиты,

²² Так точно здесь, но лучше тех работ
И по искусству много превосходней,
Украшен путь, который вкруг идет.

²⁵ Я видел – тот, кто создан благородней,
Чем все творенья, молнии быстрее

Свергался с неба в бездны преисподней.

²⁸ Я видел, как перуном Бриарей
Пронзен с небес, и хладная громада
Прижала землю тяжестью своей.

³¹ Я видел, как Тимбрей, Марс и Паллада,
В доспехах, вокруг отца, от страшных тел
Гигантов падших не отводят взгляда.

³⁴ Я видел, как Немврод уныло сел
И посреди трудов своих напрасных
На сennaарских гордецов глядел.

³⁷ О Ниобея, сколько мук ужасных
Таил твой облик, изваяньем став,
Меж семерых и семерых безгласных!

⁴⁰ О царь Саул, на свой же меч упав,
Как ты, казалось, обаграл Гелвую,
Где больше нет росы, дождя и трав!

⁴³ О дерзкая Арахна, как живую
Тебя я видел, полупауком,
И ткань раздранной видел роковую!

⁴⁶ О Ровоам, ты в облике таком
Уже не грозен, страхом обуянный
И в бегстве колесницею влеком!

⁴⁹ Являл и дальше камень изваянный,
Как мать свою принудил Алкмеон
Проклясть убор, ей на погибель данный.

⁵² Являл, как меч во храме занесен
Двумя сынами на Сеннахирима
И как, сраженный, там остался он.

⁵⁵ Являл, как мщенье грозное творимо
И Тамириса Киру говорит:
«Ты жаждал крови, пей ненасытимо!»

⁵⁸ Являл, как ассирийский стан бежит,

Узнав, что Олоферн простерт, безглавый,
А также и останков жалкий вид.

⁶¹ Я видел Трою пепелищем славы;
О Илион, как страшно здесь творец
Являл разгром и смерть твоей державы!

⁶⁴ Чья кисть повторит или чей свинец,
Чаруя разум самый прихотливый,
Тех черт и теней дивный образец?

⁶⁷ Казался мертвый мертв, живые живы;
Увидеть явь отчетливей нельзя,
Чем то, что попираю я, молчаливый.

⁷⁰ Кичись же, шествуй, веждами грозя,
Потомство Евы, не давая взору,
Склоняясь, увидеть, как дурна стезя!

⁷³ Уже мы дальше обогнули гору,
И солнце дальше унеслось в пути,
Чем мой плененный дух считал в ту пору,

⁷⁶ Как вдруг привыкший надо мной блюсти
Сказал: «Вскинь голову! — ко мне вызывая. —
Так отрешась, уже нельзя идти.

⁷⁹ Взгляни: подходит ангел, нас встречая;
А из прислужниц дня идет назад,
Свой отслужив черед, уже шестая.

⁸² Укрась почтеньем действия и взгляд,
Чтоб с нами речь была ему приятна.
Такого дня тебе не возвратят!»

⁸⁵ Меня учил он столь неоднократно
Не тратить времени, что без труда
И это слово я воспринял внятно.

⁸⁸ Прекрасный дух, представший нам тогда,
Шел в белых ризах, и глаза светили,
Как трепетная на заре звезда.

⁹¹ С широким взмахом рук и взмахом крылий,
«Идите, – он сказал, – ступени тут,
И вы теперь взойдете без усилий.

⁹⁴ На этот зов немногие идут:
О род людской, чтобы взлетать рожденный,
Тебя к земле и ветерки гнетут!»

⁹⁷ Он обмахнул у кручи иссеченной
Мое чело тем и другим крылом
И обещал мне путь незатрудненный.

¹⁰⁰ Как если вправо мы на холм идем,
Где церковь смотрит на юдоль порядка
Над самым Рубаконтовым мостом,

¹⁰³ И в склоне над площадкою площадка
Устроены еще с тех давних лет,
Когда блюлась тетрадь и чтилась кадка, –

¹⁰⁶ Так здесь к другому кругу тесный след
Ведет наверх в почти отвесном скате;
Но восходящий стенами задет.

¹⁰⁹ Едва туда свернули мы: «Beati
Pauperes spiritu», – раздался вдруг
Напев неизреченной благодати.

¹¹² О, как несходен доступ в новый круг
Здесь и в Аду! Под звуки песнопений
Вступают тут, а там – под вопли мук.

¹¹⁵ Я попирал священные ступени,
И мне казался легче этот всход,
Чем ровный путь, которым идут тени.

¹¹⁸ И я: «Скажи, учитель, что за гнет
С меня ниспал? И силы вновь берутся,
И тело от ходьбы не устает».

¹²¹ И он: «Когда все Р, что остаются
На лбу твоём, хотя тусклей и те,
Совсем, как это первое, сотрутся,

¹²⁴ Твои стопы, в стремленье к высоте,
Не только поспешат неутомимо,
Но будут радоваться быстроте».

¹²⁷ Тогда, как тот, кому неощутимо
Что-либо прицепилось к волосам,
Заметь взгляды проходящих мимо,

¹³⁰ На ошупь проверяет это сам,
И шарит, и находит, и руками
Свершает недоступное глазам, —

¹³³ Так я, широко поводя перстами,
Из врезанных рукою ключаря
Всего шесть букв нащупал над бровями;

¹³⁶ Вождь улыбнулся, на меня смотря.

Песнь тринадцатая

Мы были на последней из ступеней,
Там, где вторично срезан горный склон,
Ведущий ввысь стезею очищений;

⁴ Здесь точно так же кромкой обведен
Обрыв горы, и с первой сходна эта,
Но только выгиб круче закруглен.

⁷ Дорога здесь резьбою не одета;
Стена откоса и уступ под ней –
Сплошного серокаменного цвета.

¹⁰ «Ждать для того, чтоб расспросить людей, –
Сказал Вергилий, – это путь нескорый,
А выбор надо совершить быстрее».

¹³ Затем, на солнце устремляя взоры,
Недвижным стержнем сделал правый бок,
А левый повернул вокруг опоры.

¹⁶ «О милый свет, средь новых мне дорог
К тебе зову, – сказал он. – Помоги нам,
Как должно, чтобы здесь ты нам помог.

¹⁹ Тепло и день ты льешь земным долинам;
И, если нас не иначе ведут,
Вождя мы видим лишь в тебе едином».

²² То, что как милю исчисляют тут,
Мы там прошли, не ощущая дали,
Настолько воля ускоряла труд.

²⁵ А нам навстречу духи пролетали,
Хоть слышно, но невидимо для глаз,
И всех на вечерю любви сзывали.

- ²⁸ Так первый голос, где-то возле нас,
«Vinum non habent!» – молвил, пролетая,
И вновь за нами повторил не раз.
- ³¹ И, прежде чем он скрылся, замирая
За далью, новый голос: «Я Орест!» –
Опять воскликнул, мимо проплывая.
- ³⁴ Я знал, что мы среди безлюдных мест,
Но чуть спросил: «Чья это речь?», как третий:
«Врагов любите!» – возгласил окрест.
- ³⁷ И добрый мой наставник: «Выси эти
Бичуют грех завистливых; и вот,
Сама любовь свивает вервья плети.
- ⁴⁰ Узда должна звучать наоборот;
Быть может, на пути к стезе прощенья
Тебе до слуха этот звук дойдет.
- ⁴³ Но устреми сквозь воздух силу зренья,
И ты увидишь – люди там сидят,
Спиною опираясь о камень».
- ⁴⁶ И я увидел, расширяя взгляд,
Людей, одетых в мантии простые;
Был цвета камня этот их наряд.
- ⁴⁹ Приблизясь, я услышал зов к Марии:
«Моли о нас!» Так призван был с мольбой
И Михаил, и Петр, и все святые.
- ⁵² Навряд ли ходит по земле такой
Жестокосердый, кто бы не смутился
Тем, что предстало вскоре предо мной;
- ⁵⁵ Когда я с ними рядом очутился
И видеть мог подробно их дела,
Я тяжкой скорбью сквозь глаза излился.
- ⁵⁸ Их тело власяница облекла,
Они плечом друг друга подпирают,
А вместе подпирает всех скала.

⁶¹ Так нищие слепцы на хлеб собирают
У церкви, в дни прощения грехов,
И друг на друга голову склоняют,

⁶⁴ Чтоб всякий пожалеть их был готов,
Подвигнутый не только звуком слова,
Но видом, вопиющим громче слов.

⁶⁷ И как незримо солнце для слепого,
Так и от этих душ, сидящих там,
Небесный свет себя замкнул сурово:

⁷⁰ У всех железной нитью по краям
Защиты веки, как для прирученья
Их зашивают диким ястребам.

⁷³ Я не хотел чинить им огорченья,
Пройдя невидимым и видя их,
И оглянулся, алча наставленья.

⁷⁶ Вождь понял смысл немых речей моих
И так сказал, не требуя вопроса:
«Спроси, в словах коротких и живых!»

⁷⁹ Вергилий шел по выступу откоса
Тем краем, где нетрудно, оступясь,
Упасть с неогражденного утеса.

⁸² С другого края, к скалам прислонясь,
Сидели тени, и по лицам влага
Сквозь страшный шов у них волной лилась.

⁸⁵ Я начал так, не продолжая шага:
«О вы, чей взор увидит свет высот
И кто другого не желает блага,

⁸⁸ Да растворится пенистый налет,
Мрачащий вашу совесть, и сияя,
Над нею память вновь да потечет!

⁹¹ И если есть меж вами мне родная
Латинская душа, я был бы рад
И мог бы ей быть в помощь, это зная».

⁹⁴ «У нас одна отчизна – вечный град.
Ты разумел – душа, что обитала
Пришелицей в Италии, мой брат».

⁹⁷ Немного дальше эта речь звучала,
Чем стали я и мудрый мой певец;
В ту сторону подвинувшись сначала,

¹⁰⁰ Я меж других увидел, наконец,
Того, кто ждал. Как я его заметил?
Он поднял подбородок, как слепец.

¹⁰³ «Дух, – я сказал, – чей жребий станет светел!
Откуда ты иль как зовут тебя,
Когда ты тот, кто мне сейчас ответил?»

¹⁰⁶ И тень: «Из Съены я и здесь, скорбя,
Как эти все, что жизнь свою пятнали,
Зову, чтоб Вечный нам явил себя.

¹⁰⁹ Не мудрая, хотя меня и звали
Сапия, меньше радовалась я
Своим удачам, чем чужой печали.

¹¹² Сам посуди, правдива ль речь моя
И был ли кто безумен в большей доле,
Уже склоняясь к закату бытия.

¹¹⁵ Моих сограждан враг теснил у Колле,
А я молила нашего Творца
О том, что стало по его же воле.

¹¹⁸ Их одолели, не было бойца,
Что б не бежал; я на разгром глядела
И радости не ведала конца;

¹²¹ Настолько, что, лицо подъявля смело,
Вскричала: «Бог теперь не страшен мне!». –
Как черный дрозд, чуть только потеплело.

¹²⁴ У края дней я, в скорбной тишине,
Прибегла к богу; но мой долг ужасный

Еще на мне бы тяготел вполне,

¹²⁷ Когда б не вышло так, что сердцем ясный
Пьер Петтинайо мне помог, творя,
По доброте, молитвы о несчастной.

¹³⁰ Но кто же ты, который, нам даря
Свое вниманье, ходишь, словно зрячий,
Как я сужу, и дышишь, говоря?»

¹³³ И я: «Мой взор замкнется не иначе,
Чем ваш, но ненадолго, ибо он
Кривился редко при чужой удаче.

¹³⁶ Гораздо большим ужасом смущен
Мой дух пред мукой нижнего обрыва;
Той ношей я заране пригнетен».

¹³⁹ «Раз ты там не был, – словно слыша диво,
Сказала тень, – кто дал тебе взойти?»
И я: «Он здесь и внемлет молчаливо.

¹⁴² Еще я жив; лишь волю возвести,
Избранная душа, и я земные,
Тебе служа, готов топтать пути».

¹⁴⁵ «О, – тень в ответ, – слова твои такие,
Что, несомненно, богом ты любим;
Так помолись иной раз о Сапии.

¹⁴⁸ Прошу тебя всем, сердцу дорогим:
Быть может, ты пройдешь землей Тосканы,
Так обо мне скажи моим родным.

¹⁵¹ В том городе все люди обуяны
Любовью к Таламонэ, но успех
Обманет их, как поиски Дианы,

¹⁵⁴ И адмиралам будет хуже всех».

Песнь четырнадцатая

Кто это кружит здесь, как странник некий,
Хоть смертью он еще не окрылен,
И подымает и смыкает веки?»

⁴ «Не знаю, кто; он кем-то приведен;
Спроси, ты ближе; только не сурово,
А ласково, чтобы ответил он».

⁷ Так, наклонясь один к плечу другого,
Шептались двое, от меня правой;
Потом, подняв лицо, чтоб молвить слово,

¹⁰ Один сказал: «Дух, во плоти своей
Идущий к небу из земного края,
Скажи нам и смущение развей:

¹³ Откуда ты и кто ты, что такая
Тебе награда дивная дана,
Редчайшая, чем всякая иная?»

¹⁶ И я: «В Тоскане речка есть одна;
Сбегая с Фальтероны, вьется смело
И сотой милей не утолена.

¹⁹ С тех берегов принес я это тело;
Сказать мое вам имя — смысла нет,
Оно еще не много прозвенело».

²² И вопрошавший: «Если в твой ответ
Суждение мое проникнуть властно,
Ты говоришь об Арно». А сосед

²⁵ Ему сказал: «Должно быть, не напрасно
Названья этой речки он избег,
Как будто до того оно ужасно».

²⁸ И тот: «Что думал этот человек,
Не ведаю; но по заслугам надо,
Чтоб это имя сгинуло навек!

³¹ Вдоль всей реки, оттуда, где громада
Хребта, с которым разлучен Пелор,
Едва ль не толще остального ряда,

³⁴ Дотуда, где опять в морской простор
Спешит вернуться то, что небо сушит,
А реки снова устремляют с гор,

³⁷ Все доброе, как змея, каждый душит;
Места ли эти под наитьем зла,
Или дурной обычай правду рушит,

⁴⁰ Но жалкая долина привела
Людей к такой утрате их природы,
Как если бы Цирцея их пасла.

⁴³ Сперва среди дрянной свиной породы,
Что только желудей не жрет пока,
Она струит свои скупые воды;

⁴⁶ Затем к дворняжкам держит путь река,
Задорным без какого-либо права,
И нос от них воротит свысока.

⁴⁹ Спадая вниз и ширясь величаво,
Уже не псов находит, а волков
Проклятая несчастная канава.

⁵² И, наконец, меж темных омутов,
Она к таким лисицам попадает,
Что и хитрец пред ними бестолков.

⁵⁵ К чему молчать? Пусть всякий мне внимает!
И этому полезно знать вперед
О том, что мне правдивый дух внушает.

⁵⁸ Я вижу, как племянник твой идет
Охотой на волков и как их травит

На побережьях этих злобных вод.

⁶¹ Живое мясо на продажу ставит;
Как старый скот, ведет их на зарез;
Возглавит многих и себя бесславит.

⁶⁴ Сыт кровью, покидает скорбный лес
Таким, чтоб он в былой красе и силе
Еще тысячелетье не воскрес».

⁶⁷ Как тот, кому несчастье возвестили,
В смятении меняется с лица,
Откуда бы невзгоды ни грозили,

⁷⁰ Так, выслушав пророчество слепца,
Второй, я увидал, поник в печали,
Когда слова воспринял до конца.

⁷³ Речь этого и вид того рождали
Во мне желанье знать, как их зовут;
Мои слова как просьба прозвучали.

⁷⁶ И тот же дух ответил мне и тут:
«Ты о себе мне не сказал ни звука,
А сам меня зовешь на этот труд!

⁷⁹ Но раз ты взыскан богом, в чем порука
То, что ты здесь, отвечу, не тая.
Узнай: я Гвидо, прозванный Дель Дука.

⁸² Так завистью пылала кровь моя,
Что, если было хорошо другому,
Ты видел бы, как зеленею я.

⁸⁵ И вот своих семян я жну солому.
О род людской, зачем тебя манит
Лишь то, куда нет доступа второму?

⁸⁸ А вот Риньер, которым знаменит
Дом Кальболи, где в нисходящем ряде
Никто его достоинств не хранит.

⁹¹ И не его лишь кровь теперь в разладе, –

Меж По и Рено, морем и горой, –
С тем, что служило правде и отраде;

⁹⁴ В пределах этих порослью густой
Теснятся ядовитые растенья,
И вырвать их нет силы никакой.

⁹⁷ Где Лицио, где Гвидо ди Карпенья?
Пьер Траверсаро и Манарди где?
Увы, романцы, мерзость вырожденья!

¹⁰⁰ Болонью Фабро не спасет в беде,
И не сыскать Фаэнце Бернардина,
Могучий ствол на скромной борозде!

¹⁰³ Тосканец, слезы льет моя кручина,
Когда я Гвидо Прата вспомню
И доблестного Д'Адзо, Уголина;

¹⁰⁶ Тиньозо, шумной братьи старшину,
И Траверсари, живших в блеске славы,
И Анастаджи, громких в старину;

¹⁰⁹ Дам, рыцарей, и войны, и забавы,
Во имя благородства и любви,
Там, где теперь такие злые нравы!

¹¹² О Бреттиноро, больше не живи!
Ушел твой славный род, и с ним в опале
Все, у кого пылала честь в крови.

¹¹⁵ Нет, к счастью, сыновей в Баньякавале;
А Коньо – стыд, и Кастрокаро – стыд,
Плодящим графов, хуже, чем вначале.

¹¹⁸ Когда их демон будет в прах зарыт,
Не станет сыновей и у Пагани,
Но это славы их не обелит.

¹²¹ О Уголин де'Фантолин, заране
Твой дом себя от поношенья спас:
Никто не омрачит его преданий!

¹²⁴ Но ты иди, тосканец; мне сейчас
Милей беседы – дать слезам излиться;
Так душу мне измучил мой рассказ!»

¹²⁷ Мы знали – шаг наш должен доноситься
До этих душ; и, раз молчат они,
Мы на дорогу можем положиться.

¹³⁰ И вдруг на нас, когда мы шли одни,
Нагрязнул голос, мчавшийся вдоль кручи
Быстрее перуна в грозовые дни:

¹³³ «Меня убьет, кто встретит!» – и, летучий,
Затих вдали, как затихает гром,
Прорвавшийся сквозь оболочку тучи.

¹³⁶ Едва наш слух успел забыть о нем,
Раздался новый, словно повторенный
Удар грозы, бушующей кругом:

¹³⁹ «Я тень Аглавы, в камень превращенной!»
И я, правей, а не вперед ступив,
К наставнику прижался, уstraшенный.

¹⁴² Уже был воздух снова молчалив.
«Вот жесткая узда, – сказал Вергилий, –
Чтобы греховный сдерживать порыв.

¹⁴⁵ Но вас влечет наживка, без усилий
На удочку вас ловит супостат,
И проку нет в поводах и вабиле.

¹⁴⁸ Вкруг вас, взывая, небеса кружат,
Где все, что зримо, – вечно и прекрасно,
А вы на землю устремили взгляд;

¹⁵¹ И вас карает тот, кому всё ясно».

Песнь пятнадцатая

Какую долю, дневный путь свершая,
Когда к исходу близок третий час,
Являет сфера, как дитя, живая,

⁴ Такую долю и теперь как раз
Осталось солнцу опуститься косо;
Там вечер был, и полночь здесь у нас.

⁷ Лучи нам били в середину носа,
Затем что мы к закатной стороне
Держали путь по выступу утеса,

¹⁰ Как вдруг я ощутил, что в очи мне
Ударил новый блеск, струясь продольно,
И удивился этой новизне.

¹³ Тогда ладони я поднес невольно
К моим бровям, держа их козырьком,
Чтобы от света не было так больно.

¹⁶ Как от воды иль зеркала углом
Отходит луч в противном направлении,
Причем с паденьем сходствует подъем,

¹⁹ И от отвеса, в равном отдаленье,
Уклон такой же точно он дает,
Что подтверждается при наблюденьи,

²² Так мне казалось, что в лицо мне бьет
Сиянье отражаемого света,
И взор мой сделал быстрый поворот.

²⁵ «Скажи, отец возлюбленный, что это
Так неотступно мне в глаза разит,

Всё надвигаясь?» – я спросил поэта.

²⁸ «Не диво, что тебя еще слепит
Семья небес, – сказал он. – К нам, в сиянье,
Идет посол – сказать, что путь открыт.

³¹ Но скоро в тяжком для тебя сверканье
Твои глаза отраду обретут,
Насколько услаждаться в состоянии».

³⁴ Когда мы подошли: «Ступени тут, –
Сказал, ликуя, вестник благодати, –
И здесь подъем гораздо меньше крут».

³⁷ Уже мы подымались, и «Bead
Misericordes!» пелось нам вослед
И «Радуйся, громящий вражьи рати!»

⁴⁰ Мы шли все выше, я и мой поэт,
Совсем одни; и я хотел, шагая,
Услышать наставительный ответ;

⁴³ И так ему промолвил, вопрошая:
«Что тот слепой романец разумел,
О «доступе другим» упоминая?»

⁴⁶ И вождь: «Познав, какой грозит удел
Позарившимся на чужие крохи,
Он вас от слез предостеречь хотел.

⁴⁹ Богатства, вас влекущие, тем плохи,
Что, чем вас больше, тем скуднее часть,
И зависть мехом раздувает вздохи.

⁵² А если бы вы устремляли страсть
К верховной сфере, беспокойство ваше
Должно бы неминуемо отпасть.

⁵⁵ Ведь там – чем больше говорящих «наше»,
Тем большей долей каждый наделен,
И тем любовь горит светлей и краше».

⁵⁸ «Теперь я даже меньше утолен, –

Ответил я ему, – чем был сначала,
И большими сомненьями смущен.

⁶¹ Ведь если достоянье общим стало
И совладельцев много, почему
Они богаче, чем когда их мало?»

⁶⁴ И он в ответ: «Ты снова дал уму
Отвлечься в сторону земного дела
И вместо света почерпаешь тьму.

⁶⁷ Как луч бежит на световое тело,
Так нескончаемая благодать
Спешит к любви из горнего предела,

⁷⁰ Даря ей то, что та способна взять;
И чем сильнее пыл, в душе зажженный,
Тем большей славой ей дано сиять.

⁷³ Чем больше сонм, любовью озаренный,
Тем больше в нем благой любви горит,
Как в зеркалах взаимно отраженной.

⁷⁶ Когда моим ответом ты не сыт,
То Беатриче все твои томленья,
И это и другие, утолит.

⁷⁹ Стремись быстрее достигнуть исцеленья
Пяти рубцов, как истребились два,
Изглаженные силой сокрушенья».

⁸² «Ты мне даруешь...» – начал я едва,
Как следующий круг возник пред нами,
И жадный взор мой оттеснил слова.

⁸⁵ И вдруг я словно был восхищен снами,
Как если бы восторг меня увлек,
И я увидел сборище во храме;

⁸⁸ И женщина, переступив порог,
С заботой материнской говорила:
«Зачем ты это сделал нам, сынок?

⁹¹ Отцу и мне так беспокойно было
Тебя искать!» Так молвила она,
И первое видение уплыло.

⁹⁴ И вот другая, болью пронзена,
Которую родит негодование,
Льет токи слез, и речь ее слышна:

⁹⁷ «Раз ты властитель града, чье название
Среди богов посеяло разлад
И где блистает всяческое знание,

¹⁰⁰ Отмсти рукам бесстыдным, Писистрат,
Обнявшим нашу дочь!» Но был спокоен
К ней обращенный властелином взгляд,

¹⁰³ И он сказал, нимало не расстроен:
«Чего ж тогда достоин наш злодей,
Раз тот, кто любит нас, суда достоин?»

¹⁰⁶ Потом я видел яростных людей,
Которые, столпившись, побивали
Камнями юношу, крича: «Бей! Бей!»

¹⁰⁹ А тот, давимый гибелью, чем дале,
Тем все бессильней поникал к земле,
Но очи к небу двери отверзали,

¹¹² И он молил, чтоб грешных в этом зле
Господь всевышний гневом не коснулся,
И зрелась кротость на его челе.

¹¹⁵ Как только дух мой изнутри вернулся
Ко внешней правде в должную чреду,
Я от неложных грез моих очнулся.

¹¹⁸ Вождь, увидав, что я себя веду,
Как тот, кого внезапно разбудили,
Сказал мне: «Что с тобой? Ты как в чаду,

¹²¹ Прошел со мною больше полумили,
Прикрыв глаза и шатко семеня,
Как будто хмель иль сон тебя клонили».

¹²⁴ И я: «Отец мой, выслушай меня,
И я тебе скажу, что мне предстало,
Суставы ног моих окостеня».

¹²⁷ И он: «Хотя бы сто личин скрывало
Твои черты, я бы до дна проник
В рассудок твой сквозь это покрывало.

¹³⁰ Тебе был сон, чтоб сердце ни на миг
Не отвращало влагу примиренья,
Которую предвечный льет родник.

¹³³ Я «Что с тобой?» спросил не от смятенья,
Как тот, чьи взоры застилает мрак,
Сказал бы рухнувшему без движенья;

¹³⁶ А я спросил, чтоб укрепить твой шаг:
Ленивых надобно будить, а сами
Они не расшевелиятся никак».

¹³⁹ Мы шли сквозь вечер, мера даль глазами,
Насколько солнце позволяло им,
Сиявшее закатными лучами;

¹⁴² А нам навстречу – нараставший дым
Скопьялся, темный и подобный ночи,
И негде было скрыться перед ним;

¹⁴⁵ Он чистый воздух нам затмил и очи.

Песнь шестнадцатая

Во мраке Ада и в ночи, лишенной
Своих планет и слоєм облаков
Под небом скудным плотно затемненной,

⁴ Мне взоров не давил такой покров,
Как этот дым, который все сгущался,
Причем и ворс нещадно был суров.

⁷ Глаз, не стерпев, невольно закрывался;
И спутник мой придвинулся слегка,
Чтоб я рукой его плеча касался.

¹⁰ И как слепец, держась за вожака,
Идет, боясь отстать и опасаясь
Ушиба иль смертельного толчка,

¹³ Так, мглой густой и горькой пробираясь,
Я шел и новых не встречал помех,
А вождь твердил: «Держись, не отрываясь!»

¹⁶ И голоса я слышал, и во всех
Была мольба о мире и прощенье
Пред агнцем божьим, снявшим с мира грех.

¹⁹ Там «Agnus Dei» пелось во вступление;
И речи соблюдались, и напев
Одни и те же, в полном единенье.

²² «Учитель, это духи?» – осмелев,
Спросил я. Он в ответ: «Мы рядом с ними.
Здесь, расторгая, сбрасывают гнев».

²⁵ «А кто же ты, идущий в нашем дыме
И вопрошающий про нас, как те,
Кто мерит год календами земными?»

²⁸ Так чей-то голос молвил в темноте.
«Ответь, – сказал учитель, – и при этом
Дознайся, здесь ли выход к высоте».

³¹ И я: «О ты, что, осиянный светом,
Взойдешь к Творцу, ты будешь удивлен,
Когда пройдешь со мной, моим ответом».

³⁴ «Пройду, насколько я идти волен;
И если дым преградой стал меж нами,
Нам связью будет слух», – ответил он.

³⁷ Я начал так: «Повитый пеленами,
Срываемыми смертью, вверх иду,
Подземными измучен глубинами;

⁴⁰ И раз угодно божьему суду,
Чтоб я увидел горние палаты,
Чему давно примера не найду,

⁴³ Скажи мне, кем ты был до дня расплаты
И верно ли ведет стезя моя,
И твой язык да будет наш вожатый».

⁴⁶ «Я был ломбардец, Марко звался я;
Изведал свет и к доблести стремился,
Куда стрела не метит уж ничья.

⁴⁹ А с правильной дороги ты не сбился».
Так он сказал, добавив: «Я прошу,
Чтоб обо мне, взойдя, ты помолился».

⁵² И я: «Твое желанье я свершу;
Но у меня сомнение родилось,
И я никак его не разрешу.

⁵⁵ Возникшее, оно усугубилось
От слов твоих, мне подтвердивших то,
С чем здесь и там оно соединилось.

⁵⁸ Как ты сказал, теперь уже никто
Добра не носит даже и личину:

Зло и внутри, и сверху разлито.

⁶¹ Но укажи мне, где искать причину:
Внизу иль в небесах? Когда пойму,
Я и другим поведать не премину».

⁶⁴ Он издал вздох, замерший в скорбном «У!»,
И начал так, в своей о нас заботе:
«Брат, мир-слепец, и ты сродни ему.

⁶⁷ Вы для всего причиной признаете
Одно лишь небо, словно все дела
Оно вершит в своем круговороте.

⁷⁰ Будь это так, то в вас бы не была
Свободной воля, правды бы не стало
В награде за добро, в отмщенье зла.

⁷³ Влечения от небес берут начало, –
Не все; но скажем даже – все сполна, –
Вам дан же свет, чтоб воля различала

⁷⁶ Добро и зло, и ежели она
Осилит с небом первый бой опасный,
То, с доброй пищей, победить должна.

⁷⁹ Вы лучшей власти, вольные, подвластны
И высшей силе, влившей разум в вас;
А небеса к нему и непричастны.

⁸² И если мир шатается сейчас,
Причиной – вы, для тех, кто понимает;
Что это так, покажет мой рассказ.

⁸⁵ Из рук того, кто искони лелеет
Ее в себе, рождаясь, как дитя,
Душа еще и мыслить не умеет,

⁸⁸ Резвится, то смеясь, а то грустя,
И, радостного мастера создание,
К тому, что манит, тотчас же летя.

⁹¹ Ничтожных благ вкусив очарованье,

Она бежит к ним, если ей препон
Не создают ни вождь, ни обузданье.

⁹⁴ На то и нужен, как узда, закон;
На то и нужен царь, чей взор открыто
Хоть к башне Града был бы устремлен.

⁹⁷ Законы есть, но кто же им защита?
Никто; ваш пастырь жвачку хоть жует,
Но не раздвоены его копыта;

¹⁰⁰ И паства, видя, что вожатый льнет
К благам, будящим в ней самой влечение,
Ест, что и он, и лучшего не ждет.

¹⁰³ Ты видишь, что дурное управленье
Виной тому, что мир такой плохой,
А не природы вашей извращенье.

¹⁰⁶ Рим, давший миру наилучший строй,
Имел два солнца, так что видно было,
Где божий путь лежит и где мирской.

¹⁰⁹ Потом одно другое погасило;
Меч слился с посохом, и вышло так,
Что это их, конечно, развратило

¹¹² И что взаимный страх у них иссяк.
Взгляни на колос, чтоб не сомневаться;
По семени распознается злак.

¹¹⁵ В стране, где По и Адиче струятся,
Привыкли честь и мужество цвести;
В дни Федерика стал уклад ломаться;

¹¹⁸ И что теперь открыты все пути
Для тех, кто раньше к людям честной жизни
Стыдился бы и близко подойти.

¹²¹ Есть, правда, новым летам к укоризне,
Три старика, которые досель
Томятся жаждой по иной отчизне:

¹²⁴ Герардо славный; Гвидо да Кагель,
«Простой ломбардец», милый и француз;
Куррадо да Палаццо. Неужель

¹²⁷ Не видишь ты, что церковь, взяв обузу
Мирских забот, под бременем двух дел
Упала в грязь, на срам себе и грузу?»

¹³⁰ «О Марко мой, я всё уразумел, —
Сказал я. — Вижу, почему левиты
Не получили ничего в удел.

¹³³ Но кто такой Герардо знаменитый,
Который в диком веке, ты сказал,
Остался миру как пример забытый?»

¹³⁶ «Ты странно говоришь, — он отвечал. —
Ужели ты, в Тоскане обитая,
Про доброго Герардо не слыхал?

¹³⁹ Так прозвище ему. Вот разве Гайя,
Родная дочь, снабдит его другим.
Храни вас бог! А я дошел до края.

¹⁴² Уже заря белеется сквозь дым, —
Там ангел ждет, — и надо, чтоб от света
Я отошел, куда я незрим».

¹⁴⁵ И повернул, не слушая ответа.

Песнь семнадцатая

Читатель, если ты в горах, бывало,
Бродил в тумане, глядя, словно крот,
Которому плева глаза застлала,

⁴ Припомни миг, когда опять начнет
Редеть густой и влажный пар, – как хило
Шар солнца сквозь него сиянье льет;

⁷ И ты поймешь, каким вначале было,
Когда я вновь его увидел там,
К закату нисходившее светило.

¹⁰ Так, примеряясь к дружеским шагам
Учителя, я шел редевшей тучей
К уже умершим под горой лучам.

¹³ Воображенье, чей порыв могучий
Подчас таков, что, кто им увлечен,
Не слышит рядом сотни труб гремучей,

¹⁶ В чем твой источник, раз не в чувстве он?
Тебя рождает некий свет небесный,
Сам или высшей волей источен.

¹⁹ Жестокость той, которая телесный
Сменила облик, певчей птицей став,
В моем уме вдавила след чудесный;

²² И тут мой дух всего себя собрав
В самом себе, все прочее отринул,
С тем, что вовне, общение прервав.

²⁵ Затем в мое воображенье хлынул
Распятый, гордый обликом, злодей,
Чью душу гнев и в смерти не покинул.

²⁸ Там был с Эсфирью, верно своей
Великий Артаксеркс и благородный
Речами и делами Мардохей.

³¹ Когда же этот образ, с явью сходный,
Распался наподобье пузыря,
Лишившегося оболочки водной, –

³⁴ В слезах предстала дева, говоря:
«Зачем, царица, горестной кончины
Ты захотела, гневом возгоря?

³⁷ Ты умерла, чтоб не терять Лавины, –
И потеряла! Я подъямлю гнет
Твоей, о мать, не чьей иной судьбины».

⁴⁰ Как греза сна, когда ее прервет
Волна в глаза ударившего света,
Трепещет миг, потом совсем умрет, –

⁴³ Так было сметено виденье это
В лицо мое ударившим лучом,
Намного ярче, чем сиянье лета.

⁴⁶ Пока, очнувшись, я глядел кругом,
Я услышал слова: «Здесь восхождение»,
И я уже не думал о другом,

⁴⁹ И волю охватило то стремленье
Скорей взглянуть, кто это говорил,
Которому предел – лишь утоление.

⁵² Но как на солнце посмотреть нет сил,
И лик его в чрезмерном блеске тает,
Так точно здесь мой взгляд бессилен был.

⁵⁵ «То божий дух, и нас он наставляет
Без нашей просьбы и от наших глаз
Своим же светом сам себя скрывает.

⁵⁸ Как мы себя, так он лелеет нас;
Мы, чуя просьбу и нужду другого,

Уже готовим, злобствуя, отказ.

⁶¹ Направим шаг на звук такого зова;
Идем наверх, пока не умер день;
Нельзя всходить средь сумрака ночного».

⁶⁴ Так молвил вождь, и мы вступили в тень
Высокой лестницы, свернув налево;
И я, взойдя на первую ступень,

⁶⁷ Лицом почуял как бы взмах обвева;
«Beati, – чей-то голос возгласил, –
Pacific!, в ком нет дурного гнева!»

⁷⁰ Уже к таким высотам уходил
Пред наступавшей ночью луч заката,
Что кое-где зажглись огни светил.

⁷³ «О мощь моя, ты вся ушла куда-то!» –
Сказал я про себя, заметя вдруг,
Что сила ног томлением обьята.

⁷⁶ Мы были там, где, выйдя в новый круг,
Кончалась лестница, и здесь, у края,
Остановились, как доплывший струг.

⁷⁹ Я начал вслушиваться, ожидая,
Не огласится ль звуком тишина;
Потом, лицо к поэту обращая:

⁸² «Скажи, какая, – я сказал, – вина
Здесь очищается, отец мой милый?
Твой скован шаг, но речь твоя вольна».

⁸⁵ «Любви к добру, неполной и унылой,
Здесь придается мощность, – молвил тот. –
Здесь вялое весло бьет с новой силой.

⁸⁸ Пусть разум твой к словам моим прильнет,
И будет мой урок немногословный
Тебе на отдыхе как добрый плод.

⁹¹ Мой сын, вся тварь, как и творец верховный, –

Так начал он, – ты это должен знать,
Полна любви, природной иль духовной.

⁹⁴ Природная не может погрешать;
Вторая может целью ошибиться,
Не в меру скудной иль чрезмерной стать.

⁹⁷ Пока она к высокому стремится,
А в низком за предел не перешла,
Дурным усладам нет причин родиться;

¹⁰⁰ Но где она идет стезею зла
Иль блага жаждет слишком или мало,
Там тварь завет творца не соблюдла.

¹⁰³ Отсюда ясно, что любовь – начало
Как всякого похвального плода,
Так и всего, за что карать пристало.

¹⁰⁶ А так как взор любви склонен всегда
К тому всех прежде, кем она носима,
То неприязнь к себе вещам чужда.

¹⁰⁹ И так как сущее неотделимо
От Первой сущности, она никак
Не может оказаться нелюбима.

¹¹² Раз это верно, остается так:
Зло, как предмет любви, есть зло чужое,
И в вашем иле вид ее трояк.

¹¹⁵ Иной надеется подняться вдвое,
Поправ соседа, – этот должен пасть,
И лишь тогда он будет жить в покое;

¹¹⁸ Иной боится славу, милость, власть
Утратить, если ближний вознесется;
И неприязнь томит его, как страсть;

¹²¹ Иной же от обиды так зажжется,
Что голоден, пока не отомстит,
И мыслями к чужой невзгоде рвется.

¹²⁴ И этой вот любви троякий вид
Оплакан там внизу; но есть другая,
Чей путь к добру – иной, чем надлежит.

¹²⁷ Все смутно жаждут блага, сознавая,
Что мир души лишь в нем осуществим,
И все к нему стремятся, уповая.

¹³⁰ Но если вас влечет к общенью с ним
Лишь вялая любовь, то покаянных
Казнит вот этот круг, где мы стоим.

¹³³ Еще есть благо, полное обманных,
Пустых отрад, в котором нет того,
В чем плод и корень благ, для счастья данных.

¹³⁶ Любовь, чресчур алкавшая его,
В трех верхних кругах предается плачу;
Но в чем ее тройное естество,

¹³⁹ Я умолчу, чтоб ты решил задачу».

Песнь восемнадцатая

Окончил речь наставник мой высокий
И мне глядел в глаза, чтобы узнать,
Вполне ли я постиг его уроки.

⁴ Я, новой жаждой мучимый опять,
Вовне молчал, внутри твердил: «Не дело
Ему, быть может, слишком докучать».

⁷ Он, как отец, поняв, какое тлею
Во мне желанье, начал разговор,
Чтоб я решился высказаться смело.

¹⁰ И я: «Твой свет так оживил мне взор,
Учитель, что ему наглядным стало
Все то, что перед ним ты распростер;

¹³ Но, мой отец, еще я знаю мало,
Что есть любовь, в которой всех благих
И грешных дел ты полагал начало».

¹⁶ «Направь ко мне, – сказал он, – взгляд своих
Духовных глаз, и вскроешь заблужденье
Слепцов, которые ведут других.

¹⁹ В душе к любви заложено стремленье,
И все, что нравится, ее влечет,
Едва ее поманит наслажденье.

²² У вас внутри воспринятым живет
Наружный образ, к вам запав – таится
И душу на себя взглянуть зовет;

²⁵ И если им, взглянув, она пленится,
То этот плен – любовь; природный он,

И наслажденьем может лишь скрепиться.

²⁸ И вот, как пламень кверху устремлен,
И первое из свойств его – взлетанье
К среде, где он прочнее сохранен, –

³¹ Так душу пленную стремится желанье,
Духовный взлет, стихая лишь тогда,
Когда она вступает в обладанье.

³⁴ Ты видишь сам, как истина чужда
Приверженцам той мысли сумасбродной,
Что, мол, любовь оправдана всегда.

³⁷ Пусть даже чист состав ее природный;
Но если я и чистый воск возьму,
То отпечаток может быть негодный».

⁴⁰ «Твои слова послушному уму
Раскрыли суть любви; но остается
Недоуменье, – молвил я ему. –

⁴³ Ведь если нам любовь извне дается
И для души другой дороги нет,
Ей отвечать за выбор не придется».

⁴⁶ «Скажу, что видит разум, – он в ответ. –
А дальше – дело веры; уповая,
Жди Беатриче, и обрящешь свет.

⁴⁹ Творящее начало, пребывая
Врозь с веществом в пределах вещества,
Полно особой силы, каковая

⁵² В бездействии незрима, хоть жива,
А зрима лишь посредством проявленья;
Так жизнь растенья выдает листва.

⁵⁵ Откуда в вас зачатки постиженья,
Сокрыто от людей завесой мглы,
Как и откуда первые влеченья,

⁵⁸ Подобные потребности пчелы

Брать мед; и нет хвалы, коль взвесить строго,
Для этой первой воли, ни хулы.

⁶¹ Но вслед за ней других теснится много,
И вам дана способность править суд
И делать выбор, стоя у порога.

⁶⁴ Вот почему у вас ответ несут,
Когда любви благой или презренной
Дадут или отпор, или приют.

⁶⁷ И те, чья мысль была проникновенной,
Познав, что вам свобода врождена.
Нравоученье вынесли вселенной.

⁷⁰ Итак, пусть даже вам извне дана
Любовь, которая внутри пылает, –
Душа всегда изгнать ее вольна.

⁷³ Вот то, что Беатриче называет
Свободной волей; если б речь зашла
О том у вас, пойми, как подобает».

⁷⁶ Луна в полночный поздний час плыла
И, понуждая звезды разредиться,
Скользила, в виде яркого котла,

⁷⁹ Навстречу небу, там, где солнце мчится,
Когда оно за Римом для очей
Меж сардами и корсами садится.

⁸² И тень, чьей славой Пьетоло славней
Всей мантуанской области пространной,
Сложила бремя тяготы моей.

⁸⁵ А я, приняв столь ясный и желанный
Ответ на каждый заданный вопрос,
Стоял, как бы дремотой обуянный.

⁸⁸ Но эту дрему тотчас же унес
Внезапный крик, и показались тени,
За нами обегавшие утес.

⁹¹ Как некогда Асоп или Исмений
Видали по ночам толпу и гон
Фивян во время Вакховых радений,

⁹⁴ Так здесь несутся, огибая склон, —
Я смутно видел, — в вечном непокое
Те, кто благой любовью уязвлен.

⁹⁷ Мгновенно это скопище большое,
Спеша бегом, настигло нас, и так,
Всех впереди, в слезах кричали двое:

¹⁰⁰ «Мария в горы устремила шаг,
И Цезарь поспешил, кольнув Марсилью,
В Испанию, где ждал в Илерде враг».

¹⁰³ «Скорей, скорей, нельзя любвеобилью
Быть вялым! — сзади общий крик летел. —
Нисходит милость к доброму усилью».

¹⁰⁶ «О вы, в которых острый пыл вскипел
Взамен того, как хладно и лениво
Вы медлили в свершенье добрых дел!

¹⁰⁹ Вот он, живой, — я говорю нелживо, —
Идет наверх и только солнца ждет;
Скажите нам, где щель в стене обрыва».

¹¹² Так встретил вождь стремившийся народ;
Одна душа сказала, пробегая:
«Иди за нами и увидишь вход».

¹¹⁵ Потребность двигаться у нас такая,
Что ноги нас не удержишь мчат;
Прости, наш долг за грубость не считая.

¹¹⁸ Я жил в стенах Сан-Дзено как аббат,
И нами добрый Барбаросса правил,
О ком в Милане скорбно говорят.

¹²¹ Одну стопу уже во гроб поставил
Тот, кто оплатит этот божий дом,
Который он, имея власть, ославил,

¹²⁴ Назначив сына, зачатого злом,
С душой еще уродливей, чем тело,
Не по уставу пастырствовать в нем».

¹²⁷ Толпа настолько пробежать успела,
Что я не знаю, смолк он или нет;
Но эту речь душа запечатлела.

¹³⁰ И тот, кто был мне помощь и совет,
Сказал: «Смотри, как двое там, зубами
Вцепясь в унынье, мчатся им вослед».

¹³³ «Не раньше, – крик их слышался за нами, –
Чем истребились те, что по дну шли,
Открылся Иордан пред их сынами.

¹³⁶ И те, кто утомленья не снесли,
Когда Эней на подвиг ополчился,
Себя бесславной жизни обрекли».

¹³⁹ Когда их сонм настолько удалился,
Что видеть я его уже не мог,
Во мне какой-то помысел родился,

¹⁴² Который много всяких новых влек,
И я, клонясь от одного к другому,
Закрыв глаза, вливался в их поток,

¹⁴⁵ И размышление претворилось в дрему.

Песнь девятнадцатая

Когда разлитый в воздухе безбурном
Зной дня слабей, чем хладная луна,
Осиленный землей или Сатурном,

⁴ А геомантам, пред зарей, видна
Fortuna maior там, где торопливо
Восточная светлеет сторона,

⁷ В мой сон вступила женщина: гугнива,
С культами вместо рук, лицом желта,
Она хромала и глядела криво.

¹⁰ Я на нее смотрел; как теплота
Живит издрогнувшее за ночь тело,
Так и мой взгляд ей развязал уста,

¹³ Помог ей тотчас выпрямиться смело
И гиблое лицо свое облечь
В такие краски, как любовь велела.

¹⁶ Как только у нее явилась речь,
Она запела так, что я от плена
С трудом бы мог внимание уберечь.

¹⁹ «Я, – призрак пел, – я нежная сирена,
Мутящая рассудок моряков,
И голос мой для них всему замена.

²² Улисса совратил мой сладкий зов
С его пути; и тот, кто мной пленится,
Уходит редко из моих оков».

²⁵ Скорей, чем рот ее успел закрыться,
Святая и усердная жена
Возникла возле, чтобы той смутиться.

²⁸ «Вергилий, о Вергилий, кто она?» –
Ее был возглас; он же, стоя рядом,
Взирал, как эта чистая гневна.

³¹ Она ее схватила с грозным взглядом
И, ткань порвав, открыла ей живот;
Меня он разбудил несносным смрадом.

³⁴ «Я трижды звал, потом оставил счет, –
Сказал мой вождь, чуть я повел очами. –
Вставай, пора идти! Отыщем вход».

³⁷ Я встал; уже наполнились лучами
По всей горе священные круги;
Мы шли с недавним солнцем за плечами.

⁴⁰ Я следом направлял мои шаги,
Изогнутый под грузом размышлений,
Как половина мостовой дуги.

⁴³ Вдруг раздалось: «Придите, здесь ступени», –
И ласка в этом голосе была,
Какой не слышно в нашей смертной сени.

⁴⁶ Раскрыв, подобно лебедю, крыла,
Так говоривший нас наверх направил,
Туда, где в камне лестница вела.

⁴⁹ Он, обмахнув нас перьями, прибавил,
Что те, «qui lugent», счастье обрели,
И утешенье, ждущее их, славил.

⁵² «Ты что склонился чуть не до земли?» –
Так начал говорить мне мой вожатый,
Когда мы выше ангела взошли.

⁵⁵ И я: «Иду, сомненьями объятый;
Я видел сон и жаждал бы ясней
Понять язык его замысловатый».

⁵⁸ И он: «Ты видел ведьму древних дней,
Ту самую, о ком скорбят над нами;

Ты видел, как разделяваться с ней.

⁶¹ С тебя довольно; землю бей стопами!
Взор обрати к вабилу, что кружит
Предвечный царь огромными кругами!»

⁶⁴ Как сокол долго под ноги глядит,
Потом, услышав оклик, встрепется
И тянется туда, где будет сыт,

⁶⁷ Так сделал я; и так, пока сечется
Ведущей вверх тропой громада скал,
Всходил к уступу, где дорога вьется.

⁷⁰ Вступая в пятый круг, я увидел
Народ, который, двинуться не смея,
Лицом к земле поверженный, рыдал.

⁷³ «Adhaesit pavimento anima mea!» –
Услышал я повсюду скорбный звук,
Едва слова сквозь вздохи разумея.

⁷⁶ «Избранники, чье облегчение мук –
И в правде, и в надежде, укажите,
Как нам подняться в следующий круг!»

⁷⁹ «Когда вы здесь меж нами не лежите,
То, чтобы путь туда найти верней,
Кнаруже правое плечо держите».

⁸² Так молвил вождь, и так среди теней
Ему ответили; а кто ответил,
Мой слух мне указал всего точней.

⁸⁵ Я взор наставника глазами встретил;
И он позволил, сделав бодрый знак,
То, что в просящем облике заметил.

⁸⁸ Тогда, во всем свободный, я мой шаг
Направил ближе к месту, где скорбело
Созданье это, и промолвил так:

⁹¹ «Дух, льющий слезы, чтобы в них созрело

То, без чего возврата к богу нет,
Скажи, прервав твое святое дело:

⁹⁴ Кем был ты; почему у вас хребет
Вверх обращен; и чем могу хоть мало
Тебе помочь, живым покинув свет?»

⁹⁷ «Зачем нас небо так ничком прижало,
Ты будешь знать; но раньше scías quod
Fui successor Petri, – тень сказала. –

¹⁰⁰ Меж Кьявери и Сьестри воды льет
Большой поток, и с ним одноименный
Высокий титул отличил мой род.

¹⁰³ Я свыше месяца влачил, согбенный,
Блюдя от грязи, мантию Петра;
Пред ней – как пух все тяжести вселенной.

¹⁰⁶ Увы, я поздно стал на путь добра!
Но я познал, уже как пастырь Рима,
Что жизнь земная – лживая мара.

¹⁰⁹ Душа, я видел, как и встарь томима,
А выше стать в той жизни я не мог, –
И этой восхотел неудержимо.

¹¹² До той поры я жалок и далек
От бога был, неизмеримо жадный,
И казнь, как видишь, на себя навлек.

¹¹⁵ Здесь явлен образ жадности наглядный
Вот в этих душах, что окрест лежат;
На всей горе нет муки столь нещадной.

¹¹⁸ Как там подняться не хотел наш взгляд
К высотам, устремляемый к земному,
Так здесь возмездьем он к земле прижат.

¹²¹ Как жадность там порыв любви к благому
Гасила в нас и не влекла к делам,
Так здесь возмездье, хоть и по-иному,

¹²⁴ Стопы и руки связывает нам,
И мы простерты будем без движенья,
Пока угодно правым небесам».

¹²⁷ Став на колени из благоговенья,
Я начал речь, но и по слуху он
Заметил этот признак уваженья

¹³⁰ И молвил: «Почему ты так склонен?»
И я в ответ: «Таков ваш сан великий,
Что совестью я, стоя, уязвлен».

¹³³ «Брат, встань! – ответил этот дух безликий. –
Ошибся ты: со всеми и с тобой
Я сослужитель одного владыки.

¹³⁶ Тому, кто звук Евангеля святой,
Гласящий «Neque nubent», разумеет,
Понятно будет сказанное мной.

¹³⁹ Теперь иди; мне скорбь моя довлеет;
Ты мне мешаешь слезы лить, стена,
В которых то, что говорил ты, зреет.

¹⁴² Есть добрая Аладжа у меня,
Племянница, – и только бы дурного
В ней не посеяла моя родня!

¹⁴⁵ Там у меня нет никого другого».

Песнь двадцатая

Пред лучшей волей силы воли хрупки;
Ему в угоду, в неугоду мне,
Я погруженной не насытил губки.

⁴ Я двинулся; и вождь мой, в тишине,
Свободными местами шел под кручей,
Как вдоль бойниц проходят по стене;

⁷ Те, у кого из глаз слезой горючей
Сочится зло, заполнившее свет,
Лежат кнаруже слишком плотной кучей.

¹⁰ Будь проклята, волчица древних лет,
В чьем ненасытном голоде все тонет
И яростней которой зверя нет!

¹³ О небеса, чей ход иными понят,
Как полновластный над судьбой земли,
Идет ли тот, кто эту тварь изгонит?

¹⁶ Мы скудным шагом медленно брели,
Внимая теням, скорбно и устало
Рыдавшим и томившимся в пыли;

¹⁹ Как вдруг вблизи «Мария!» прозвучало,
И так тоска казалась тяжела,
Как если бы то женщина рожала;

²² И далее: «Как ты бедна была,
Являет тот приют, где пеленицей
Ты свой священный отпрыск повила».

²⁵ Потом я слышал: «Праведный Фабриций,
Ты бедностью безгрешной посрамил
Порок, обогащаемый сторицей».

²⁸ Смысл этой речи так был сердцу мил,
Что я пошел вперед, узнать желая,
Кто из лежавших это говорил.

³¹ Еще он славил щедрость Николая,
Который спас невест от нищеты,
Младые годы к чести направляя.

³⁴ «Дух, вспомянувший столько доброты! —
Сказал я. — Кем ты был? И неужели
Хваленья здесь возносишь только ты?

³⁷ Я буду помнить о твоём уделе,
Когда вернусь короткий путь кончать,
Которым жизнь летит к последней цели».

⁴⁰ И он: «Скажу про все, хотя мне ждать
Оттуда нечего; но без сравненья
В тебе, живом, сияет благодать.

⁴³ Я корнем был зловердного растенья,
Наведшего на божью землю мрак,
Такой, что в ней неплодье запустенья.

⁴⁶ Когда бы Гвант, Лиль, Бруджа и Дуак
Могли, то месть была б уже свершенной;
И я молюсь, чтобы случилось так.

⁴⁹ Я был Гугон, Капетом нареченный,
И не один Филипп и Людовик
Над Францией владычил, мной рожденный.

⁵² Родитель мой в Париже был мясник;
Когда старинных королей не стало,
Последний же из племени владык

⁵⁵ Облекся в серое, уже сжимала
Моя рука бразды державных сил,
И мне земель, да и друзей достало,

⁵⁸ Чтоб диадемой вдовой осенил
Мой сын свою главу и длинной смене

Помазанных начало положил.

⁶¹ Пока мой род в прованском пышном вене
Не схоронил стыда, он мог сойти
Ничтожным, но безвредным тем не мене.

⁶⁴ А тут он начал хитрости плести
И грабить; и забрал, во искупленье,
Нормандию, Гасконью и Понти.

⁶⁷ Карл сел в Италии; во искупленье,
Зарезал Куррадина; а Фому
Вернул на небеса, во искупленье.

⁷⁰ Я вижу время, близок срок ему, –
И новый Карл его поход повторит,
Для вящей славы роду своему.

⁷³ Один, без войска, многих он поборет
Копьем Иуды; им он так разит,
Что брюхо у Флоренции распорет.

⁷⁶ Не землю он, а только грех и стыд
Приобретет, тем горший в час расплаты,
Что этот груз его не тяготит.

⁷⁹ Другой, я вижу, пленник, в море взятый,
Дочь продает, гонясь за барышом,
Как делают с рабынями пираты.

⁸² О жадность, до чего же мы дойдем,
Раз кровь мою так привлекло стяжанье,
Что собственная плоть ей нипочем?

⁸⁵ Но я страшнее вижу злодеянье:
Христос в своем наместнике пленен,
И торжествуют лилии в Аланье.

⁸⁸ Я вижу – вновь людьми поруган он,
И желчь и уксус пьет, как древле было,
И средь живых разбойников казнен.

⁹¹ Я вижу – это все не утолило

Новейшего Пилата; осмелев,
Он в храм вторгает хищные ветрила.

⁹⁴ Когда ж, господь, возвеселюсь, узрев
Твой суд, которым, в глубине безвестной,
Ты умягчаешь твой сокрытый гнев?

⁹⁷ А возглас мой к невесте невестной
Святого духа, вызвавший в тебе
Твои вопросы, это наш совместный

¹⁰⁰ Припев к любой творимой здесь мольбе,
Покамест длится день; поздней заката
Мы об обратной говорим судьбе.

¹⁰³ Тогда мы повторяем, как когда-то
Братоубийцей стал Пигмалион,
Предателем и вором, в жажде злата;

¹⁰⁶ И как Мидас в беду был вовлечен,
В своем желанье жадном утоляем,
Которым сделался для всех смешон.

¹⁰⁹ Безумного Ахана вспоминаем,
Добычу скрывшего, и словно зрим,
Как гневом Иисуса он терзаем.

¹¹² Потом Сапфиру с мужем мы виним,
Мы рады синякам Гелиодора,
И вся гора позором круговым

¹¹⁵ Напутствует убийцу Полидора;
Последний клич: «Как ты находишь, Красс,
Вкус золота? Что ты знаток, нет спора!»

¹¹⁸ Кто громко говорит, а кто, подчас,
Чуть вятно, по тому, насколько сурово
Потребность речи уязвляет нас.

¹²¹ Не я один о добрых молвил слово,
Как здесь бывает днем; но невелики
Не слышно было никого другого».

¹²⁴ Мы от него немало отошли
И, напрягая силы до предела,
Спешили по дороге, как могли.

¹²⁷ И вдруг гора, как будто пасть хотела,
Затрепетала; стужа обдала
Мне, словно перед казнию, все тело,

¹³⁰ Не так тряслась Делосская скала,
Пока гнезда там не свила Латона
И небу двух очей не родила.

¹³³ Раздался крик по всем уступам склона,
Такой, что, обратясь, мой проводник
Сказал: «Тебе твой спутник оборона».

¹³⁶ «Gloria in excelsis» – был тот крик,
Один у всех, как я его значение
По возгласам ближайших к нам постиг.

¹³⁹ Мы замерли, внимая восхваленье,
Как слушали те пастухи в былом;
Но прекратился трус, и смолкло пенье.

¹⁴² Мы вновь пошли своим святым путем,
Среди теней, по-прежнему безгласно
Поверженных в рыдании своем.

¹⁴⁵ Еще вовек неведение так страстно
Рассудок мой к познанию не влекло,
Насколько я способен вспомнить ясно,

¹⁴⁸ Как здесь я им терзался тяжело;
Я, торопясь, не смел задать вопроса,
Раздумье же помочь мне не могло;

¹⁵¹ Так, в робких мыслях, шел я вдоль утеса.

Песнь двадцать первая

Терзаемый огнем природной жажды,
Который утоляет лишь вода,
Самаритянке данная однажды,

⁴ Я, следуя вождю, не без труда
Загроможденным кругом торопился,
Скорбя при виде правого суда.

⁷ И вдруг, как, по словам Луки, явился
Христос в дороге двум ученикам,
Когда его могильный склеп раскрылся, —

¹⁰ Так здесь явился дух, вдогонку нам,
Шагавшим над простертыми толпами;
Его мы не заметили; он сам

¹³ Воззвал к нам: «Братья, мир господень с вами!»
Мы тотчас обернулись, и поэт
Ему ответил знаком и словами:

¹⁶ «Да примет с миром в праведный совет
Тебя неложный суд, от горней сени
Меня отторгший до скончанья лет!»

¹⁹ «Как! Если вы не призванные тени, —
Сказал он, с нами торопясь вперед, —
Кто вас возвел на божии ступени?»

²² И мой наставник: «Кто, как этот вот,
Отмечен ангелом, несущим стражу,
Тот воцаренья с праведными ждет.

²⁵ Но так как та, что вечно тянет пряжу,
Его кудель ссучила не вполне,

Рукой Клото намотанную клажу,

²⁸ Его душа, сестра тебе и мне,
Не обладая нашей мощью взгляда,
Идти одна не может к вышине.

³¹ И вот я призван был из бездны Ада
Его вести, и буду близ него,
Пока могу руководить, как надо.

³⁴ Но, может быть, ты знаешь: отчего
Встряслась гора и возглас ликования
Объял весь склон до влажных стоп его?»

³⁷ Спросив, он мне попал в ушко желанья
Так метко, что и жажда смягчена
Была одной отрадой ожиданья.

⁴⁰ Тот начал так: «Гора отрешена
Ото всего, в чем нарушение чина
И в чем бы оказалась новизна.

⁴³ Здесь перемен нет даже и помина:
Небесного в небесное возврат
И только — их возможная причина.

⁴⁶ Ни дождь, ни иней, ни роса, ни град,
Ни снег не выпадают выше грани
Трех ступеней у загражденных врат.

⁴⁹ Нет туч, густых иль редких, нет блистаний,
И дочь Фавманта в небе не пестра,
Та, что внизу живет среди скитаний.

⁵² Сухих паров не ведает гора
Над сказанными мною ступенями,
Подножием наместника Петра.

⁵⁵ Внизу трясет, быть может, временами,
Но здесь ни разу эта вышина
Не сотряслась подземными ветрами.

⁵⁸ Дрожит она, когда из душ одна

Себя познает чистой, так что встанет
Иль вверх пойдет; тогда и песнь слышна.

⁶¹ Знак очищенья – если воля взманил
Переменить обитель, и счастлив,
Кто, этой волей схваченный, воспрянет.

⁶⁴ Душа и раньше хочет; но строптив
Внушенный божьей правдой, против воли,
Позыв страдать, как был грешить позыв.

⁶⁷ И я, простертый в этой скорбной боли
Пятьсот и больше лет, изведаль вдруг
Свободное желанье лучшей доли.

⁷⁰ Вот отчего все дрогнуло вокруг,
И духи песнью славили гремющей
Того, кто да избавит их от мук».

⁷³ Так он сказал; и так как пить тем слаще,
Чем жгучей жажду нам пришлось терпеть,
Скажу ль, как мне был в помощь говорящий?

⁷⁶ И мудрый вождь: «Теперь я вижу сеть,
Вас взявшую, и как разять тенета,
Что зыблет гору и велит вам петь.

⁷⁹ Но кем ты был – узнать моя забота,
И почему века, за годом год,
Ты здесь лежал – не дашь ли мне отчета?»

⁸² «В те дни, когда всеильный царь высот
Помог, чтоб добрый Тит отмстил за раны,
Кровь из которых продал Искарьот, –

⁸⁵ Ответил дух, – я оглашал те страны
Прочнейшим и славнейшим из имен,
К спасению тогда еще не званный.

⁸⁸ Моих дыханий был так сладок звон,
Что мною, толосатом, Рим пленился,
И в Риме я был миртом осенен.

⁹¹ В земных народах Стаций не забылся.
Воспеты мной и Фивы и Ахилл,
Но под вторую ношей я свалился.

⁹⁴ В меня, как семя, искру заронил
Божественный огонь, меня жививший,
Который тысячи воспламенил;

⁹⁷ Я говорю об Энеиде, бывшей
И матерью, и мамкою моей,
И все, что труд мой весит, мне внушившей.

¹⁰⁰ За то, чтоб жить, когда среди людей
Был жив Вергилий, я бы рад в изгнание
Провести хоть солнце свыше должных дней.

¹⁰³ Вергилий на меня взглянул в молчанье,
И вид его сказал: «Будь молчалив!»
Но ведь не всё возможно при желанье.

¹⁰⁶ Улыбку и слезу родит порыв
Душевной страсти, трудно одолимый
Усиьем воли, если кто правдив.

¹⁰⁹ Я не сдержал улыбки еле зримо;
Дух замолчал, чтоб мне в глаза взглянуть,
Где ярче виден помысел таимый.

¹¹² «Да завершишь добром свой тяжкий путь! –
Сказал он мне. – Но что в себе хоронит
Твой смех, успевший только что мелькнуть?»

¹¹⁵ И вот меня две силы розно клонят:
Здесь я к молчанью, там я понужден
К ответу; я вздыхаю, и я понят

¹¹⁸ Учителем. «Я вижу – ты смущен.
Ответь ему, а то его тревожит
Неведение», – так мне промолвил он.

¹²¹ И я: «Моей улыбке ты, быть может,
Дивишься, древний дух. Так будь готов,
Что удивленье речь моя умножит.

¹²⁴ Тот, кто ведет мой взор чредой кругов,
И есть Вергилий, мощи той основа,
С какой ты пел про смертных и богов.

¹²⁷ К моей улыбке не было иного,
Поверь мне, повода, чем миг назад
О нем тобою сказанное слово».

¹³⁰ Уже упав к его ногам, он рад
Их был обнять; но вождь мой, отстраняя:
«Оставь! Ты тень и видишь тень, мой брат».

¹³³ «Смотри, как знойно, – молвил тот, вставая, –
Моя любовь меня к тебе влекла,
Когда, ничтожность нашу забывая,

¹³⁶ Я тени принимаю за тела».

Песнь двадцать вторая

Уже был ангел далеко за нами,
Тот ангел, что послал нас в круг шестой,
Еще рубец смахнув с меня крылами;

⁴ И тех, кто правды восхотел святой,
Назвал блаженными, и прозвучало
Лишь «sitiunt» – и только – в речи той;

⁷ И я, чье тело снова легче стало,
Спешил наверх без всякого труда
Вослед теням, не медлившим нимало, –

¹⁰ Когда Вергилий начал так: «Всегда
Огонь благой любви зажжет другую,
Блеснув хоть в виде робкого следа.

¹³ С тех пор, как в адский Лимб, где я тоскую,
К нам некогда спустился Ювенал,
Открывший мне твою любовь живую,

¹⁶ К тебе я сердцем благосклонней стал,
Чем можно быть, кого-либо не зная,
И короток мне путь средь этих скал.

¹⁹ Но объясни, как другу мне прощая,
Что смелость послабляет удила,
И впредь со мной, как с другом, рассуждая:

²² Как это у тебя в груди могла
Жить скупость рядом с мудростью, чья сила
Усердием умножена была?»

²⁵ Такая речь улыбку пробудила
У Стация; потом он начал так:
«В твоих словах мне все их лаской мило.

²⁸ Поистине, нередко внешний знак
Приводит ложным видом в заблужденье,
Тогда как суть погружена во мрак.

³¹ В твоём вопросе выразилось мнение,
Что я был скуп; подумать так ты мог,
Узнав о том, где я терпел мученье.

³⁴ Так знай, что я от скупости далек
Был даже слишком — и недаром бремя
Нес много тысяч лун за мой порок.

³⁷ И не исторгни я дурное семя,
Внимая восклицанью твоему,
Как бы клеймящему земное племя:

⁴⁰ «Заветный голод к золоту, к чему
Не направляешь ты сердца людские?» —
Я с дракой грузы двигал бы во тьму.

⁴³ Поняв, что крылья чересчур большие
У слишком щедрых рук, и этот грех
В себе я осудил, и остальные.

⁴⁶ Как много стриженных воскреснет, тех,
Кто, и живя и в смертный миг, не чаёт,
Что их вина не легче прочих всех!

⁴⁹ И знай, что грех, который отражает
Наоборот какой-либо иной,
Свою с ним зелень вместе иссушает.

⁵² И если здесь я заодно с толпой,
Клянущей скупость, жаждал очищенья,
То как виновный встречною виной».

⁵⁵ «Но ведь когда ты грозные сраженья
Двойной печали Иокасты пел, —
Сказал воспевающий мирные селенья, —

⁵⁸ То, как я там Клио уразумел,
Тобой как будто вера не водила,
Та, без которой мало добрых дел.

⁶¹ Раз так, огонь какого же светила
Иль светоча тебя разомрачил,
Чтоб устремить за рыбарем ветрила?»

⁶⁴ И тот: «Меня ты первый устремил
К Парнасу, пить пещерных струй прохладу,
И первый, после бога, озарил,

⁶⁷ Ты был, как тот, кто за собой лампаду
Несет в ночи и не себе дает,
Но вслед идущим помощь и отраду,

⁷⁰ Когда сказал: «Век обновленья ждет:
Мир первых дней и правда – у порога,
И новый отрок близится с высот».

⁷³ Ты дал мне петь, ты дал мне верить в бога!
Но, чтоб все части сделались ясны,
Я свой набросок расцвечу немного.

⁷⁶ Уже был мир до самой глубины
Проникнут правой верой, насажденной
Посланными неземной страны;

⁷⁹ И так твой возглас, выше приведенный,
Созвучен был словам учителей,
Что к ним я стал ходить, как друг исконный.

⁸² Я видел в них таких святых людей,
Что в дни Домициановых гонений
Их слезы не бывали без моей.

⁸⁵ Пока я жил под кровом смертной сени,
Я помогал им, и их строгий чин
Меня отторг от всех других учений.

⁸⁸ И, не доведши греческих дружин,
В стихах, к фиванским рекам, я крестился,
Но утаил, что я христианин,

⁹¹ И показным язычеством прикрылся.
За этот грех там, где четвертый круг,
Четыре с лишним века я кружился.

⁹⁴ Но ты, моим глазам раскрывший вдруг
Все доброе, о чем мы говорили,
Скажи, пока нам вверх идти досуг,

⁹⁷ Где старый наш Теренций, где Цецилий,
Где Варий, Плавт? Что знаешь ты про них:
Где обитают и осуждены ли?»

¹⁰⁰ «Они, как Персий, я и ряд других, –
Ответил вождь мой, – там, где грек, вспоенный
Каменами щедрее остальных:

¹⁰³ То – первый круг тюрьмы неозаренной,
Где речь нередко о горе звучит,
Семьей кормилиц наших населенной.

¹⁰⁶ Там с нами Антифонт и Еврипид,
Там встретишь Симонида, Агафона
И многих, кто меж греков знаменит.

¹⁰⁹ Там из тобой воспетых – Антигона,
Аргейя, Деифила, и скорбям
Верна Йемена, как во время оно;

¹¹² Там дочь Тиресия, Фетида там,
И Дейдамия с сестрами своими,
И Лангию открывшая царям».

¹¹⁵ Уже беседа смолкла между ними,
И кругозор их был опять широк,
Не сжатый больше стенами крутыми,

¹¹⁸ И четверо служанок дня свой срок
Исполнило, и пятая вздымала,
Над дышлом стоя,верху жгучий рог,

¹²¹ Когда мой вождь: «По мне бы, надлежало
Кнаруже правым двигаться плечом,
Как мы сходили с самого начала».

¹²⁴ Здесь нам обычай стал поводырем;
И так как был согласен дух высокий,

Мы этим и направились путем.

¹²⁷ Они пошли вперед; я, одинокий,
Вослед; и слушал разговор певцов,
Дававший мне поэзии уроки.

¹³⁰ Но вскоре сладостные звуки слов
Прервало древо, заградив дорогу,
Пленительное запахом плодов.

¹³³ Как ель все уже кверху понемногу,
Так это – книзу, так что взлезть нельзя
Хотя бы даже к нижнему отрогу.

¹³⁶ С той стороны, где замкнута стезя,
Со скал спадала блещущая влага
И растекалась, по листьям скользя.

¹³⁹ Поэты стали в расстояние шага;
И некий голос, средь листвы незрим,
Воскликнул: «Вам запрещено это благо!»

¹⁴² И вновь: «Мария не устам своим,
За вас просящим, послужить желала,
А лишь тому, чтоб вышел пир честным.

¹⁴⁵ У римлянوك напитка не бывало
Иного, чем вода; и Даниил
Презрел еду, и мудрость в нем мужала.

¹⁴⁸ Начальный век, как золото, светил,
И голод желудями услаждался,
И нектар жажде каждый ключ струил.

¹⁵¹ Акридами и медом насыщался
Среди пустынь креститель Иоанн;
А как велик и славен он остался,

¹⁵⁴ Тому залог в Евангелии дан».

Песнь двадцать третья

Я устремлял глаза в густые чащи
Зеленых листьев, как иной ловец,
Из-за пичужек жизнь свою губящий,

⁴ Но тот, кто был мне больше, чем отец,
Промолвил: «Сын, пора идти; нам надо
Полезней тратить время под конец».

⁷ Мой взгляд – и шаг ничуть не позже взгляда –
Вслед мудрецам я обратил тотчас,
И мне в пути их речь была отрада.

¹⁰ Вдруг плач и пенье донеслись до нас, –
«Labia mea, Domine», – рождая
И наслажденье, и печаль зараз.

¹³ «Отец, что это?» – молвил я, внимая.
И он: «Быть может, тени там идут,
Земного долга узел разрешая».

¹⁶ Как странники задумчиво бредут
И, на пути настигнув проходящих,
Оглянут незнакомцев и не ждут,

¹⁹ Так, обгоняя нас, не столь спешащих,
Оглядывала нас со стороны
Толпа теней, смиренных и молчащих.

²² Глаза их были впалы и темны,
Бескровны лица, и так скудно тело,
Что кости были с кожей сращены.

²⁵ Не думаю, чтоб ссохся так всецело
Сам Эрисихтон, даже досягнув,
Голодный, до страшнейшего предела.

²⁸ «Вот те, – подумал я, на них взглянув, –
Которые в Ерусалиме жили
В дни Мариам, вонзившей в сына клюв».

³¹ Как перстни без камней, глазницы были;
Кто ищет «ото» на лице людском,
Здесь букву М прочел бы без усилий.

³⁴ Кто, если он с причиной незнаком,
Поверил бы, что тени чахнут тоже,
Прельщаемые влагой и плодом?

³⁷ Я удивлялся, как, ни с чем не схоже,
Их страждущая плоть изморена,
Их худобе и шелудивой коже;

⁴⁰ И вот из глуби черепа одна
В меня впилась глазами и вскричала:
«Откуда эта милость мне дана?»

⁴³ Ее лица я не узнал сначала,
Но в голосе я сразу угадал
То, что в обличье навсегда пропало.

⁴⁶ От этой искры ярко засиял
Знакомый образ, встав из тьмы бесследной,
И я черты Форезе увидал.

⁴⁹ «О, не гнушайся этой кожей бледной, –
Так он просил, – и струпною корой,
И этой плотью, мясом слишком бедной!

⁵² Скажи мне правду о себе, открой,
Кто эти души, два твоих собрата;
Не откажись поговорить со мной!»

⁵⁵ «Твой мертвый лик оплакал я когда-то, –
Сказал я, – но сейчас он так изрыт,
Что сердце вновь не меньшей болью сжато.

⁵⁸ Молно, скажи мне, что вас так мертвит;
Я так дивлюсь, что мне не до ответа;

Кто полн другим, тот плохо говорит».

⁶¹ И он: «По воле вечного совета
То древо, позади нас, в брызгах вод,
Томительною силою одето.

⁶⁴ Поющий здесь и плачущий народ,
За то, что угождал чрезмерно чреву,
В алчбе и в жажде к святости идет.

⁶⁷ Охоту есть и пить внушают зеву
Пахучие плоды и водопад,
Который растекается по древу.

⁷⁰ И так не раз, пока они кружат,
Свое терзанье обновляют тени,
Или верней – отраду из отрад:

⁷³ Ведь та же воля шлет их к древней сени,
Что слала и Христа воззвать «Или!»,
Когда спасла нас кровь его мучений».

⁷⁶ И я ему: «С тех пор, как плен земли
Твоя душа на лучший мир сменила,
Еще пять лет, Форезе, не прошли.

⁷⁹ И если раньше исчерпалась сила
В тебе грешить, чем тяжкий твой порок
Благая боль пред богом облегчила,

⁸² То как же ты сюда подняться мог?
Я ждал тебя застать на нижней грани,
Там, где выплачивают срок за срок».

⁸⁵ И он мне: «Сладкую полынь страданий
Испить так рано был я приведен
Моею Неллой. Скорбь ее рыданий,

⁸⁸ Ее мольбы и сокрушенный стон
Меня оттуда извлекли до срока,
Минуя все круги, на этот склон.

⁹¹ Тем драгоценней для господня ока

Моя вдовица, милая жена,
Что в доблести все больше одинока;

⁹⁴ Сардинская Барбаджа – та скромна
И женской честью может похвалиться
Пред той Барбаджей, где живет она.

⁹⁷ О милый брат, к чему распространяться?
Уже я вижу тот грядущий час,
Которого недолго дожидаться,

¹⁰⁰ Когда с амвона огласят указ,
Чтоб воспретить бесстыжим флорентийкам
Разгуливать с сосцами напоказ.

¹⁰³ Каким дикаркам или сарацинкам
Духовный или светский нужен бич,
Чтоб с голой грудью не ходить по рынкам?

¹⁰⁶ Когда б могли беспутницы постичь,
Что быстрый бег небес припас их краю,
Уже им рты раскрыл бы скорбный клич;

¹⁰⁹ Беда, – когда я верно предрекаю, –
Их ждет скорей, чем станет бородач
Иной, кто спит сейчас под «баю-баю».

¹¹² Но не таись передо мною, брат!
Не – только я, но все, кто с нами рядом,
Глядят туда, где свет тобой разъят».

¹¹⁵ Я молвил: «Если ты окинешь взглядом,
Как ты со мной и я с тобой живал,
Воспоминанье будет горьким ядом.

¹¹⁸ От жизни той меня мой вождь воззвал,
На днях, когда над нами округленной
Была (и я на солнце указал)

¹²¹ Сестра того. Меня он в тьме бездонной
Провел средь истых мертвых, и за ним
Я движусь, истой плотью облеченный.

¹²⁴ Так я поднялся, им руководим,
Всю эту гору огибая кружно,
Где правят тех, кто в мире был кривым.

¹²⁷ Он говорит, что мы дойдем содружно
До высоты, где Беатриче ждет;
А там ему меня покинуть нужно.

¹³⁰ Так говорит Вергилий, этот вот
(Я указал); другой – та тень святая,
Которой ради дрогнул ваш оплот,

¹³³ Из этих царств ее освобождая».

Песнь двадцать четвертая

Ход не мешал речам, и речи – ходу;
И мы вперед спешили, как спешит
Корабль под ветром в добрую погоду.

⁴ А тени, дважды мертвые на вид,
Провалы глаз уставив на живого,
Являли ясно, как он их дивит.

⁷ Я, продолжая начатое слово,
Сказал: «Она, быть может, к вышине
Идет медлительней из-за другого.

¹⁰ Но где Пиккарда, – скажешь ли ты мне?
А здесь – кого бы вспомнить полагалось
Из тех, кто мне дивится в тишине?»

¹³ «Моя сестра, чьей красоте равнялась
Ее лишь благодать, радостным венцом
На высотах Олимпа увенчалась».

¹⁶ Так он сказал сначала; и потом:
«Ничье прозвание здесь не под запретом;
Ведь каждый облик выдобен постом.

¹⁹ Вот Бонаджунта Луккский, – и при этом
Он пальцем указал, – а тот, щедрей,
Чем прочие, расшитый темным цветом,

²² Святую церковь звал женой своей;
Он был из Тура; искупает гладом
Больсенских, сваренных в вине, угрей».

²⁵ Еще он назвал многих, шедших рядом;
И не был недоволен ни один:

Я никого не видел с мрачным взглядом.

²⁸ Там грыз впустую пильский Убальдин
И Бонифаций, посохом Равенны
Премногих пасший длинный ряд годин.

³¹ Там был мессер Маркезе; в век свой бренный
Он мог в Форли, не иссыхая, пить,
Но жаждой мучился ежемгновенной.

³⁴ Как тот, кто смотрит, чтобы оценить,
Я, посмотрев, избрал поэта Лукки,
Который явно жаждал говорить.

³⁷ Сквозь шепот, имя словно бы Джентукки
Я чуял там, где сам он чуял зной
Ниспосланной ему язвящей муки.

⁴⁰ «Дух, если хочешь говорить со мной, –
Сказал я, – сделай так, чтоб речь звучала
И нам обоим принесла покой».

⁴³ «Есть женщина, еще без покрывала, –
Сказал он. – С ней отрадным ты найдешь
Мой город, хоть его бранят немало.

⁴⁶ Ты это предсказанье унесешь
И, если понял шепот мой превратно,
Потом увидишь, что оно не ложь.

⁴⁹ Но ты ли тот, кто миру спел так внятно
Песнь, чье начало я произношу:
«Вы, жены, те, кому любовь понятна?»

⁵² И я: «Когда любовью я дышу,
То я внимателен; ей только надо
Мне подсказать слова, и я пишу».

⁵⁵ И он: «Я вижу, в чем для нас преграда,
Чем я, Гвиттон, Нотарий далеки
От нового пленительного лада.

⁵⁸ Я вижу, как послушно на листки

Наносят ваши перья смысл внушенный,
Что нам, конечно, было не с руки.

⁶¹ Вот все, на взгляд хоть самый изощренный,
Чем разнятся и тот и этот лад».
И он умолк, казалось – утоленный.

⁶⁴ Как в воздухе сгрудившийся отряд
Проворных птиц, зимующих вдоль Нила,
Порой спешит, вытягиваясь в ряд,

⁶⁷ Так вся толпа вдруг лица отвратила
И быстрым шагом дальше понеслась,
От худобы и воли легкокрыла.

⁷⁰ И словно тот, кто, бегом утомясь,
Из спутников рад пропустить любого,
Чтоб отдышаться, медленно пройдясь,

⁷³ Так здесь, отстав от сонмища святого,
Фореze шел со мной, нетороплив,
И молвил: «Скоро ль встретимся мы снова?»»

⁷⁶ И я: «Не знаю, сколько буду жив;
Пусть даже близок берег, но желанье
К нему летит, меня опередив;

⁷⁹ Затем что край, мне данный в обитанье,
Что день – скуднее доблестью одет
И скорбное предвидит увяданье».

⁸² И он: «Иди. Зачинщика всех бед
Звериный хвост, – мне это въяве зримо, –
Влачит к ущелью, где пощады нет.

⁸⁵ Зверь мчится все быстрее, не удержиимо,
И тот уже растерзан, и на срам
Оставлен труп, простертый недвижимо.

⁸⁸ Не много раз вращаться тем кругам
(Он вверх взглянул), чтобы ты понял ясно
То, что ясней не вымолвлю я сам.

⁹¹ Теперь простимся; время здесь всевластно,
А, идя равной поступью с тобой,
Я принужден терять его напрасно».

⁹⁴ Как, отделясь от едущих гурьбой,
Наездник мчит коня насколько можно,
Чтоб, ради славы, первым встретить бой,

⁹⁷ Так, торопясь, он зашагал тревожно;
И вновь со мной остались эти два,
Чье имя в мире было столь вельможно.

¹⁰⁰ Уже его я различал едва,
И он не больше был доступен взгляду,
Чем были разуму его слова,

¹⁰³ Когда живую, всю в плодах, громаду
Другого древа я увидел вдруг,
Крутого склона обогнув преграду.

¹⁰⁶ Я видел – люди, вскинув кисти рук,
Взывали к листьям, веющим широко,
Как просит детвора, теснясь вокруг,

¹⁰⁹ А окруженный не дает до срока,
Но, чтобы зуд желания возрос,
Приманку держит на виду высоко.

¹¹² Потом ушли, как пробудясь от грез.
Мы подступили, приближаясь слева,
К стволу, не внемлющему просьб и слез.

¹¹⁵ «Идите мимо! Это отпрыск древа,
Которое растет на высотах
И от которого вкусила Ева».

¹¹⁸ Так чей-то голос говорил в листьях;
И мы, теснясь, запретные пределы
Вдоль кручи обогнули второпях.

¹²¹ «Припомните, – он говорил, – Нефелы
Проклятый род, когда он, сыт и пьян,
На бой с Тезеем ринулся, двутелый;

¹²⁴ И как вольготно лил еврейский стан,
За что и был отвергнут Гедеоном,
Когда с холмов он шел на Мадиян».

¹²⁷ Так, стороною, под нависшим склоном,
Мы шли и слушали про грех обжор,
Сопровожденный горестным уроном.

¹³⁰ Потом, все трое, вышли на простор
И так прошли в раздумье, молчаливы,
За тысячу шагов, потупя взор.

¹³³ «О чем бы так задуматься могли вы?» –
Нежданный голос громко прозвучал,
Так что я вздрогнул, словно зверь пугливый.

¹³⁶ Я поднял взгляд; вовеки не блистал
Настолько ослепительно и ало
В горниле сплав стекла или металл,

¹³⁹ Как тот блистал, чье слово нас встречало:
«Чтобы подняться на гору, здесь вход;
Идущим к миру – здесь идти пристало».

¹⁴² Мой взор затмился, встретив облик тот;
И я пошел вослед за мудрецами,
Как человек, когда на слух идет.

¹⁴⁵ И как перед рассветными лучами
Благоухает майский ветерок,
Травую напоенный и цветами,

¹⁴⁸ Так легкий ветер мне чело облек,
И я почуял перьев мановенье,
Распространявших амврозийный ток,

¹⁵¹ И услышал: «Блажен, чье озаренье
Столь благодатно, что ему чужда
Услада уст и вкуса вожделенье,

¹⁵⁴ Чтоб не алкать сверх меры никогда».

Песнь двадцать пятая

Час понуждал быстрей идти по всклону,
Затем что солнцем полуденный круг
Был сдан Тельцу, а ночью – Скорпиону;

⁴ И словно тот, кто не глядит вокруг,
Но направляет к цели шаг упорный,
Когда ему помедлить недосуг,

⁷ Мы, друг за другом, шли тесниной горной,
Где ступеней стесненная гряда
Была как раз для одного просторной.

¹⁰ Как юный аист крылья иногда
Поднимет к взлету и опустит снова,
Не смея оторваться от гнезда,

¹³ Так и во мне, уже всплыть готова,
Тотчас же угасала речь моя,
И мой вопрос не претворялся в слово.

¹⁶ Отец мой, видя, как колеблюсь я,
Сказал мне на ходу: «Стеляй же смело,
Раз ты свой лук напряг до острия!»

¹⁹ Раскрыв уста уже не оробело:
«Как можно изнуряться, – я сказал, –
Там, где питать не требуется тело?»

²² «Припомни то, как Мелеагр сгорал,
Когда подверглась головня сожженью,
И минет горечь, – он мне отвечал. –

²⁵ И, рассудив, как всякому движенью
Движеньем вторят ваши зеркала,
Ты жесткое принудишь к размягченью.

²⁸ Но, чтобы мысль твоя покой нашла,
Вот Стаций здесь; и я к нему взываю,
Чтобы твоя болячка зажила».

³¹ «Прости, что вечный строй я излагаю
В твоём присутствии, — сказал поэт. —
Но отказать тебе я не дерзаю».

³⁴ Потом он начал: «Если мой ответ
Ты примешь в разуменье, сын мой милый,
То сказанному «как» прольется свет.

³⁷ Беспримесная кровь, которой жилы
Вобрать не могут в жаждущую пасть,
Как лишнее, чего доест нет силы,

⁴⁰ Приемлет в сердце творческую власть
Образовать собой все тело ваше,
Как в жилах кровь творит любую часть.

⁴³ Очистясь вновь и в то сойдя, что краше
Не называть, впоследствии она
Сливается с чужой в природной чаше.

⁴⁶ Здесь та и эта соединена,
Та — покоряясь, эта — созидая,
Затем что в высшем месте рождена.

⁴⁹ Смешавшись с той и к делу приступая,
Она ее сгущает, сгусток свой,
Раз созданный, помалу оживляя.

⁵² Жиздительная сила, став душой,
Лишь тем отличной от души растенья,
Что та дошла, а этой — путь большой,

⁵⁵ Усваивает чувства и движенья,
Как гриб морской, и нужные дает
Зачатым свойствам средства выраженья.

⁵⁸ Так ширится, мой сын, и так растет
То, что в родящем сердце пребывало,

Где естество всю плоть предсоздает.

⁶¹ Но уловить, как тварь младенцем стала,
Не так легко, и здесь ты видишь тьму;
Мудрейшего, чем ты, она сбивала,

⁶⁴ И он учил, что, судя по всему,
Душа с возможным разумом не слита,
Затем что нет вместилища ему.

⁶⁷ Но если правде грудь твоя открыта,
Знай, что, едва зародыш завершен
И мозговая ткань вполне развита,

⁷⁰ Прадвижитель, в веселии склонен,
Прекрасный труд природы созерцает,
И новый дух в него вдыхает он,

⁷³ Который все, что там росло, вбирает;
И вот душа, слинная в одно,
Живет, и чувствует, и постигает.

⁷⁶ И если то, что я сказал, темно,
Взгляни, как в соке, что из лоз сочится,
Жар солнца превращается в вино.

⁷⁹ Когда ж у Лахезис весь лен ссучится,
Душа спешит из тела прочь, но в ней
И бренное, и вечное таится.

⁸² Безмолвствуют все свойства прежних дней;
Но память, разум, воля – те намного
В деянии становятся острее.

⁸⁵ Она летит, не медля у порога,
Чудесно к одному из берегов;
Ей только здесь ясна ее дорога.

⁸⁸ Чуть дух очерчен местом, вновь готов
Поток творящей силы излучаться,
Как прежде он питал плотской покров.

⁹¹ Как воздух, если в нем пары клубятся

И чуждый луч их мгла в себе дробит,
Различно начинает расцвечаться,

⁹⁴ Так ближний воздух принимает вид,
В какой его, воздействуя, приводит
Душа, которая внутри стоит.

⁹⁷ И как сиянье повсеместно ходит
За пламенем и неразрывно с ним,
Так новый облик вслед за духом бродит

¹⁰⁰ И, так как тот через него стал зрим,
Зовется тенью; ею создаются
Орудья чувствам – зрению и другим.

¹⁰³ У нас владеют речью и смеются,
Нам свойственны и плач, и вздох, и стон,
Как здесь они, ты слышал, раздаются.

¹⁰⁶ И все, чей дух взволнован и смущен,
Сквозит в обличье тени; оттого-то
И был ты нашим видом удивлен».

¹⁰⁹ Последнего достигнув поворота,
Мы обратились к правой стороне,
И нас другая заняла забота.

¹¹² Здесь горный склон – в бушующем огне,
А из обрыва ветер бьет, взлетая,
И пригибает пламя вновь к стене;

¹¹⁵ Нам приходилось двигаться вдоль края,
По одному; так шел я, здесь – огня,
А там – паденья робко избегая.

¹¹⁸ «Тут надо, – вождь остерегал меня, –
Глаза держать в поводьях неустанно,
Себя все время от беды храня».

¹²¹ «Summae Deus clementiae», – нежданно
Из пламени напев донесся к нам;
Мне было все же и взглянуть желанно,

¹²⁴ И я увидел духов, шедших там;
И то их путь, то вновь каймы полоска
Мой взор распределяли пополам.

¹²⁷ Чуть гимн умолк, как «*Virum non cognosco!*» –
Раздался крик. И снова песнь текла,
Подобием глухого отголоска.

¹³⁰ И снова крик: «Диана не могла
В своем лесу терпеть позор Гелики,
Вкусившей яд Венеры». И была

¹³³ Вновь песнь; и вновь превозносили клики
Жен и мужей, чей брак для многих впредь
Явил пример, безгрешностью великий.

¹³⁶ Так, вероятно, восклицать и петь
Им в том огне все время полагалось;
Таков бальзам их, такова их снедь,

¹³⁹ Чтоб язва наконец зарубцевалась.

Песнь двадцать шестая

Пока мы шли, друг другу вслед, по краю
И добрый вожь твердил не раз еще:
«Будь осторожен, я предупреждаю!» –

⁴ Мне солнце било в правое плечо
И целый запад в белый превращало
Из синего, сияя горячо;

⁷ И где ложилась тень моя, там ало
Казалось пламя; и толпа была,
В нем проходя, удивлена немало.

¹⁰ Речь между ними обо мне зашла,
И тень, я слышал, тени говорила:
«Не таковы бесплотные тела».

¹³ Иные подались, сколь можно было,
Ко мне, стараясь, как являл их вид,
Ступать не там, где их бы не палило.

¹⁶ «О ты, кому почтительность велит,
Должно быть, сдерживать поспешность шага,
Ответь тому, кто жаждет и горит!

¹⁹ Не только мне ответ твой будет благо:
Он этим всем нужнее, чем нужна
Индийцу или эфиопу влага.

²² Скажи нам, почему ты – как стена
Для солнца, словно ты еще не встретил
Сетей кончины». Так из душ одна

²⁵ Мне говорила; я бы ей ответил
Без промедленья, но как раз тогда
Мой взгляд иное зрелище приметил.

- ²⁸ Навстречу этой новая чреда
Шла по пути, объятаму пыланьем,
И я помедлил, чтоб взглянуть туда.
- ³¹ Вдруг вижу – тени, здесь и там, лобзаньем
Спешат друг к другу на ходу прильнуть
И кратким утешаются свиданьем.
- ³⁴ Так муравьи, столкнувшись где-нибудь,
Потрутся рыльцами, чтобы дознаться,
Быть может, про добычу и про путь.
- ³⁷ Но только миг объятья дружбы длется,
И с первым шагом на пути своем
Одни других перекричать стремятся, –
- ⁴⁰ Те, новые: «Гоморра и Содом!»,
А эти: «В телку лезет Пасифая,
Желая похоть утолить с бычком!»
- ⁴³ Как если б журавлей летела стая –
Одна к пескам, другая на Рифей,
Та – стужи, эта – солнца избегая,
- ⁴⁶ Так расстаются две чреды теней,
Чтоб снова петь в слезах обычным ладом
И восклицать про то, что им сродней.
- ⁴⁹ И двинулись опять со мною рядом
Те, что меня просили дать ответ,
Готовность слушать выражая взглядом.
- ⁵² Я, видя вновь, что им покоя нет,
Сказал: «О души, к свету мирной славы
Обретшие ведущий верно след,
- ⁵⁵ Мой прах, незрелый или величавый,
Не там остался: здесь я во плоти,
Со мной и кровь ее, и все суставы.
- ⁵⁸ Я вверх иду, чтоб зренье обрести:
Там есть жена, чья милость мне дарует

Сквозь ваши страны смертное нести.

⁶¹ Но, – и скорее да восторжествует
Желанье ваше, чтоб вас принял храм
Той высшей тверди, где любовь ликует, –

⁶⁴ Скажите мне, а я письму предам,
Кто вы и эти люди кто такие,
Которые от вас уходят там».

⁶⁷ Так смотрит, губы растворив, немые
От изумленья, дикий житель гор,
Когда он в город попадет впервые,

⁷⁰ Как эти на меня стремили взор.
Едва с них спало бремя удивленья, –
Высокий дух дает ему отпор, –

⁷³ «Блажен, кто, наши посетив селенья, –
Вновь начал тот, кто прежде говорил, –
Для лучшей смерти черплет наставленья!

⁷⁶ Народ, идущий с нами врозь, грешил
Тем самым, чем когда-то Цезарь клики
«Царица» в день триумфа заслужил.

⁷⁹ Поэтому «Содом» гласят их крики,
Как ты слышал, и совесть их язвит,
И в помощь пламени их стыд великий.

⁸² Наш грех, напротив, был гермафродит;
Но мы забыли о людском законе,
Спеша насытить страсть, как скот спешит,

⁸⁵ И потому, сходясь на этом склоне,
Себе в позор, мы поминаем ту,
Что скотенела, лежа в скотском лоне.

⁸⁸ Ты нашей казни видишь правоту;
Назвать всех порознь мы бы не успели,
Да я на память и не перечту.

⁹¹ Что до меня, я – Гвидо Гвиницелли;

Уже свой грех я начал искупать,
Как те, что рано сердцем восскорбели».

⁹⁴ Как сыновья, увидевшие мать
Во времена Ликурговой печали,
Таков был я, — не смея показать, —

⁹⁷ При имени того, кого считали
Отцом и я, и лучшие меня,
Когда любовь так сладко воспевали.

¹⁰⁰ И глух, и нем, и мысль в тиши храня,
Я долго шел, в лицо его взирая,
Но подступить не мог из-за огня.

¹⁰³ Насытя взгляд, я молвил, что любая
Пред ним заслуга мне милей всего,
Словами клятвы в этом заверяя.

¹⁰⁶ И он мне: «От признанья твоего
Я сохранил столь светлый след, что Лета
Бессильна смыть иль омрачить его.

¹⁰⁹ Но если прямодушна клятва эта,
Скажи мне: чем я для тебя так мил,
Что речь твоя и взор полны привета?»

¹¹² «Стихами вашими, — ответ мой был. —
Пока продлится то, что ныне ново,
Нетленна будет прелесть их чернил».

¹¹⁵ «Брат, — молвил он, — вот тот (и на другого
Он пальцем указал среди огней)
Получше был ковач родного слова.

¹¹⁸ В стихах любви и в сказах он сильней
Всех прочих; для одних глупцов погудка,
Что Лимузинец перед ним славней.

¹²¹ У них к молве, не к правде ухо чутко,
И мненьем прочих каждый убежден,
Не слушая искусства и рассудка.

¹²⁴ «Таков для многих старых был Гвиттон,
Из уст в уста единственно прославлен,
Покуда не был многими сражен.

¹²⁷ Но раз тебе простор столь дивный явлен,
Что ты волен к обители взойти,
К той, где Христос игуменом поставлен,

¹³⁰ Там за меня из «Отче наш» прочти
Все то, что нужно здешнему народу,
Который в грех уже нельзя ввести».

¹³³ Затем, – быть может, чтобы дать свободу
Другим идущим, – он исчез в огне,
Подобно рыбе, уходящей в воду.

¹³⁶ Я подошел к указанному мне,
Сказав, что вряд ли я чье имя в мире
Так приютил бы в тайной глубине.

¹³⁹ Он начал так, шагая в знойном вире:
«Tan m'abellis vostre cortes deman,
Qu'ieu no me puesc ni voill a vos cobrire.

¹⁴² Ieu sui Arnaut, que plor e vau cantan;
Consiros vei la passada folor,
E vei jausen lo joi qu'esper, denan.

¹⁴⁵ Ara vos prec, per aquella valor
Que vos guida al som de l'escalina,
Sovenha vos a temps de ma dolor!»

¹⁴⁸ И скрылся там, где скверну жжет пучина.

Перевод стихов 140-147

*«Столь дорог мне учтивый ваш привет,
Что сердце вам я рад открыть всех шире.*

¹⁴² *Здесь плачет и поет, огнем одет,
Арнольд, который видит в прошлом тьму,
Но впереди, ликуя, видит свет.*

¹⁴⁵ *Он просит вас, затем что одному
Вам невозбранно горная вершина,
Не забывать, как тягостно ему!»*

Песнь двадцать седьмая

Так, чтоб ударить первыми лучами
В те страны, где его творец угас,
Меж тем как Эбро льется под Весами,

⁴ А волны в Ганге жжет полдневный час,
Стояло солнце; меркнул день, сгорая,
Когда господень ангел встретил нас.

⁷ «Beati mundo corde!» воспевая
Звучней, чем песни на земле звучны,
Он высился вне пламени, у края.

¹⁰ «Святые души, вы пройти должны
Укус огня; идите в жгучем зное
И слушайте напев с той стороны!»

¹³ Он подал нам напутствие такое,
И, слыша эту речь, я стал как тот,
Кто будет в недро погружен земное.

¹⁶ Я, руки сжав и наклонясь вперед,
Смотрел в огонь, и в памяти ожили
Тела людей, которых пламя жжет.

¹⁹ Тогда ко мне поэты обратили
Свой взгляд. «Мой сын, переступи порог:
Здесь мука, но не смерть, – сказал Вергилий. –

²² Ты – вспомни, вспомни!.. Если я помог
Тебе спуститься вглубь на Герионе,
Мне ль не помочь, когда к нам ближе бог?

- ²⁵ И знай, что если б в этом жгучем лоне
Ты хоть тысячелетие провел,
Ты не был бы и на волос в уроне.
- ²⁸ И если б ты проверить предпочел,
Что я не обманул тебя нимало,
Стань у огня и поднеси подол.
- ³¹ Отбрось, отбрось все, что твой дух сковало!
Взгляни – и шествуй смелою стопой!»
А я не шел, как совесть ни взывала.
- ³⁴ При виде черствой коности такой
Он, чуть смущенный, молвил: «Сын, ведь это
Стена меж Беатриче и тобой».
- ³⁷ Как очи, угасавшие для света,
На имя Фисбы приоткрыл Пирам
Под тутом, ставшим кровавого цвета,
- ⁴⁰ Так, умягчен и больше не упрям,
Я взор к нему направил молчаливый,
Услышав имя, милое мечтам.
- ⁴³ А он, кивнув, сказал: «Ну как, ленивый?
Чего мы ждем?» И улыбнулся мне,
Как мальчику, прельстившемуся сливой.
- ⁴⁶ И он передо мной исчез в огне,
Прося, чтоб Стаций третьим шел, доныне
Деливший нас в пути по крутизне.
- ⁴⁹ Вступив, я был бы рад остыть в пучине
Кипящего стекла, настолько злей
Был непомерный зной посередине.
- ⁵² Мой добрый вождь, чтобы я шел смелей,
Вел речь о Беатриче, повторяя:
«Я словно вижу взор ее очей».
- ⁵⁵ Нас голос вел, сквозь пламя призывая;
И, двигаясь туда, где он звенел,
Мы вышли там, где есть тропа крутая.

⁵⁸ Он посреди такого света пел
«Venite, benedicti Patris mei!»,
Что яркости мой взгляд не одолел.

⁶¹ «Уходит солнце, скоро ночь. Быстрее
Идите в гору, – он потом сказал, –
Пока закатный край не стал чернее».

⁶⁴ Тропа шла прямо вверх среди двух скал
И так, что свет последних излучений
Я пред собой у солнца отнимал;

⁶⁷ Преодолев немногие ступени,
Мы ощутили солнечный заход
Там, сзади нас, по угасанию тени.

⁷⁰ И прежде чем огромный небосвод
Так потемнел, что все в нем стало похоже
И щедрой ночи наступил черед,

⁷³ Для нас ступени превратились в ложе,
Затем что горный мрак от нас унес
И мощь к подъему, и желание тоже.

⁷⁶ Как, мямля жвачку, тихнет стадо коз,
Которое, пока не стало сыто,
Спешило вскачь с утеса на утес,

⁷⁹ И ждет в тени, пока жара разлита,
А пастырь, опершись на посошок,
Стоит вблизи, чтоб им была защита,

⁸² И как овчар, от хижины далек,
С гуртом своим проводит ночь в покое,
Следя, чтоб зверь добычу не увлек;

⁸⁵ Так в эту пору были мы все трое,
Я – за козу, они – за сторожей,
Замкнутые в ущелие крутое.

⁸⁸ Простор был скрыт громадами камней,
Но над тесниной звезды мне сияли,
Светлее, чем обычно, и крупней.

⁹¹ Так, полон дум и, глядя в эти дали,
Я был охвачен сном; а часто сон
Вещает то, о чем и не гадали.

⁹⁴ Должно быть, в час, когда на горный склон
С востока Цитерея засияла,
Чей свет как бы любовью напоен,

⁹⁷ Мне снилось — на лугу цветы сбирала
Прекрасная и юная жена,
И так она, собирая, напевала:

¹⁰⁰ «Чтоб всякий ведал, как я названа,
Я — Лия, и, прекрасными руками
Плетя венок, я здесь брожу одна.

¹⁰³ Для зеркала я уберусь цветами;
Сестра моя Рахиль с его стекла
Не сводит глаз и недвижима днями.

¹⁰⁶ Ей красота ее очей мила,
Как мне — сплетенный мной убор цветочный;
Ей любо созерцанье, мне — дела».

¹⁰⁹ Но вот уже перед зарей восточной,
Которая скитальцам тем милей,
Чем ближе к дому их привал полночный,

¹¹² Везде бежала тьма, и сон мой с ней;
Тогда я встал с одра отдохновенья,
Увидя вставшими учителей.

¹¹⁵ «Тот сладкий плод, который поколенья
Тревожно ищут по стольким ветвям,
Сегодня утолит твои томленья».

¹¹⁸ Со мною говоря, к таким словам
Прибег Вергилий; вряд ли чья щедрота
Была безмерней по своим дарам.

¹²¹ За мигом миг во мне росла охота
Быть наверху, и словно перья крыл

Я с каждым шагом ширил для полета.

¹²⁴ Когда под нами весь уклон проплыл
И мы достигли высоты конечной,
Ко мне глаза Вергилий устремил,

¹²⁷ Сказав: «И временный огонь, и вечный
Ты видел, сын, и ты достиг земли,
Где смутен взгляд мой, прежде безупречный.

¹³⁰ Тебя мой ум и знания вели;
Теперь своим руководись советом:
Все кручи, все теснины мы прошли.

¹³³ Вот солнце лоб твой озаряет светом;
Вот лес, цветы и травяной ковер,
Самовозросшие в пространстве этом.

¹³⁶ Пока не снизошел счастливый взор
Той, что в слезах тогда пришла за мною,
Сиди, броди – тебе во всем простор.

¹³⁹ Отныне уст я больше не открою;
Свободен, прям и здрав твой дух; во всем
Судья ты сам; я над самим тобою

¹⁴² Тебя венчаю митрой и венцом».

Песнь двадцать восьмая

В великой жажде обойти дозором
Господень лес, тенистый и живой,
Где новый день смягчался перед взором,

⁴ Я медленно от кручи круговой
Пошел нагорьем, и земля дышала
Со всех сторон цветами и травой.

⁷ Ласкающее веянье, нимало
Не изменяясь, мне мое чело
Как будто нежным ветром обдавало

¹⁰ И трепетную сень вершин гнело
В ту сторону, куда гора святая
Бросает тень, как только рассвело, —

¹³ Но все же не настолько их сгибая,
Чтобы умолкли птички, оробев
И все свои искусства прерывая:

¹⁶ Они, ликуя посреди деревьев,
Встречали песнью веянье востока
В листве, гудевшей их стихам припев,

¹⁹ Тот самый, что в ветвях растет широко,
Над взморьем Кьясси наполняя бор,
Когда Эол освободит Сирокко.

²² Я между тем так далеко простер
Мой путь сквозь древний лес, что понемногу
Со всех сторон замкнулся кругозор.

²⁵ И вдруг поток мне преградил дорогу,
Который мелким трепетом волны
Клонил налево травы по отлогу.

²⁸ Чистейшие из вод земной страны
Наполнены как будто мутью сорной
Пред этою, сквозной до глубины,

³¹ Хотя она струится черной-черной
Под вековой тенью, для лучей
И солнечных, и лунных необорной.

³⁴ Остановясь, я перешел ручей
Глазами, чтобы видеть, как растенья
Разнообразны в свежести своей.

³⁷ И вот передо мной, как те явленья,
Когда нежданно в нас устранена
Любая дума силой удивленья,

⁴⁰ Явилась женщина, и шла одна,
И пела, отбирая цвет от цвета,
Которых там пестрела пелена.

⁴³ «О женщина, чья красота согрета
Лучом любви, коль внешний вид не ложь,
Но сердца достоверная примета, —

⁴⁶ Быть может, ты поближе подойдешь, —
Сказал я ей, — и станешь над стремниной,
Чтоб я расслышать мог, что ты поешь?

⁴⁹ Ты кажешься мне юной Прозерпиной,
Когда расстаться близился черед
Церере — с ней, ей — с вешнею долиной».

⁵² Как чтобы в пляске сделать поворот,
Она, скользя сомкнутыми стопами
И мелким шагом двигаясь вперед,

⁵⁵ Меж алыми и желтыми цветами
К моей оборотилась стороне
С девически склоненными глазами;

⁵⁸ И мой призыв был утолен вполне,
Когда она так близко подступила,

Что смысл напева долетал ко мне.

⁶¹ Придя туда, где побережье было
Уже омыто дивною рекой,
Открытый взор она мне подарила.

⁶⁴ Едва ли мог струиться блеск такой
Из-под ресниц Венеры, уязвленной
Негаданно сыновнею рукой.

⁶⁷ Среди травы, волнами орошенной,
Она, смеясь, готовила венки,
Без семени на высоте рожденный.

⁷⁰ На три шага нас разделял поток;
Но Геллеспонт, где Ксеркс познал невзгоду,
Людской гордыне навсегда урок,

⁷³ Леандру был милее в непогоду,
Когда он плыл из Абидоса в Сест,
Чем мне – вот этот, не разъявший воду.

⁷⁶ «Вы внове здесь; мой смех средь этих мест,
Где людям был приют от всех несчастий, –
Так начала она, взглянув окрест, –

⁷⁹ Мог удивить вас и смутить отчасти;
Но ум ваш озарится светом дня,
Вникая в псалмопенье «Delectasti».

⁸² Ты, впереди, который звал меня,
Спроси, что хочешь; я на все готова
Подать ответ, все точно изъясня».

⁸⁵ «Вода и шум лесной, – сказал я снова, –
Колеблют то, что моему уму
Внушило слышанное прежде слово».

⁸⁸ На что она: «Сомненью твоему
Я их причину до конца раскрою
И сжавшую тебя рассею тьму.

⁹¹ Творец всех благ, довольный лишь собою,

Ввел человека добрым, для добра,
Сюда, в преддверье к вечному покою.

⁹⁴ Виной людей пресеклась та пора,
И превратились в боль и в плач по старом
Безгрешный смех и сладкая игра.

⁹⁷ Чтоб смуты, порождаемые паром,
Который от воды и от земли
Идет, по мере силы, вслед за жаром,

¹⁰⁰ Тревожить человека не могли,
Гора вздыбилась так, что их не знает
Над уровнем ворот, где вы вошли.

¹⁰³ Но так как с первой твердью круг свершает
Весь воздух, если воздуху вразрез
Какой-либо заслон не возникает,

¹⁰⁶ То здесь, в чистейшей высоте небес,
Его круговорот дерева клонит
И наполняет шумом частый лес.

¹⁰⁹ Растение, которое он тронет,
Ему вверяет долю сил своих,
И он, кружа, ее вдали уронит;

¹¹² Так в дальних землях, если свойства их
Иль их небес пригодны, возникая,
Восходит много отпрысков живых.

¹¹⁵ И там бы не дивились, это зная,
Тому, что иногда ростки растут,
Без видимого семени вставая.

¹¹⁸ И знай про этот дивный лес, что тут
Земля богата всяческою силой
И есть плоды, которых там не рвут.

¹²¹ И этот вот поток рожден не жилой,
В которой охладелый пар скоплен
И вдаль течет, то буйный, то унылый;

¹²⁴ Его источник прочен и силен
И черплет от господних изволений
Все, что он льет, открытый с двух сторон.

¹²⁷ Струясь сюда – он память согрешений
Снимает у людей; струясь туда –
Дарует память всех благих свершений.

¹³⁰ Здесь – Лета; там – Эвноя; но всегда
И здесь, и там сперва отведасть надо,
Чтоб оказалась действенной вода.

¹³³ В ее вкушение – высшая улада.
Хоть, может быть, ты жажду утолил
Услышанным, но я была бы рада,

¹³⁶ Чтоб ты в подарок вывод получил;
Тебе он не обещан, но едва ли
От этого он станет меньше мил.

¹³⁹ Те, что в стихах когда-то воспевали
Былых людей и золотой их век,
Быть может, здесь в парнасских снах витали:

¹⁴² Здесь был невинен первый человек,
Здесь вечный май, в плодах, как поздним летом,
И нектар – это воды здешних рек».

¹⁴⁵ Я обратил лицо к моим поэтам
И здесь улыбку их упомяну,
Мелькнувшую при утверждении этом;

¹⁴⁸ Потом взглянул на дивную жену.

Песнь двадцать девятая

Как бы любовной негою объята,
Окончив речь, она запела так:
«Beati, quorum tecta sunt peccata!»

⁴ Как нимфы направляли легкий шаг,
Совсем одни, сквозь тень лесов, желая:
Та – видеть солнце, та – уйти во мрак, –

⁷ Она пошла вверх по реке, ступая
Вдоль берега; я – также, к ней плечом
И поступь с мелкой поступью ровняя.

¹⁰ Мы, ста шагов не насчитав вдвоем,
Дошли туда, где русло загибалось,
И я к востоку повернул лицом.

¹³ Здесь мы пройти успели столь же мало,
Когда она, всем телом обратясь:
«Мой брат, смотри и слушай!» – мне сказала.

¹⁶ И вдруг лесная глубина зажглась
Блистаньем неожиданного света,
Как молнией внезапно озарясь;

¹⁹ Но молния, сверкнув, исчезнет где-то,
А этот свет, возникнув, возрастал,
Так что я в мыслях говорил: «Что это?»

²² Каким-то нежным звуком зазвучал
Лучистый воздух; скорбно и сурово
Я дерзновенье Евы осуждал:

²⁵ Земля и твердь блюли господне слово,
А женщина, одна, чуть создана,
Не захотела потерпеть покрова;

²⁸ Пребудь под ним покорною она,
Была бы радость несказанных сеней
И раньше мной, и дольше вкушена.

³¹ Пока я шел средь стольких предварений
Всевечной неги, мыслью оробев
И жажда все больших упоений,

³⁴ Пред нами воздух под листвою дерев
Стал словно пламень, осияв дубраву,
И сладкий звук переходил в напев.

³⁷ Сонм дев священных, если вам во славу
Я ведал голод, стужу, скудный сон,
Себе награды я прошу по праву.

⁴⁰ Пусть для меня прольется Геликон,
И да внушат мне Урания с хором
Стихи о том, чем самый ум смущен.

⁴³ Вдали, за искажающим простором,
Который от меня их отделял,
Семь золотых дерев являлись взорам;

⁴⁶ Когда ж я к ним настолько близок стал,
Что мнящийся предмет, для чувств обманный,
Отдельных свойств за далью не терял,

⁴⁹ То дар, уму для различенья данный,
Светильники признал в седмице той,
А пенье голосов признал «Осанной».

⁵² Светлей пылал верхами чудный строй,
Чем полночью в просторах тверди ясной
Плывает полный месяц над землей.

⁵⁵ Я в изумленье бросил взгляд напрасный
Вергилию, и мне ответил он
Таким же взглядом, как и я – безгласный.

⁵⁸ Мой взор был снова к дивам обращен,
Все надвигавшимся в строю широком

Медлительнее новобрачных жен.

⁶¹ «Ты что ж, — сказала женщина с упреком, —
Горящий взгляд стремишь к живым огням,
А что за ними — не окинешь оком?»

⁶⁴ И я увидел: вслед, как вслед вождям,
Чреда людей, вся в белом, выступала,
И белизны такой не ведать нам.

⁶⁷ Вода налево от меня сверкала
И возвращала мне мой левый бок,
Едва я озирался, — как зеркало.

⁷⁰ Когда я был настолько недалек,
Что мы всего лишь речкой разделялись,
Я шаг прервал и лучше видеть мог.

⁷³ А огоньки все ближе надвигались,
И, словно кистью проведены,
За ними волны, крася воздух, стлались;

⁷⁶ Все семь полос, отчетливо видны,
Напоминали яркими цветами
Лук солнца или перевязь луны.

⁷⁹ Длину всех этих стягов я глазами
Не озираю; меж крайними просвет
Измерился бы десятью шагами.

⁸² Под чудной сенью шло двенадцать чет
Маститых старцев, двигаясь степенно,
И каждого венчал лилейный цвет.

⁸⁵ Все воспевали песнь: «Благословенна
Ты в дочерях Адама, и светла
Краса твоя и навсегда нетленна!»

⁸⁸ Когда чреда избранная прошла
И свежую траву освободила,
Которую та сторона цвела, —

⁹¹ Как вслед светилам вставшие светила,

Четыре зверя взор мой различил.
Их лбы листва зеленая обвила;

⁹⁴ У каждого – шесть оперенных крыл;
Крыла – полны очей; я лишь означу,
Что так смотрел бы Аргус, если б жил.

⁹⁷ Чтоб начертать их облик, я не трачу
Стихов, читатель; непосильно мне
При щедрости исполнить всю задачу.

¹⁰⁰ Прочти Езекииля; он вполне
Их описал, от северного края
Идущих в ветре, в туче и в огне.

¹⁰³ Как на его листьях, совсем такая
Наружность их; в одной лишь из статей
Я с Иоанном – крылья исчисляя.

¹⁰⁶ Двуколая, меж четырех зверей
Победная повозка возвышалась,
И впряженный Грифон шел перед ней.

¹⁰⁹ Он крылья так держал, что отделялась
Срединная от трех и трех полос,
И ни одна разъятием не ломалась.

¹¹² К вершинам крыл я тщетно взгляд вознес;
Он был золототел, где он был птицей,
А в остальном – как смесь лилей и роз.

¹¹⁵ Не то, чтоб Август равной колесницей
Не тешил Рима, или Сципион, –
Сам выезд Солнца был бедней сторицей,

¹¹⁸ Тот выезд Солнца, что упал, спален,
Когда Земля взмолилася в печали
И Дий творил свой праведный закон.

¹²¹ У правой ступицы, кружа, плясали
Три женщины; одна – совсем ала;
Ее в огне с трудом бы распознали;

- ¹²⁴ Другая словно создана была
Из плоти, даже кости, изумрудной;
И третья – как недавний снег бела.
- ¹²⁷ То белая вела их в пляске чудной,
То алая, чья песнь у всех зараз
То легкой поступь делала, то трудной.
- ¹³⁰ А слева – четверо вели свой пляс,
Одеты в пурпур, повинувась ладу
Одной из них, имевшей третий глаз.
- ¹³³ За этим сонмищем предстали взгляду
Два старца, сходных обликом благим
И твердым, но несходных по наряду;
- ¹³⁶ Так, одного питомцем бы своим
Счел Гиппократ, природой сотворенный
На благо самым милым ей живым;
- ¹³⁹ Обратною заботой поглощенный,
Второй сверкал столь режущим мечом,
Что я глядел чрез реку, уstraшенный.
- ¹⁴² Прошли смиренных четверо потом;
И одинокий старец, вслед за ними,
Ступал во сне, с провидящим челом.
- ¹⁴⁵ Все семь от первых ризами своими
Не отличались; но взамен лилей
Венчали розы наравне с другими
- ¹⁴⁸ Багряными цветами снег кудрей;
Далекий взор клялся бы, что их лица
Огнем пылают кверху от бровей.
- ¹⁵¹ Когда со мной равнялась колесница,
Раздался гром; и, словно возбранен
Был дальше ход, святая вереница
- ¹⁵⁴ Остановилась позади знамен.

Песнь тридцатая

Когда небес верховных семизвездье,
Чьей славе чужд закат или восход
И мгла иная, чем вины возмездье,

⁴ Всем указуя должных дел черед,
Как указывает нижнее деснице
Того, кто судно к пристани ведет,

⁷ Остановилось, – шедший в веренице,
Перед Грифоном, праведный собор
С отрадой обратился к колеснице;

¹⁰ Один, подъяв вдохновенный взор,
Спел: «Veni, sponsa, de Libano, veni!» –
Воззвав трикраты, и за ним весь хор.

¹³ Как сонм блаженных из могильной сени,
Спеша, восстанет на призывный звук,
В земной плоти, воскресшей для хвалений,

¹⁶ Так над небесной колесницей вдруг.
Возникло сто, ad vocem tanti senis,
Всеобщей жизни вестников и слуг.

¹⁹ И каждый пел: «Benedictus qui venis!»
И, рассыпая вверх и вкруг цветы,
Звал: «Manibus o date lilia plenis!»

²² Как иногда багрянцем залиты
В начале утра области востока,
А небеса прекрасны и чисты,

²⁵ И солнца лик, поднявшись невысоко,

Настолько застлан мягкостью паров,
Что на него спокойно смотрит око, —

²⁸ Так в легкой туче ангельских цветов,
Взлетавших и свергавшихся обвалом
На дивный воз и вне его краев,

³¹ В венке олив, под белым покрывалом,
Предстала женщина, облачена
В зеленый плащ и в платье огне-алом.

³⁴ И дух мой, — хоть умчались времена,
Когда его ввергала в содроганье
Одним своим присутствием она,

³⁷ А здесь неполным было созерцанье, —
Пред тайной силой, шедшей от нее,
Былой любви изведаль обаянье.

⁴⁰ Едва в лицо ударила мое
Та сила, чье, став отроком, я вскоре
Разящее почувствовал острие,

⁴³ Я глянул влево, — с той мольбой во взоре,
С какой ребенок ищет мать свою
И к ней бежит в испуге или в горе, —

⁴⁶ Сказать Вергилию: «Всю кровь мою
Пронизывает трепет несказанный:
Следы огня бывшего узнаю!»

⁴⁹ Но мой Вергилий в этот миг неожиданный
Исчез, Вергилий, мой отец и вождь,
Вергилий, мне для избавленья данный.

⁵² Все чудеса запретных Еве рош
Омытого росой не оградили
От слез, пролившихся, как черный дождь.

⁵⁵ «Дант, оттого что отошел Вергилий,
Не плачь, не плачь еще; не этот меч
Тебе для плача жребии судили».

⁵⁸ Как адмирал, чтобы людей увлечь
На кораблях воинственной станицы,
То с носа, то с кормы к ним держит речь,

⁶¹ Такой, над левым краем колесницы,
Чуть я взглянул при имени своем,
Здесь поневоле вписанном в страницы,

⁶⁴ Возникшая с завешенным челом
Средь ангельского праздника – стояла,
Ко мне чрез реку обратясь лицом.

⁶⁷ Хотя опущенное покрывало,
Окружено Минервиной листвою,
Ее открыто видеть не давало,

⁷⁰ Но, с царственно взнесенной головой,
Она промолвила, храня обличье
Того, кто гнев удерживает свой:

⁷³ «Взгляни смелей! Да, да, я – Беатриче.
Как соизволил ты взойти сюда,
Где обитают счастье и величье?»

⁷⁶ Глаза к ручью склонил я, но когда
Себя увидел, то, не молвив слова,
К траве отвел их, не стерпев стыда.

⁷⁹ Так мать грозна для сына молодого,
Как мне она казалась в гневе том:
Горька любовь, когда она сурова.

⁸² Она умолкла; ангелы кругом
Запели: «In te, Domine, speravi»,
На «pedes meos» завершив псалом.

⁸⁵ Как леденеет снег в живой дубраве,
Когда, славонским ветром остужен,
Хребет Италии сжат в мерзлом сплаве,

⁸⁸ И как он сам собою поглощен,
Едва дохнет земля, где гибнут тени,
И кажется-то воск огнем спален, –

⁹¹ Таков был я, без слез и сокрушений,
До песни тех, которые поют
Вослед созвучьям вековых сений;

⁹⁴ Но чуть я понял, что они зовут
Простить меня, усердней, чем словами:
«О госпожа, зачем так строг твой суд!», –

⁹⁷ Лед, сердце мне сжимавший как тисками,
Стал влагой и дыханьем и, томясь,
Покинул грудь глазами и устами.

¹⁰⁰ Она, все той же стороны держась
На колеснице, вняв моления эти,
Так, речь начав, на них отозвалась:

¹⁰³ «Вы бодрствуете в вековечном свете;
Ни ночь, ни сон не затмевают вам
Неутомимой поступи столетий;

¹⁰⁶ И мой ответ скорей тому, кто там
Сейчас стоит и слезы льет безгласно,
И скорбь да соразмерится делам.

¹⁰⁹ Не только силой горних кругов, властно
Велящих семени дать должный плод,
Чему расположение звезд причастно,

¹¹² Но милостью божественных щедрот,
Чья дождевая туча так подъята,
Что до нее наш взор не досягнет,

¹¹⁵ Он в новой жизни был таков когда-то,
Что мог свои дары, с теченьем дней,
Осуществить невиданно богато.

¹¹⁸ Но тем дичей земля и тем вредней,
Когда в ней плевел сеять понемногу,
Чем больше силы почвенной у ней.

¹²¹ Была пора, он находил подмогу
В моем лице; я взором молодым

Вела его на верную дорогу.

¹²⁴ Но чуть я, между первым и вторым
Из возрастов, от жизни отлетела, –
Меня покинув, он ушел к другим.

¹²⁷ Когда я к духу вознеслась от тела
И силой возросла и красотой,
Его душа к любимой охладела.

¹³⁰ Он устремил шаги дурной стезей,
К обманным благам, ложным изначала,
Чьи обещанья – лишь посул пустой.

¹³³ Напрасно я во снах к нему взывала
И наяву, чтоб с ложного следа
Вернуть его: он не скорбел нимало.

¹³⁶ Так глубока была его беда,
Что дать ему спасенье можно было
Лишь зрелищем погибших навсегда.

¹³⁹ И я ворота мертвых посетила,
Проя, в тоске, чтобы ему помог
Тот, чья рука его сюда ввозила.

¹⁴² То было бы нарушить божий рок –
Пройти сквозь Лету и вкусить губами
Такую снедь, не заплатив оброк

¹⁴⁵ Раскаянья, обильного слезами».

Песнь тридцать первая

Ты, ставший, у священного потока, –
Так, речь ко мне направив острием,
Хоть было уж и лезвие жестоко,

⁴ Она тотчас же начала потом, –
Скажи, скажи, права ли я! Признаний
Мои улики требуют во всем».

⁷ Я был так слаб от внутренних терзаний,
Что голос мой, поднявшийся со дна,
Угас, еще не выйдя из гортани.

¹⁰ Пождав: «Ты что же? – молвила она. –
Ответь мне! Память о годах печали
В тебе волной еще не сметена».

¹³ Страх и смущенье, горше, чем вначале,
Исторгли из меня такое «да»,
Что лишь глаза его бы распознали.

¹⁶ Как самострел ломается, когда
Натянут слишком, и полет пологий
Его стрелы не причинит вреда,

¹⁹ Так я не вынес бремени тревоги,
И ослабевший голос мой затих,
В слезах и вздохах, посреди дороги.

²² Она сказала: «На путях моих,
Руководимый помыслом о благе,
Взыскуемом превыше всех других,

²⁵ Скажи, какие цепи иль овраги
Ты повстречал, что мужеством иссяк
И к одоленью не нашел отваги?

²⁸ Какие на челе у прочих благ
Увидел чары и слова обета,
Что им навстречу устремил свой шаг?»

³¹ Я горьким вздохом встретил слово это
И, голос мой усилием подчиня,
С трудом раздвинул губы для ответа.

³⁴ Потом, в слезах: «Обманчиво маня,
Мои шаги влекла тщета земная,
Когда ваш облик скрылся от меня».

³⁷ И мне она: «Таясь иль отрицая,
Ты обмануть не мог бы Судию,
Который судит, все деянья зная.

⁴⁰ Но если кто признал вину свою
Своим же ртом, то на суде точило
Вращается навстречу лезвию.

⁴³ И все же, чтоб тебе стыднее было,
Заблудшему, и чтоб тебя опять,
Как прежде, песнь сирен не обольстила,

⁴⁶ Не сея слез, внимай мне, чтоб узнать,
Куда мой образ, ставший горстью пыли,
Твои шаги был должен направлять.

⁴⁹ Природа и искусство не дарили
Тебе вовек прекраснее услад,
Чем облик мой, распавшийся в могиле.

⁵² Раз ты лишился высшей из отрад
С моею смертью, что же в смертной доле
Еще могло к себе привлечь твой взгляд?

⁵⁵ Ты должен был при первом же уколе
Того, что бrenно, устремить полет
Вослед за мной, не бrenной, – как дотолe.

⁵⁸ Не надо было брать на крылья гнет,
Чтоб снова пострадать, – будь то девочка

Иль прочий вздор, который миг живет.

⁶¹ Раз, два страдает молодая птичка;
А оперившихся и зорких птиц
От стрел и сети бережет привычка».

⁶⁴ Как малыши, глаза потупив ниц,
Стоят и слушают и, сознавая
Свою вину, не поднимают лиц,

⁶⁷ Так я стоял. «Хоть ты скорбишь, внимая,
Вскинь бороду, – она сказала мне. –
Ты больше скорби вынесешь, взирая».

⁷⁰ Крушится легче дуб на крутизне
Под ветром, налетевшим с полуночи
Или рожденным в Ярбиной стране,

⁷³ Чем поднял я на зов чело и очи;
И, бороду взамен лица назвав,
Она отраву сделала жесточе.

⁷⁶ Когда я каждый распрямил сустав,
Глаз различил, что первенцы творенья
Дождем цветов не окропляют трав;

⁷⁹ И я увидел, полн еще смятенья,
Что Беатриче взоры навела
На Зверя, слившего два воплощенья.

⁸² Хоть за рекой и не открыв чела, –
Она себя былую побеждала
Мощнее, чем других, когда жила.

⁸⁵ Крапива скорби так меня сжигала,
Что, чем сильнее я что-либо любил,
Тем ненавистней это мне предстало.

⁸⁸ Такой укор мне сердце укусил,
Что я упал; что делалось со мною,
То знает та, кем я повержен был.

⁹¹ Обретши силы в сердце, над собою

Я увидел сплетавшую венок
И услышал: «Держись, держись, рукою!»

⁹⁴ Меня, по горло погрузи в поток,
Она влекла и легкими стопами
Поверх воды скользила, как челнок.

⁹⁷ Когда блаженный берег был над нами,
«Asperges me», – так нежно раздалось,
Что мне не вспомнить, не сказать словами.

¹⁰⁰ Меж тем она, взметнув ладони врозь,
Склонилась надо мной и погрузила
Мне голову, так что глотнуть пришлось.

¹⁰³ Потом, омытым влагой, поместила
Меж четверых красавиц в хоровод,
И каждая меня рукой укрывала.

¹⁰⁶ «Мы нимфы – здесь, мы – звезды в тьме высот;
Лик Беатриче не был миру явлен,
Когда служить ей мы пришли вперед.

¹⁰⁹ Ты будешь нами перед ней поставлен;
Но вникнешь в свет ее отрадных глаз
Среди тех трех, чей взор острее направлен».

¹¹² Так мне они пропели; и тотчас
Мы перед грудью у Грифона стали,
Имея Беатриче против нас.

¹¹⁵ «Не береги очей, – они сказали. –
Вот изумруды, те, что с давних пор
Оружием любви тебя сражали».

¹¹⁸ Сто сот желаний, жарче, чем костер,
Вонзили взгляд мой в очи Беатриче,
Все на Грифона устремлявшей взор.

¹²¹ Как солнце в зеркале, в таком величье
Двусущный Зверь в их глубине сиял,
То вдруг в одном, то вдруг в другом обличье.

¹²⁴ Суди, читатель, как мой ум блуждал,
Когда предмет стоял неизменный,
А в отраженье облик изменял.

¹²⁷ Пока, ликующий и изумленный,
Мой дух не мог насытиться едой,
Которой алчет голод утоленный, –

¹³⁰ Отмеченные высшей красотой,
Три остальные, распевая хором,
Ко мне свой пляс приблизили святой.

¹³³ «Взгляни, о Беатриче, дивным взором
На верного, – звучала песня та, –
Пришедшего по кручам и просторам!

¹³⁶ Даруй нам милость и твои уста
Разоблачи, чтобы твоя вторая
Ему была открыта красота!»

¹³⁹ О света вечного краса живая,
Кто так исчах и побледнел без сна
В тени Парнаса, струй его вкушая,

¹⁴² Чтoб мысль его и речь была властна
Изобразить, какою ты явилась,
Гармонией небес осенена,

¹⁴⁵ Когда в свободном воздухе открылась?

Песнь тридцать вторая

Мои глаза так алчно утоляли
Десятилетней жажды жгучий зной,
Что все другие чувства мертвы стали;

⁴ Взор здесь и там был огражден стеной
Невнятия, влекомый неуклонно
В былую сеть улыбкой неземной;

⁷ Но влево отклонился принужденно,
Когда из уст богинь, стоявших там,
Раздалось слово: «Слишком напряженно!»

¹⁰ Упадок зренья, свойственный глазам,
В которых солнце свежее отразилось,
Меня на время приобщил к слепцам;

¹³ Когда же с малым зреньем вновь сроднилось
(Я молвлю «с малым», мысля о большом,
С которым ощущение разлучилось),

¹⁶ Я видел – вправо повернув плечом,
Святое войско шло стезей возвратной,
С седмицей свеч и с солнцем пред челом.

¹⁹ Как, оградив себя щитами, ратный
Заходит строй, за стягом идя вспять,
Пока порядок не создаст обратный, –

²² Так стран небесных головная рать
Вся перед нами прежде растянулась,
Чем колесница стала погибать.

²⁵ Из женщин каждая к оси вернулась,
И благодатный груз повлек Грифон,
Но ни перо на нем не шелохнулось.

²⁸ Та, кем я был сквозь воду проведен,
И я, и Стаций шли с руки, где круче
Колесный след в загибе закруглен.

³¹ Так, через лес, пустынный и дремучий
С тех пор, как змею женщина вняла,
Мы шли под голос ангельских созвучий.

³⁴ Насколько трижды пролетит стрела,
Настолько удалясь, мы шаг прервали,
И Беатриче на землю сошла.

³⁷ Тогда «Адам!» все тихо пророптали
И обступили древо, чьих ветвей
Ни листья, ни цветы не украшали.

⁴⁰ Его намет, чем выше, тем мощней
И вправо расширявшийся, и влево,
Дивил бы индов высотой своей.

⁴³ «Хвала тебе, Грифон, за то, что древа
Не ранишь клювом; вкус отраден в нем,
Но горькие терзанья терпит чрево», –

⁴⁶ Вскричали прочие, обстав кругом
Могучий ствол; и Зверь двоорожденный:
«Так семя всякой правды соблюдем».

⁴⁹ И, к дышлу колесницы обращенный,
Он к сирой ветви сам его привлек,
Связав их вязью, из нее сплетенной.

⁵² Как наши поросли, когда поток
Большого света смешан с тем, который
Вслед за ельцом небесным ждет свой срок,

⁵⁵ Пестро рядятся в свежие уборы,
Пока еще не под другой звездой
Коней для Солнца запрягают Оры, –

⁵⁸ Так в цвет, светлей фиалки полевой
И гуще розы, облеклось растение,

Где прежде каждый сук был неживой.

⁶¹ Я не постиг нездешнее хваленье,
Которое весь сонм их возгласил,
И не дослушал до конца их пенье.

⁶⁴ Умей я начертать, как усыпил
Сказ о Сиринге очи стражу злему,
Который бденье дорого купил,

⁶⁷ Я, подражая образцу такому,
Живописал бы, как ввергался в сон;
Но пусть искуснейший опишет дрему.

⁷⁰ А я скажу, как я был пробужден
И полог сна раздрали блеск мгновенный
И возглас: «Встань же! Чем ты усыплен?»

⁷³ Как, цвет увидев яблони священной,
Чьим брачным пиром небеса полны
И чьи плоды бесплотным вожделенны,

⁷⁶ Петр, Иоанн и Яков, сражены
Бесчувствием, очнулись от глагола,
Который разрушал и глубже сны,

⁷⁹ И видели, что лишена их школа
Уже и Моисея, и Ильи,
И на учителе другая стола, —

⁸² Так я очнулся, в смутном забытии
Увидев над собой при этом кличе
Ту, что вдоль струй вела шаги мои.

⁸⁵ В смятенье, я сказал: «Где Беатриче?»
И та: «Она воссела у корней
Листвы, обретшей новое величье.

⁸⁸ Взгляни на круг приблизившихся к ней;
Другие ввысь восходят за Грифоном,
И песня их и глубже, и звучней».

⁹¹ Звенела ль эта речь дальнейшим звоном,

Не знаю, ибо мне была видна
Та, что мой слух заставила заслоном.

⁹⁴ Она сидела на земле, одна,
Как если б воз, который Зверь двучастный
Связал с растением, стерегла она.

⁹⁷ Окрест нее смыкали круг прекрасный
Семь нимф, держа огней священный строй,
Над коим Австр и Аквилон не властны.

¹⁰⁰ «Ты здесь на краткий срок в сени лесной,
Дабы затем навек, средь граждан Рима,
Где римлянин – Христос, пребыть со мной.

¹⁰³ Для пользы мира, где добро гонимо,
Смотри на колесницу и потом
Все опиши, что взору было зримо».

¹⁰⁶ Так Беатриче; я же, весь во всем
К стопам ее велений преклоненный,
Воззрел послушно взором и умом.

¹⁰⁹ Не падает столь быстро устремленный
Огонь из тучи плотной, чьи пласты
Скопились в сфере самой отдаленной,

¹¹² Как птица Дия пала с высоты
Вдоль дерева, кору его терзая,
А не одну лишь зелень и цветы,

¹¹⁵ И, в колесницу мощно ударяя,
Ее качнула; так, с боков хлеща,
Раскачивает судно зыбь морская.

¹¹⁸ Потом я видел, как, вскочить ища,
Кралась лиса к повозке величавой,
Без доброй снеди до костей тоща.

¹²¹ Но, услышав, какой постыдной славой
Ее моя корила госпожа,
Она умчала остов худощавый.

¹²⁴ Потом, я видел, прежний путь держа,
Орел спустился к колеснице снова
И оперил ее, над ней кружа.

¹²⁷ Как бы из сердца, горестью больного,
С небес нисшедший голос произнес:
«О челн мой, полный бремени дурного!»

¹³⁰ Потом земля разверзлась меж колес,
И видел я, как вышел из провала
Дракон, хвостом пронзая снизу воз;

¹³³ Он, как оса, вбирающая жало,
Согнул зловредный хвост и за собой
Увлёк часть днища, утоленный мало.

¹³⁶ Остаток, словно тучный луг – травой,
Оделся перьями, во имя цели,
Быть может, даже здоровой и благой,

¹³⁹ Подаренными, и они одели
И дышло, и колеса по бокам,
Так, что уста вздохнуть бы не успели.

¹⁴² Преображенный так, священный храм
Явил семь глав над опереньем птичьим:
Вдоль дышла – три, четыре – по углам.

¹⁴⁵ Три первые уподоблялись бычьим,
У прочих был единый рог в челе;
В мир не являлся зверь, странней обличьем.

¹⁴⁸ Уверенно, как башня на скале,
На нем блудница наглая сидела,
Кругом глазами рыща по земле;

¹⁵¹ С ней рядом стал гигант, чтобы не смела
Ничья рука похитить этот клад;
И оба целовались то и дело.

¹⁵⁴ Едва она живой и жадный взгляд
Ко мне метнула, друг ее сердитый
Ее стегнул от головы до пят.

¹⁵⁷ Потом, исполнен злобы ядовитой,
Он отвязал чудовище и в лес
Его повлек, где, как щитом укрытый,

¹⁶⁰ С блудницей зверь невиданный исчез.

Песнь тридцать третья

«Deus, venerunt gentes», – то четыре,
То три жены, та череда и та,
Сквозь слезы стали петь стихи Псалтири.

⁴ И Беатриче, скорбью повита,
Внимала им, подобная в печали,
Быть может, лишь Марии у креста.

⁷ Когда же те простор для речи дали,
Сказала, вспыхнув, как огонь во тьме,
И встав, и так слова ее звучали:

¹⁰ «Modicum, et non videbitis me;
Et iterum, любимые сестрицы,
Modicum, et vos videbitis me».

¹³ И, двинувшись в предшествии седмицы,
Мне, женщине и мудрецу – за ней
Идти велела манием десницы.

¹⁶ И ранее, чем на стезе своей
Она десятый шаг свой опустила,
Мне хлынул в очи свет ее очей.

¹⁹ «Иди быстрее, – она проговорила,
Спокойное обличие храня, –
Чтобы тебе удобней слушать было».

²² Я подошел, по ней мой шаг равня;
Она сказала: «Брат мой, почему бы
Тебе сейчас не расспросить меня?»

²⁵ Как те, кому мешает страх сугубый
Со старшими свободно речь вести,
И голос их едва идет сквозь зубы,

²⁸ Так, полный звук не в силах обрести:
«О госпожа, – ответил я, смущенный, –
То, что мне нужно, легче вам найти».

³¹ Она на это: «Пусть твой дух стесненный
Боязнь и стыд освободят от пут,
Так, чтобы ты не говорил, как сонный.

³⁴ Знай, что порушенный змеей сосуд
Был и не стал; но от судьбы вселенной
Вино и хлеб злодея не спасут.

³⁷ Еще придет преемник предреченный
Орла, чьи перья, в колесницу пав,
Ее уродом сделали и пленной.

⁴⁰ Я говорю, провиденьем познав,
Что вот уже и звезды у порога,
Не знающие никаких застав,

⁴³ Когда Пятьсот Пятнадцать, вестник бога,
Воровку и гиганта истребит
За то, что оба согрешали много.

⁴⁶ И если эта речь моя гласит,
Как Сфинга и Фемида, темным складом,
И смысл ее от разума сокрыт, –

⁴⁹ Событья уподобятся Наядам
И трудную загадку разрешат,
Но будет мир над нивой и над стадом.

⁵² Следи; и точно, как они звучат,
Мои слова запомни для наказа
Живым, чья жизнь – лишь путь до смертных врат

⁵⁵ И при писанье своего рассказа
Не скрой, каким растение ты нашел,
Ограбленное здесь уже два раза.

⁵⁸ Кто грабит ветви иль терзает ствол,
Повинен в богохульственной крамоле:

Бог для себя святыню их возвел.

⁶¹ Грызнув его, пять тысяч лет и доле
Ждала в мученьях первая душа,
Чтоб грех избыл другой, по доброй воле.

⁶⁴ Спит разум твой, размыслить не спеша,
Что неспроста оно взнеслось так круто,
Таким наметом стебель заверша.

⁶⁷ Не будь твое сознание замкнуто,
Как в струи Эльсы, в помыслы сует,
Не будь их прелесть – как Пирам для тута,

⁷⁰ Ты, по наличью этих лишь примет,
Постиг бы нравственно, сколь правосудно
Господь на древо наложил запрет.

⁷³ Но так как ты, – мне угадать нетрудно, –
Окаменел и потускнел умом
И свет моих речей приемлешь скудно,

⁷⁶ Хочу, чтоб ты в себе их нес потом,
Подобно хоть не книге, а картине,
Как жезл приносят с пальмовым листом».

⁷⁹ И я: «Как оттиск в воске или глине,
Который принял неизменный вид,
Мой разум вашу речь хранит отныне.

⁸² Но для чего в такой дали парит
Ваш долгожданный голос, и чем боле
К нему я рвусь, тем дальше он звучит?»

⁸⁵ «Чтоб ты постиг, – сказала, – что за школе
Ты следовал, и видел, можно ль ей
Познать сокрытое в моем глаголе;

⁸⁸ И видел, что до божеских путей
Вам так далеко, как земному краю
До неба, мчащегося всех быстрее».

⁹¹ На что я молвил: «Я не вспоминаю,

Чтоб я когда-либо чуждался вас,
И в этом я себя не упрекаю».

⁹⁴ Она же: «Если ты на этот раз
Забыл, – и улыбнулась еле зримо, –
То вспомни, как ты Лету пил сейчас;

⁹⁷ Как судят об огне по клубам дыма,
Само твое забвенье – приговор
Виновной воле, устремленной мимо.

¹⁰⁰ Но говорить с тобою с этих пор
Я буду обнаженными словами,
Чтобы их видеть мог твой грубый взор».

¹⁰³ Все ярче, замедленными шагами,
Вступало солнце в полуденный круг,
Который создан нашими глазами,

¹⁰⁶ Когда в пути остановились вдруг, –
Как проводник, который полн сомнений,
Увидев незнакомое вокруг, –

¹⁰⁹ Семь жен у выхода из бледной тени,
Какую в Альпах стелет вдоль ручья
Вязь черных веток и зеленой сени.

¹¹² Там растекались, – мог бы думать я, –
Тигр и Евфрат из одного истока,
Лениво разлучаясь, как друзья.

¹¹⁵ «О светоч смертных, блещущий высоко,
Что это за раздвоенный поток,
Сам от себя стремящийся далеко?»

¹¹⁸ На что сказали так: «Тебе урок
Подаст Мательда». И, путем ответа
Как бы желая отвести упрек,

¹²¹ Прекрасная сказала: «И про это,
И про иное с ним я речь вела,
И не могла ее похитить Лета».

¹²⁴ И Беатриче: «Больших мыслей мгла,
Ложась на память пеленою,
Ему, быть может, ум заволокла.

¹²⁷ Но видишь льющуюся там Эвною:
Сведи его и сделай, как всегда,
Угаснувшую силу вновь живою».

¹³⁰ Как избранные души без труда
Желанное другим желают сами,
Лишь только есть малейшая нужда,

¹³³ Так, до меня дотронувшись перстами,
Она пошла и на учтивый лад
Сказала Стацию: «Ты следуй с нами».

¹³⁶ Не будь, читатель, у меня преград
Писать еще, я бы воспел хоть мало
Питье, чью сладость вечно пить бы рад;

¹³⁹ Но так как счет положен изначала
Страницам этой кантики второй,
Узда искусства здесь меня сдержала.

¹⁴² Я шел назад, священной волной
Воссоздан так, как жизненная сила
Живит растенья зеленью живой,

¹⁴⁵ Чист и достоин посетить светила.

Примечания

Сокращения:

А. – «Ад». Ч. – «Чистилище». Р. – «Рай».

Эн. – Вергилий, «Энеида». Метам. – Овидий, «Метаморфозы».

ЧИСТИЛИЩЕ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Выход из Ада к подножию горы Чистилища

4. *Второе царство* – то есть Чистилище. Данте изображает его в виде огромной горы, возвышающейся в южном полушарии посреди Океана. Она имеет вид усеченного конуса. Береговая полоса и нижняя часть горы образуют Предчистилище, а верхняя опоясана семью уступами (семью кругами собственно Чистилища). На плоской вершине горы Данте помещает пустынный лес Земного Рая.

7. *Мертвое... песнопение* – потому что описывало область вечной смерти – Ад.

9-12. *Пусть Каллиопа...* – Девять дочерей фесалийского царя Пиера, Пиериды, дерзнули состязаться с музами в искусстве песнопения, но были посрамлены и превращены в сорок. На стороне муз выступала *Каллиопа*, муза эпической поэзии, старшая из девяти муз (Метам., V, 294-678).

19-21. *Маяк любви, прекрасная планета* – то есть Венера, затмевающая своей яркостью созвездие Рыб, в котором она находилась.

22. *К остю* – то есть к небесному полюсу, в данном случае южному.

23-27. *Четыре звезды* (Ч., VIII, 91-92; XXXI. 106) символизируют четыре «основные» («естественные») добродетели древнего мира (мудрость, справедливость, мужество и умеренность).

24. *Первых озарял людей* – то есть Адама и Еву, обитавших в Земном Раю.

29. *К остю полуночи* – в сторону Северного небесного полюса.

30. *Колесница* – Большая Медведица, скрытая за горизонтом.

31. *Некий старец* – Катон Младший Утический (95-46 гг. до н. э.), государственный деятель последних времен Римской республики, который, не пожелав пережить ее крушение, покончил с собой (в городе Утике – см. ст. 74). Данте делает его стражем Чистилища, на вершине которого, по мысли поэта, дух обретает свободу (Ч., XXVII, 140-142).

41. *Слепой водопад* – подземный ручей, вдоль которого поэты поднимались из Ада.

42. *Оперенье* – величавая борода Катона.

58. *Последний вечер* – то есть смерть. В стихах 59-60 имеется в виду духовная смерть, угрожавшая заблудшему.

71. *Он восхотел свободы* – духовной свободы, которая достигается посредством нравственного очищения. Этой свободой, не осуществимой без свободы гражданской, Катон посвятил и отдал жизнь (ст. 73-75).

75. *В грозный день* – то есть в день Страшного суда.

77. *Минос*. – Вергилий, как обитатель Лимба, не подвластен Миносу.

78. *И круг мой – тот, где Марция твоя...* – Лимб, где обитает Марция, жена Катона (А., IV, 128).

80. *Считать ее своей*. – Катон уступил Марцию своему другу Гортензию, после смерти которого она снова вернулась к Катону, желая умереть «его Марцией».

82. *Твои семь царств* – то есть семь кругов Чистилища.

88. *Зловещий вал* – волны Ахерона, окаймляющего Ад.

89. *Изведенный силою чудесной* – из Лимба (А., IV, 46-63).

94. *Тростью опояшь его* – тростником, символом смирения.

98. *Первому из слуг* – ангелу-привратнику (Ч., IX, 76-84).

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

У подножия горы Чистилища. – Новоприбывшие души умерших

1-3. По Данте, гора Чистилища и Иерусалим расположены на противоположных концах земного диаметра, поэтому у них общий горизонт. В северном полушарии вершина небесного меридиана (*«полдневного круга»*), пересекающего этот горизонт, приходится над Ерусалимом. В описываемый час солнце, видимое в Иерусалиме, клонилось к закату, чтобы вскоре появиться на небе Чистилища.

4-6. *А ночь...* – Согласно средневековой географии, Иерусалим лежит в самой середине суши, расположенной в северном полушарии между Полярным кругом и экватором и простирающейся с запада на восток всего лишь на 180° долготы. Остальные три четверти земного шара покрыты водами Океана. В равном отдалении от Иерусалима находятся: на крайнем востоке – устье Ганга, текущего с запада на восток, на крайнем западе – Геркулесовы столбы, Испания и Марокко. Когда в Иерусалиме заходит солнце, то со стороны Ганга надвигается ночь. В описываемое время года, то есть в пору весеннего равноденствия, ночь держит в руках весы, то есть находится в созвездии Весов, противостоя солнцу, находящемуся в созвездии Овна. Осенью, когда она *«одолеет»* день и станет продолжительнее, чем он, она выйдет из созвездия Весов, то есть *«выронит»* их.

16. *И снова да сверкнет!* – Данте жаждет после смерти снова очутиться у горы Чистилища, на берегу спасения.

26. *В той первой белизне*. – То, что белело по сторонам приближающегося света, были крылья ангела; то, что белело внизу, – его одежда. Средоточием света было его лицо.

46. *«In exitu Israël» (лат.)* – «Когда вышел Израиль [из Египта]».

56-57. *Сбив с небесной седины Козерога*. – При восходе солнца созвездие Козерога было на меридиане, а теперь начало склоняться к западу.

86. *И тут ее узнал я*. – Данте узнал тень своего друга, композитора и певца Каселлы (ст. 91).

91-92. *Ради возвращения сюда же* – ради того, чтобы после смерти оказаться в Чистилище, а затем в Раю.

94-105. Каселла рассказывает поэту, что души тех, *«кто не притянут Ахероном»* (ср. А., III, 70-129), то есть не осужден на муки Ада, слетаются после смерти к устью

Тибра (ср. Ч., XXV, 85-87), откуда ангел отвозит их в челне на остров Чистилища. Хотя он долго не брал с собой Каселлу, тот не усматривает в этом обиды, будучи убежден, что желание ангела-перевозчика «с *высшей правдой сходно*». Но сейчас весна 1300 г., в Риме, начиная с рождества, справляется церковный «юбилей» (см. прим. А., XVIII, 28-33), щедро отпускаются грехи живым и облегчается участь мертвых. Поэтому вот уже три месяца, как ангел «берет свободно» в свою ладью всех, кто ни попросит.

112. «*Любовь, в душе беседа со мной*». – Так начинается одна из канцон Данте, открывающая собою третий трактат «Пира».

119. *Величественный старец* – Катон.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

У подножия горы Чистилища. – Умершие под церковным отлучением

7. *Его самоупреки* – в том, что он остановился послушать пение Каселлы.

25-27. По повелению императора Августа тело Вергилия, умершего (19 г. до н. э.) в *Брундузии* (Бриндизи), было перенесено в *Неаполь* и там погребено. Когда в Чистилище раннее утро, в Неаполе – вечер.

37. *Quia* – латинское слово, означающее «потому что», а в средние века применявшееся также в смысле *quod* («что»). Схоластическая наука, следуя Аристотелю, различала двоякого рода знание: *scire quia* – знание существующего и *scire propter quid* – знание причин существующего. Вергилий советует людям довольствоваться первого рода знанием, не вникая в причины того, что есть.

40. *Ты* – то есть «род людской» (ст. 37).

50. Замок *Лериче* и местечко *Турбия* – крайние точки, восточная и западная, гористого побережья Лигурийского моря.

59. *Чреда теней* – души людей, умерших под церковным отлучением, но раскаявшихся перед смертью в своих грехах. Они ждут доступа в Чистилище в течение срока, в тридцать раз превышающего то время, которое они пробыли в «распре с церковью» (см. ст. 136-141).

112-113. *Манфред* – король Неаполя и Сицилии (с 1258 по 1266 г.), сын Фридриха II (А., X, 119 и прим.), внук *Костанцы* (см. прим. Р., III, 118-120), непримиримый противник папства, отлученный от церкви. Для борьбы с ним папский престол призвал Карла Анжуйского (см. прим. Ч., VII, 112-114). В битве при Беневенто (1266 г.) Манфред погиб, и его королевство досталось Карлу.

115-116. *Моей прекрасной дочери...* – Костанце, вдове Педро III *Арагонского* (см. прим. Ч., VII, 112-114), овладевшего *Сицилией* в 1282 г.

117. *Не верить лжи лукавой* – тому, что Манфред, как отлученный от церкви, находится в Аду.

124. *Страницу эту прочитайте* – евангельскую страницу, где сказано: «Приходящих ко мне не изгоню вон».

125-131. Манфред был погребен у моста Беневенто, и каждый воин вражеского войска, чтя храброго короля, бросил камень на его могилу, так что вырос целый холм. Исполняя волю папы *Климента IV*, архиепископ города *Козенцы*, поклявшийся изгнать Манфреда из его владений, вырыл его останки и перенес их на другой берег реки *Верде*, за пределы Неаполитанского королевства.

132. *Куда он снес их, погасив огни*. – Когда хоронили отлученного, то у его гроба гасили свечи и затем несли их опрокинутыми.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Первый уступ Предчистилища. – Нерадивые

1. *Одну из наших сил душевных* – то есть слух или зрение.

5. *Опровержимо заблуждение* – учение платоников о тройственности человеческой души и манихеев – о ее двойственности.

12. *Эта связана, а та парит.* – Одна сила поглощена каким-либо ощущением, а другая бездействует – *парит*.

15-16. Солнце успело подняться над горизонтом на 50°.

25-26. *Сан-Лео, Ноли, Бисмантова* – труднодоступные горные местности в Италии.

60. *Аквилон* – северный ветер. Здесь в смысле: север.

61-66. Смысл: «Если бы солнце (*зеркало*) было сейчас в созвездии Близнецов (*Диоскуров*), ты видел бы, что «*рдеющая*» часть зодиака (та, где находится солнце) вращается еще ближе к Северному полюсу (к созвездиям *Медведиц*), если только солнце не изменит своего вековечного пути». Другими словами: «В июне ты видел бы солнце еще ниже над горизонтом в северном направлении».

68. *Сион* – то есть Иерусалим (см. прим. Ч., II, 1-3).

71-72. *Дорога, где несчастливый правил Фаэтон* – зодиак (см. прим. А., XVII, 106-108).

79. *Вращатель вселенной* – девятое небо, или Перводвигатель (Р., XVIII-XXIX).

104. *Расположились люди.* – Это нерадивые, до смертного часа медлившие покаянием.

123. *Белаква* – флорентиец, выделявавший грифы к лютням и гитарам. Данте с ним дружил и любил послушать его игру.

137-139. На горе Чистилища сейчас полдень, а над противоположным ей северным полушарием простерлась ночь, от устья Ганга, на востоке, до западного берега суши – до *Моррокко* (Марокко) (см. прим. Ч., II, 4-6).

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Второй уступ Предчистилища. – Нерадивые, умершие насильственной смертью

24. *«Miserere» (лат.)* – псалом: «Помилуй [меня]».

38. *Горящий пар* – молния или падающая звезда (по Аристотелю).

64-84. *Один сказал.* – Это Якопо дель Кассеро, уроженец города Фано в Анконской марке, лежащий между *землею Карла II Анжуйского*, то есть Неаполитанским королевством, и *Романьей*. Враждующий с Адзо VIII д'Эсте, маркизом Феррарским, и приглашенный в 1298 г. на должность подеста в Милан, он из осторожности поехал через падуанские владения, но здесь, в Орьяко, был убит наемниками Адзо.

75. *Антеноры* – падуанцы, потому что Падуя считалась основанной троянцем Антенором.

79. *Мира* – городок между Орьяко и Падуей.

88-93. *Я был Бонконте.* – Бунконте, сын графа Гвидо да Монтефельтро (см. прим. А., XXVII, 4), предводительствовал аретинскими гибеллинами в войне против флорентийских гвельфов и 11 июня 1289 г. пал в битве на *Кампальдино* (см. прим. А., XXII, 5).

89. *Джованна* – вдова Буонконте.

95. *Аркьяно* – река в области Казентино, приток Арно.

97. *Где имя ей не нужно боле* – то есть где Аркьяно впадает в Арно и теряет свое название.

106-108. *Вечное* – душа Буонконте, которую ангел уносит в Рай, «*пользуясь слезинкой*» его раскаяния. Дьявол решает завладеть хотя бы «*прочим*», то есть его телом.

116. Долина Арно, в том месте, где погиб Буонконте, лежит между горным хребтом *Пратоманьо* и *большой грядой* Апеннин.

122. *К большой реке* – к Арно.

129. *Своей добычей* – то есть камнями и песком.

133-136. *Пия* деи Толомеи, родом из *Сьены*, вышла замуж за Нелло деи Панноккьески, который из ревности убил ее тайно в одном из своих замков в *Сьенской Маремме*.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Второй уступ Предчистилища (окончание)

13-14. *Аретинец* – Бенинкаса, судья, которого убил и обезглавил сьенский рыцарь-разбойник *Гин ди Такко*.

15. *В погоне утонувший* – Гуччо Тарлати, аретинец, который утонул, не то преследуя врагов, не то спасаясь бегством.

15-16. *Федерико Новелло* – из рода графов Гвиди.

17-18. *Пизанец* – Гано, сын *Марцукко* Скорниджани, убитый в 1287 г. Отец его, проявив необычную *силу духа*, простил убийцу.

19. *Орсо* дельи Альберти, граф Мангона, убитый своим двоюродным братом. Он был сыном Наполеоне, одного из двух братьев, которые убили друг друга и казнятся в Каине (А., XXXII, 40-60).

19-24. *Пьер де ла Бросс* – придворный французского короля Филиппа III Смелого, казненный по проискам Марии Брабантской, жены короля. Данте советует «*брабантке*» подумать о покаянии, чтобы не оказаться в Аду.

29. *В стихе, тобою спетом* – «Властную волю богов преклонить не надейся мольбами» (Эн., VI, 376).

38. *Огнь любви* – то есть горячая молитва живых.

40. *Там, где стих мой у меня возник* – то есть в языческом мире.

62. *Ломбардский дух* – Сорделло, поэт XIII в., писавший на провансальском языке, погибший, по преданию, насильственной смертью, уроженец Мантуи, как и Вергилий.

88-90. *Юстиниан* – см. прим. Р., VI, 10. Он «*подправил повод*» коню, обуздал государство законами, но теперь «*седло пустует*», на престоле нет самодержца.

91-96. *О вы, кому молиться долженствует* – римский папа и духовенство, присвоившие себе светскую власть, вопреки евангельскому слову: «Отдавайте кесарево кесарю, а божие – богу».

97. *Альберт немецкий* – Альбрехт I, сын Рудольфа Габсбургского, германский император и «король римлян» с 1298 по 1308 г.

104. *Имперский сад* – Италия.

111. *Сантафьор* – графство Сантафьора в Сьенской Маремме, принадлежавшее роду Альдобрандески; Бонифаций VIII отвоевал у него значительную часть владений.

118. *Дий* (Юпитер) – вместо «Христос».

125. В образе клеветы – то есть изображая из себя приверженца политической партии.

126. Марцелл – политический враг Юлия Цезаря. Здесь в смысле: влиятельный противник императорской власти.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Долина земных властителей

6. Октавиан – император Август (см. прим. Ч., III, 25-27).

25. Не делом, а неделаньем лишился... – Вергилий лишен лицемерия бога (Солнца) не потому, что грешил, а потому, что не знал христианской веры.

27. Его я поздно ведать научился – уже после смерти, когда Христос сошел в Ад (А., IV, 52-54).

28. Есть край внизу – Лимб (А., IV, 25-151).

34-36. Три святые добродетели – так называемые «богословские» – вера, надежда и любовь. Остальные – это четыре «основные» или «естественные» (см. прим. Ч., I, 23-27).

72. Где меньше половины высота – меньше половины самого высокого края стены, окаймляющей долину.

82. *«Salve, Regina»* (лат.) – «Славься, царица», церковный гимн.

83. Толпа теней, сидящих в уединенной долине, – души земных властителей, которые были поглощены мирскими делами.

91-95. Рудольф Габсбургский – император так называемой «Священной Римской империи» (с 1273 по 1291 г.). Он «пренебрег своим призванием», то есть не пошел в Италию, чтобы подчинить ее своей власти.

96. А ныне этот час опять далек – потому что итальянский поход германского императора Генриха VII в 1310-1313 гг. кончится неудачей.

97-102. Рудольфа утешает его заклятый враг, чешский король Пржемысл – Оттокар II, павший в битве с ним в 1278 г.

103-111. Курносый – французский король Филипп III Смелый, потерпел поражение в войне против Педро III Арагонского и умер в 1285 г., во время отступления, «омрачив честь лилий» своего герба. Его собеседник, только по виду благодушный добряк, – Генрих Толстый, король наваррский (умер в 1274 г.), выдавший свою дочь за сына Филиппа Смелого, Филиппа IV Красивого (царствовал в 1285-1314 гг.). Отец и тесть скорбят о «мерзости» Филиппа IV, «французского злодея», которого Данте клеймит не раз.

112-114. Еще два врага «поют в лад»: кряжистый, Педро III Арагонский, и носач, Карл I Анжуйский.

Карл, граф Анжуйский (ок. 1226-1285), брат Людовика IX Французского, был призван папами для борьбы против Манфреда (см. прим. Ч., III, 112-113) и в 1268 г. овладел Неаполем и Сицилией. В 1282 г. в Палермо вспыхнуло восстание против французов («Сицилийская вечерня»), и королем Сицилии был избран Педро III Арагонский (умер в 1285 г.). За Карлом осталось Неаполитанское королевство.

116. Юноша – старший сын Педро III, Альфонсо III (умер в 1291 г.).

119-120. Яков II Арагонский (умер в 1327 г.) и Федерико (Федерик) II Сицилийский (умер в 1337 г.) – второй и третий сыновья Педро. «Все то, что лучше», то есть отцовскую доблесть, они не унаследовали.

124-126. *Носач*, Карл I Анжуйский, тоже несчастен в своем потомстве: *Прованс* (Ч., XX, 61 и прим.) и *Пулья* (Неаполитанское королевство) стонут под властью его сына Карла II.

127-129. Карл I настолько же превосходит своего сына, Карла II, насколько *Костанца*, вдова Педро III (см. прим. Ч., III, 115-116), имеет больше оснований гордиться своим мужем, чем первая и вторая жены Карла I, *Беатриче* и *Маргерита*.

130-132. *Генрих III* Английский (умер в 1272 г.) – отец Эдуарда I.

133-136. *Гульельмо* Спададунга, маркиз *Монферратский* и *Канавезский*. – Восставшие против него жители города Александрии взяли его в плен и посадили в железную клетку, где он и умер (1292 г.). Неудачная война его сына против Александрии еще долго разоряла страну.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

Долина земных властителей (*продолжение*)

7. *Слух невольно отрешая*, – невольно переставая слушать, потому что Сорделло умолк, а души кончили петь «*Salve, Regina*».

13. «*Te lucis ante*» (лат.) – начальные слова вечернего церковного гимна: «Тебя, у предела света... [просим...]».

18. *До верховных дуг* – то есть до небесных сфер.

19-21. Данте указывает: аллегория дальнейших стихов так прозрачна, что легко понять ее смысл, а именно – небо, по нашей молитве, охраняет нас от соблазнов.

53. *Нино* Висконти – «судья» (правитель) округа Галлуры в Сардинии (см. прим. А., XXII, 81-87), внук и соперник графа Уголино (см. прим. А., XXXIII, 13-14). Умер в 1296 г.

65. *Куррадо* – см. прим. 115-119.

71. *Джованна* – малолетняя дочь Нино Висконти.

73-75. *Мать ее*, Беатриче, недолго носила вдовий «*белый плат*», выйдя вторично замуж за Галеаццо, из миланских Висконти, претерпевшего тяжелую судьбу.

79-81. Для Беатриче было бы почетнее, если бы на ее гробнице был высечен герб ее первого мужа, «*кочет*» (петух, герб *пизанских* Висконти, судей *Галлуры*), а не «*ехидна*» (герб *миланских* Висконти: змея, пожирающая младенца).

89-93. Три ярких *звезды*, сияющие в этот час вокруг Южного полюса, символизируют веру, надежду и любовь (см. прим. Ч., VII, 34-36; Ч., I, 23-27).

115-119. *Куррадо* (Коррадо) *Маласпина* Младший – маркиз Луниджаны, умерший около 1294 г. У маркизов Маласпина изгнанник Данте нашел радушный прием в 1306 г. *Вальдимагра* – долина реки Магры в Луниджане.

131. *Дурным главой* – то есть римским папой.

133-139. Смысл: «Солнце не успеет вступить *семь раз* в знак *Овна*, где оно стоит сейчас, то есть не пройдет и семи лет, как ты сам убедишься в нашем радушии, раз уж должен *свершиться приговор* судьбы, обрекающий тебя на скитальчество».

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Долина земных властителей (*окончание*). – Врата Чистилища

1-6. *Наложница старинного Тифона*. – Возможны два толкования: 1) *Наложница* троянского царевича Тифона (в непредосудительном смысле) – Аврора. Пользуясь тем же приемом, что в Ч. II, 1-9; III, 25-27; IV, 137-139; XV, 6; XXVII, 1-5; P. I, 43-45 –

Данте в ст. 1-6 указывает час, наступивший в Италии: там, на востоке, забрезжила солидная заря, и на ней сияло созвездие Рыб («холодный зверь»), а в ст. 7-9 он определяет соответственный час для горы Чистилища; 2) Данте наделяет Тифона, наряду с супругой, еще и *наложницей*, лунной зарей. В ст. 1-6 описывается час, наступивший на горе Чистилища: лунная заря *взошла белеть на утренний помост*, то есть появилась на востоке, и на ней сияло, как *корона*, созвездие Скорпиона («холодный зверь»).

7-9. *И ночь означила двумя шагами...* – Прошло два часа от начала ночи в том месте, где мы были, то есть на горе Чистилища, и даже третий час близился к концу.

10. *С Адамом в существе своем* – то есть обладая телом, подверженным усталости. Вергилий и другие тени не нуждаются в сне.

12. *Впятером* – то есть Данте, Вергилий, Сорделло, Нино Висконти и Корrado Маласпина.

14-15. *Касатка* – злополучная царевна Филомела, превращенная в ласточку (касатку) (см. прим. Ч., XVII, 19-20).

22-24. *Там, где Ганимед* – то есть на горе Иде Фригийской.

30. *До самого огня* – до сферы огня, которая считалась лежащей между сферой воздуха и небом Луны.

34-39. *Не меньше вздрогнул некогда Ахилл...* – Когда юноша Ахилл воспитывался у кентавра Хирона (А., XII, 71), богиня Фетида, его мать, зная, что ему грозит гибель на войне, перенесла его спящим на остров *Скир*. Но здесь его при помощи хитрости обнаружили Улисс и Диомед (см. прим. А., XXVI, 61-62).

55-63. *Лючия* – см. А., II, 97-108 и прим. А., II, 97.

112. *Семь Р* (начальная буква латинского слова «*reccatum*» – «грех») – означают семь смертных грехов, от которых надлежит очиститься по мере восхождения на гору Чистилища.

137. *Тарпей* – Тарпейский утес римского Капитолия, где хранилась государственная казна. Когда Цезарь потребовал выдачи ему этой казны, народный трибун Луций Цецилий *Метелл* отказал ему, и тот силой открыл двери.

141. «*Te Deum*» – латинский церковный гимн «Тебя, бога, [хвалим]».

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

Чистилище. – Круг первый. – Гордецы

2. *Из-за любви дурной.* – Любовь – причина всех человеческих дел, как добрых, так и злых, в зависимости от того, благая ли эта любовь или дурная (Ч., XVII, 91-139).

8. *Та и эта двигалась стена* – то есть образовывала волнообразные выступы, так что тропа была извилиста.

16. *Игольное ушко* – узкий проход.

17. *Мы вышли там...* – Поэты достигли первого круга Чистилища, где души искупают грех гордости.

28-33. Круговая тропа идет вдоль мраморной стены горного склона, украшенной барельефами, на которых изображены примеры смирения.

32. *Поликлет* – знаменитый греческий ваятель V в. до н.э.

34-45. Первый барельеф изображает евангельскую легенду о смирении девы Марии перед ангелом, возвещающим, что она родит Христа.

40. «*Ave!*» (лат.) – «Радуйся!»

44. *«Ecce ancilla Dei» (лат.)* – «Вот раба господня».

55-69. Второй барельеф изображает смирение библейского царя Давида, который, при перенесении *«ковчега завета»* в Иерусалим, «скакал и плясал перед господом», на что с негодованием смотрела из окна его жена Мелхола (Библия).

73-93. Третий барельеф воспроизводит легенду о том, как римский император Траян (с 98 по 117 г.) смиренно выслушал упрек вдовы и оказал ей правосудие.

75. *Григорий обессмертил величаво.* – Существовала легенда, что, по молитве папы Григория (умер в 604 г.), кроткий Траян, император-язычник, был освобожден из ада, жил вторично уже как христианин и достиг райского блаженства (Р., XX, 44-48; 106-117).

94. *Кто нового не видел никогда* – то есть бог, которому открыто и прошлое и будущее.

111. *Час грозного решения* – час Страшного суда.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ Круг первый (продолжение)

11. *«Осанна» (еврейск. – спаси, сохрани)* – приветственное восклицание.

13. *Дневная манна* – хлеб насущный, в смысле: духовная пища, небесная благодать.

58-69. *Я был латинянин...* – Это *Омберто Альдобрандески*, граф Сантафьора (Ч., VI, 111), погибший в 1259 г. при осаде съенцами его замка Кампаньятико.

62-63. *Мать у всех одна* – земля.

66. *Вся чадь* – вся дружина.

79-80. *Одеризи из Губбьо* – прославленный в свое время миниатюрист (умер в 1299 г.).

81. *«Иллюминур», как говорят в Париже* – то есть миниатюра.

83. *Франко из Болоньи* – миниатюрист, современник Данте.

94. *Чимабуэ* – флорентийский живописец (умер ок. 1302 г.).

95. *Джотто* – знаменитый итальянский живописец (умер в 1337 г.), друг Данте.

97-99. Первый *Гвидо* – поэт Гвидо Гвиницелли (умер в 1276 г.) (Ч., XXVI, 91 и прим.); *«новый Гвидо»* – Гвидо Кавальканти (умер в 1300 г.), друг Данте (см. А., X, 58-72; 109-111).

108. *Звездный кружится чертог.* – По Данте («Пир», II, 14 [15]), движение звездного неба с запада на восток равно одному градусу в сто лет.

109-113. *По всей Тоскане прогремел.* – Провенцан Сальвани (см. ст. 121), вождь тосканских гибеллинов, стоявший во главе Съенской республики, «когда надорвалась злость» флорентийских гвельфов, разбитых при Монтаперти в 1260 г. В 1269 г. при Колле ди Вальдельса, где флорентийцы в свой черед разгромили съенцев, он был взят в плен и обезглавлен, а съенские гвельфы, вернувшись к власти, снесли его дома.

133-142. Когда один из друзей Провенцана Сальвани был взят в плен Карлом I Анжуйским и тот потребовал за него огромный выкуп, угрожая казнью пленника, гордый Сальвани сел на *Кампо*, главной площади Съены, и смиренно просил горожан помочь ему собрать требуемые деньги. Пленник был выкуплен. За этот свой поступок Провенцан *«и не остался там»*, то есть у подножия горы Чистилища.

139-141. Данте поймет, что значит: *«Он каждой жилой был дрожать готов»* (ст. 138), когда его «соседи», флорентийцы, вынудят его прибегать в изгнании к чужой помощи (ср. Р., XVII, 58-60).

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Круг первый (окончание)

13. *Посмотри под ноги!* – На резные изображения, являющие примеры наказанной гордости (ст. 25-63).

25-27. Имеется в виду Люцифер.

28-30. *Бриарей* – см. прим. А., XXXI, 98.

31-33. *Тимбрей* (одно из прозвищ Аполлона), *Марс* и *Паллада*, окружив Зевса, смотрят на сраженных ими *гигантов* (А., XXXI, 44-45 и прим.).

34-36. *Немврод* – см. прим. А., XXXI, 46-81.

37-39. *Ниобея*, жена Амфиона (А., XXXII, 11), гордая своими *семью* сыновьями и *семью* дочерьми, глумилась над Латоной, матерью всего лишь двух близнецов – Аполлона и Дианы. Тогда дети богини убили стрелами всех детей Ниобеи, которая от горя окаменела (Метам., VI, 146-312).

40-42. *Саул* – царь израильский, побежденный филистимлянами на горе *Гелвуе*, пал на свой меч (Библия).

42. *Нет росы, дождя и трав!* – Узнав о смерти Саула, Давид воскликнул: «Горы Гелвуйские! да [не сойдет] ни роса, ни дождь на вас, и да не будет на вас полей с плодами...» (Библия).

43-45. *Арахна* – см. прим. А., XVII, 18. Здесь она изображена в самый миг превращения.

46-48. *Ровоам* – жестокий израильский царь, спасающийся бегством от народного восстания (Библия).

49-51. Сын Эдипа, Полиник, ища себе союзников, чтобы отвоевать Фивы у своего брата Этеокла, подарил тщеславной Эрифиле, жене аргосского царя Амфиарая (А., XX, 31-39 и прим.), ожерелье Гармонии, приносившее несчастье всем его обладательницам, и она указала ему, где прячется ее муж, который скрылся, зная, что лишится жизни, если отправится в этот поход. Когда Амфиарай погиб под Фивами, его сын *Алкмеон*, выполняя мщение, завещанное отцом, убил свою мать (ср. Р., IV, 103-105), так что она прокляла «*убор, ей на погибель данный*».

52-54. Надменный *Сеннахирим*, царь ассирийский, был убит во храме своими сыновьями (Библия).

55-57. Тамириса, скифская царица, отмщая Киру за гибель своего сына, разгромила персидское войско, велела отрубить голову павшего в битве царя и положить ее в мех, наполненный человеческой кровью. При этом она воскликнула: «Упейся кровью, которой ты тридцать лет ненасытимо жаждал!» (Орозий, История, II, 7).

58-60. Когда ассирийский полководец *Олоферн* осаждал Ветилу, иудейка Юдифь пришла к нему в шатер и обезглавила его. *Ассирийцы* обратились в бегство (Библия).

80-81. *Прислужницы дня* – Оры (в античной мифологии – богини времен года, а также часов дня), сменяющие друг друга на солнечной колеснице (Ч., XXII, 118-120). Уже минул *шестой час* после восхода солнца, то есть минул полдень.

97-98. Взмахом крыльев ангел стер одно из «Р», вырезанных на челе у Данте (Ч., IX, 112-114).

100-108. Ступенчатый подъем во второй круг Данте сравнивает с тропой, по которой, выйдя из Флоренции и перейдя через мост *Рубаконте* (ныне Ponte alle Grazie), поднимаются к *церкви* Сан-Миниато.

101. *Юдоль порядка* – так иронически названа Флоренция.

105. *Когда блюлась тетрадь и читалась кадка* – то есть когда общественные деятели Флоренции были честнее. Данте намекает на два громких мошенничества, случившиеся в его время: мессер Никкола Аччайоли и судья Бальдо д'Агульоне (Р., XVI, 55-56 и прим.) удалили из нотариальной книги компрометирующую запись, а Дуранте Кьярамонтези, ведавший продажей соли, уменьшил объем казенной кадки, чтобы обмеривать покупателей.

109-110. «*Beati pauperes spiritu*» (лат.) – «Блаженны нищие духом».

122. *Хотя тусклей и те...* – После того как стерлось первое «Р», знак гордости, корня всех грехов, стали *тусклей* и остальные знаки, тем более что гордость была главным грехом Данте (Ч., XIII, 136-138).

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Круг второй. – Завистники

29. «*Vinum non habent!*» (лат.) – «Вина нет у них!» – слова Марии на браке в Кане Галилейской, пример заботы о других.

32. «*Я Орест!*» – Воскликание Ореста, подоспевшего в тот миг, когда его друг Пилат, назвавшись его именем, хотел принять казнь вместо него.

39-40. «*Плетью*» служат примеры любви; «*уздой*» должны служить примеры наказанной зависти (Ч., XIV, 130-144).

94. *Вечный град* – небо.

106-129. *Из Съены я...* – Сапия, знатная съенская дама, тетка Провенцана Сальвани (Ч., XI, 109-142).

109-110. *Не мудрая, хотя меня и звали Сапия.* – Игра словами: собственное имя Sapia сопоставлено с итальянским прилагательным savia (в староитал. также: saria), то есть «мудрая».

115. *Колле ди Вальдельса.* – См. прим. Ч., XI, 109-113.

128. *Пьер Петтинайо* – по ремеслу гребенщик, прославивший в Съене святым.

133-138. Данте сознает, что завистью он грешил куда меньше, нежели гордостью, и предчувствует муку «*нижнего обрыва*», того, где гордецы «*пригнетены ношей*».

151-154. *В том городе*, то есть в Съене, все мечтают о приобретении гавани *Таламонэ*, чтобы получить выход к морю (что и осуществилось в 1303 г.). Но это предприятие окажется таким же убыточным, как и бесплодные поиски подземной реки Дианы, которую съенцы старались обнаружить, чтобы обеспечить город водою. Выражение «*адмиралы*» толковалось различно: 1) те, что надеялись стать адмиралами съенского флота; 2) начальники портовых работ, погибшие в Таламонэ от малярии; 3) подрядчики, разорившиеся на этих работах.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Круг второй (*продолжение*)

17. *Фальтерона* – горный хребет в Апеннинах.

32. *Пелор* – то есть мыс Фаро, северо-восточная оконечность Сицилии.

42. *Цирцея* – см. прим. А., XXVI, 91.

43-45. *Свиная порода* – обитатели Казентино, в особенности же графы Гвиди, владельцы Ромены и Порчано (см. прим. А., XXX, 61-90). Игра слов: Porciano – porci (свиньи).

46-48. *Дворняжки* – аретинцы. Сначала Арно течет к югу, но неподалеку от Арещо круто поворачивает к западу, словно презрительно «воротит нос».

49-51. *Волки* – флорентийцы.

52-54. *Лисицы* – пизанцы.

58-66. Говорящий, романец Гвидо дель Дука (ст. 81), из равеннского рода Онести, гибеллин (ум. в середине XIII в.), предсказывает своему собеседнику и земляку Риньери да Кальболи (ст. 88-89) злодеяния его племянника Фульчери да Кальболи, который, по приглашению партии Черных, займет в 1303 г. должность подеста во Флоренции и подвергнет жестоким пыткам и казням оставшихся в городе Белых и гибеллинов.

64. *Скорбный лес* – Флоренция.

88-89. *А вот Риньер* – романец Риньери да Кальболи, из Форли, представитель знатного гвельфского рода (умер в 1296 г.).

91. *Кровь* – то есть потомство.

92. *Меж По и Рено, морем и горой* – то есть в Романье.

97-108. Гвидо перечисляет романцев прежнего времени, которых он считает образцами доблести.

112-114. *Бреттиноро* (Бертиноро) – городок между Форли и Чезеной. Его покинул славный род Манарди, владевший им.

115. *Баньякаваль* – замок графов Мальвичини, мужское потомство которых пресеклось.

116-117. В замках *Коньо* и *Кастрокаро* жили свои владетельные графы.

118. *Демон* – Магинардо Пагани, прозванный «демоном» (см. прим. А., XXVII, 49-51).

121-123. *Уголин де'Фантолин* – род которого пресекался.

133. «*Меня убьет, кто встретит!*» – слова Каина богу, проклявшему его за то, что из зависти он убил Авеля (Библия).

139. «*Я тень Аглавры...*» – Аглавра завидовала своей сестре Герсе, которую любил бог Гермес, и тот превратил ее в камень (Метам., II, 708-832).

147. Смысл: «Нет пользы ни в *поводьях* (в сдерживающих примерах наказанного греха), ни в *вабиле* (в заманчивых примерах награжденной добродетели)». *Вабило* – см. прим. А., XVII, 128.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

Круг второй (*окончание*). – Круг третий. – Гневные

1-5. Солнцу оставалось пройти до горизонта такую же долю окружности, на какую к трем часам дня (считая от восхода) успевает повернуться «*сфера, как дитя, живая*», то есть небо Солнца, вечно подвижное. Другими словами, до заката оставалось три часа.

6. *Там* – в Чистилище; *здесь у нас* – в Италии.

29. *Семья небес* – ангелы.

37-38. «*Beati misericordes!*» (лат.) – «Блаженны милостивые».

53. *К верховной сфере* – к Эмпирею, высшему из небес, обители божества.

67. *Световое тело* – то есть тело, способное воспринимать световые лучи.

87-93. Мария, найдя через три дня своего пропавшего сына, двенадцатилетнего Иисуса, беседующего во храме с учителем, говорит ему кроткие слова (Евангелие).

94-105. Юноша, влюбленный в дочь *Писистрата*, афинского тирана, поцеловал ее при людях. Писистрат не послушался своей жены, требовавшей, чтобы дерзкий был наказан, и дело кончилось свадьбой.

98. *Среди богов посеяло разлад*. – Посейдон и Афина спорили о том, чьим именем должен быть назван город. Восторжествовала Афина.

106-114. *Юноша* – святой Стефан, побиваемый камнями.

131. *Влага примиренья* – кротость, гасящая огонь гнева. О крайней вспыльчивости поэта рассказывает Боккаччо в «Жизни Данте».

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Круг третий (*продолжение*)

1-9. Подобный плотному *покрову* с колючим *ворсом*, слепящий *дым*, в который вступили поэты, обволакивает души тех, кто в жизни был ослеплен гневом.

19. «*Agnus Dei*» (лат.) – «Агнец божий», слова католической молитвы.

46. *Я был ломбардец. Марко звался я*. – Ломбардец Марко жил в XIII в. и был «придворным», то есть человеком, служившим при дворе то одного, то другого феодала.

53-63. *Но у меня сомнение родилось*: в чем причина всеобщей испорченности – во влиянии небесных светил или в злой воле людей? Сомнение это, *возникшее* после слов Гвидо дель Дука (Ч., XIV, 38-39), *усугубилось* после слов Марко (ст. 47-48), *подтвердивших* то самое (всеобщее падение нравов), с чем это сомнение *соединилось*, то есть чем оно было вызвано, и «*здесь*» (в беседе с Марко) и «*там*» (в беседе с Гвидо).

68. *Одно лишь небо* – то есть одно лишь воздействие звезд.

73-81. Смысл: «Некоторые из наших наклонностей зависят от той звезды (*небес*)», под которой мы родились, но если наша *воля* выдержит первую борьбу с влиянием звезд («с *небом первый бой*»), то при поддержке *доброй* духовной *пищи* она победит это влияние, ибо мы подвластны *высшей силе*, то есть богу, звезды же не могут воздействовать на наш *разум*».

85. *Из рук того* – божества.

96. *Башня Града* – справедливость.

97-98. *Но кто же им защита? Никто* – ибо императорский престол пустует (ср. Ч., VI, 88-90).

98-99. *Ваш пастырь жвачку хоть жуует, но не раздвоены его копыта*. – По Моисееву закону, чистыми животными считались те, у которых раздвоены копыта и которые притом жуют жвачку. Христианские богословы пользовались этим образом символически: жевание жвачки – размышление над Священным писанием и правильное его понимание; раздвоенность копыт – различие некоторых глубоких понятий, в том числе добра и зла. Данте хочет сказать: «Римский папа и чист и нечист; он авторитетен в вопросах религии, но не различает духовного от светского, посягает на императорские права, прельщается земными благами».

107. *Два солнца* – папа и император.

109. *Одно другое погасило* – папская власть упразднила императорскую.

110. *Меч слился с посохом* – светская власть слилась с духовной, папа присвоил себе права монарха.

115. *В стране, где По и Адиче (Адидже) струятся* – в Ломбардии, отечестве говорящего.

117. *В дни Федерика стал уклад ломаться.* – Борьба императора Фридриха II (А., X, 119 и прим.) с папами повела к партийным распрям и порче добрых старых нравов.

123. *Томятся жаждой по иной отчизне* – жаждут перехода в лучший мир.

124-126. *Герардо да Камино*, генеральный капитан Тревизо. *Гвидо да Кастель*, у себя в Реджо радушно принимавший путешественников. *Куррадо да Палаццо* из Брешии.

131. *Левиты* – жреческое сословие у древних евреев, которое не получило земельных уделов (Библия).

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

Круг третий (*окончание*). – Круг четвертый. – Унылые

19-20. *Жестокость той...* – Прокна, чтобы отомстить своему мужу – фракийскому царю Терею, который изнасиловал ее сестру Филомелу и вырезал у нее язык, убила своего сына Итиса и его мясом накормила отца (Метам., VI, 424-674). Прокна (по тому варианту мифа, которому следует Данте) была превращена в соловья, а Филомела – в ласточку (ср. Ч., IX, 13-15).

26-30. *Распятый, гордый обликом, злодей...* – Аман, приближенный персидского царя *Артахсеркса*, злобствуя на *Мардохея*, замыслил его повесить и истребить всех иудеев. Но царица *Эсфирь*, иудейка, предотвратила его замысел, и царь велел повесить Амана на дереве, которое тот готовил для Мардохея (Библия).

34-39. *В слезах предстала дева...* – *Лавина*, или Лавиния (А., IV, 125; Р., VI, 3), дочь царя Лация, Латина, и Аматы. Отец просватал ее за троянского вождя Энея, а мать хотела выдать за Турна, царя ругулов. Смотря на битву троянцев с ругулами и думая, что Турн убит, Амата «в мрачной ярости повесилась» (Эн. VII, 249-474; XII, 593-613).

68-69. «*Beati pacifici*» (лат.) – «Блаженны миротворцы».

91-139. Вергилий излагает учение о любви как об источнике всякого добра и зла и поясняет градацию кругов Чистилища: круги I, II, III – любовь к «чужому злу», то есть зложелательство (гордость, зависть, гнев); круг IV – недостаточная любовь к истинному благу (уныние); круги V, VI, VII – чрезмерная любовь к ложным благам (корыстолюбие, чревоугодие, сладострастие).

94. *Природная любовь* – это естественное стремление тварей (будь то первичное вещество, растение, животное или человек) к тому, что для них благотворно («Пир», III, 3). Она никогда не ошибается в выборе цели.

110. *Первая сущность* – бог.

114. *В вашем иле* – то есть на земле.

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Круг четвертый (*продолжение*)

18. *Слепцов* – то есть эпикурейцев, утверждающих, что «любовь оправдана всегда» (ст. 34-36).

30. *К среде, где он прочнее сохранен* – то есть к сфере огня (см. прим. Ч., IX, 30).

49-51. *Творящее начало*, по учению схоластов, есть то, что, соединяясь с веществом, придает ему тот или иной вид бытия. Для человека творящим началом

является душа, пребывающая *врозь с веществом в пределах вещества*. Таящаяся в ней «особая сила» и есть «природная любовь» (Ч., XVII, 19-27; XVIII, 19-27).

73-74. *Вот то, что Беатриче называет свободной волей.* – См. Р., IV, 13-21; 73-80; Р., V, 19-24.

79. *Навстречу небу.* – Суточное перемещение Луны по небесной сфере происходит с запада на восток.

79-81. *Там, где солнце мчится...* – Луна восходила в знаке Скорпиона и шла тем же путем, который проходит Солнце, когда оно, вступив в это созвездие, кажется для обитателей Рима заходящим между Сардинией и Корсикой.

82. *Пьетола* – родина Вергилия (см. прим. А., I, 69).

91-93. *Асон и Исмений* – реки в Беотии.

100. *Мария в горы устремила шаг.* – По евангельской легенде, дева Мария поспешила в горы, чтобы приветствовать свою родственницу Елисавету, зачавшую сына.

101-102. *Цезарь*, вытеснив Помпея из Италии, быстро двинулся в Галлию, оставил Требония и Децима Брута осаждать *Марсилью* (Массилию, Марсель) с суши и с моря, вступил в *Испанию* и около *Илерды* (Лерида) принудил помпеянцев к сдаче (49 г. до н. э.).

118. *Сан-Дзено* – монастырь в Вероне. Имя говорящего здесь аббата остается невыясненным.

119-120. Император Фридрих *Барбаросса* в 1162 г. разрушил сопротивлявшийся ему Милан; вот почему в этом городе о нем «*скорбно говорят*».

121-126. *Одну стопу уже во гроб поставил* Альберто делла Скала, властитель Вероны (умер в 1301 г.), который незаконно назначил аббатом в Сан-Дзено своего побочного сына, хромоногого Джузеппе, человека безнравственного (умер в 1313 г.).

131-132. *Зубами вцепясь в унынье* – то есть порицая этот грех.

133-135. По библейской легенде, евреи, вышедшие из Египта *по дну* Черного моря, побоялись вступить в обетованную землю. За это все совершеннолетние осуждены были умереть в пустыне, и только дети их, сорок лет спустя, наконец увидели *Иордан*.

136-138. Малодушные спутники *Энея*, оставшиеся в Сицилии (Эн. V, 700-778).

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Круг четвертый (*окончание*). – Круг пятый. – Скупцы и расточители

1-3. Смысл: «В предрассветный час, когда нагретый за день воздух уже не может бороться с холодными лучами луны, потому что «*зной дня*» успел ослабеть под влиянием холода, исходящего от земли или от *Сатурна*...»

4-6. *Геоманты* гадали по фигурам на основе случайно набросанных точек. Фигура «*Fortuna major*» походила на крайние звезды Водолея вместе с ближайшими звездами Рыб. Данте хочет сказать, что на востоке уже взошли Водолей и частично Рыбы, то есть до восхода солнца оставалось около трех часов.

7-9. *Женщина*, приснившаяся Данте, олицетворяет те три греха, которые искупаются в трех верхних кругах: корыстолюбие, чревоугодие и сладострастие (ср. ст. 58-59).

12-15. *Так и мой взгляд...* – Смысл: «Только наши глаза придают очарование низменным благам, которые сами по себе мерзки».

22-23. Улисс (Одиссей) был *свергаем с пути* не сиренами, а волшебницей Цирцеей.

26. *Святая и усердная жена*. – Старейшие комментаторы обычно видят в ней символ разума, разоблачающего лживость низменных благ.

50. «*Qui lugent*» (лат.) – «плачущие».

58-60. *Ты видел ведьму...* – См. прим. 7-9.

62. *Вавило* – см. прим. А., XVII, 128.

73. «*Adhaesit pavimento anima mea!*» (лат.) – «Прилипла к праху душа моя».

94. *Кем был ты*. – Это кардинал Оттобуоно Фьески, граф Лаванья, вступивший в 1276 г. на папский престол под именем Адриана V. Он умер через тридцать восемь дней после избрания.

98-99. «*Scias quod fui successor Petri*» (лат.) – «Знай, что я был преемником Петра», то есть римским папой.

100-102. *Меж Кьявери и Съестри*, двумя городками на берегу Генуэзского залива, впадает в море «большой поток» Лаванья и расположен город того же имени. Отсюда и *титул* говорящего.

122. *Не влекла к делам* – то есть к добрым делам.

137. «*Negue timent*» (лат.) – «ни женятся». Адриан хочет сказать, что он больше не «супруг церкви», не римский папа.

141. *В которых то, что говорил ты, зреет*. – См. ст. 91-92.

142. *Аладжа* деи Фьески была замужем за Мороелло Маласпина (см. прим. А., XXIV, 145-150).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ Круг пятый (продолжение)

1. *Пред лучшей волей* – то есть перед волей Адриана V, желавшего отдалиться слезам покаяния (Ч., XIX, 139-141).

3. *Я погруженной не насытил губки* – то есть прекратил беседу, не успев спросить о многом.

8. *Зло, наполнившее свет* – корыстолюбие.

10-12. *Волчица древних лет...* – См. прим. А., I, 31-60.

25. *Фабриций* – римский полководец (III в. до н. э.), прославившийся своим бескорыстием.

31. *Щедрость Николая* – церковная легенда о святом Николае.

43. *Я корнем был зловредного растения* – то есть родоначальником французской королевской династии, пагубной для христианского мира.

46-48. *Гвант* (Гент), *Лиль* (Лилль), *Бруджа* (Брюгге) и *Дуак* (Дуэ, лат. – Duacum) – главные города Фландрии. Говорящий хотел бы, чтобы Фландрия отомстила его потомку, Филиппу IV за понесенные обиды, что и случилось в 1302 г., когда фламандское народное ополчение разгромило французов.

49. *Я был Гугон – Капетом, нареченный*. – Данте сливает воедино два исторических лица: Гуго Великого, Графа Парижского, «герцога Франции», умершего в 956 г., и его сына – Гуго Капета, который после смерти в 987 г. последнего короля Каролингской династии, Людовика V, был избран на престол и умер в 996 г., положив начало династии Капетингов.

52. *Родитель мой в Париже был мясник* – легенда о Гуго Капете.

54-55. *Последний же из племени владык облекся в серое.* – По-видимому, Данте смешал последнего Каролинга с последним Меровингом, Хильдериком III, который в 751 г. был низложен и пострижен в монахи.

58. *Диадемой вдовой* – то есть вакантной после смерти последнего Каролинга – Людовика V.

61. *Прованское пыльное вено* (приданое). – В 1246 г. Карл Анжуйский (см. прим. Ч., VII, 112-114) путем брака получил в обладание богатый Прованс.

66. *Понти* – графство Понтье (Ponthieu).

67. *Карл сел в Италии.* – См. прим. Ч., VII, 112-114.

68. *Зарезал Куррадина.* – В 1268 г. шестнадцатилетний Конрадин, последний Гогенштауфен, заявил свои права на сицилийский престол, был побежден Карлом при Тальякоццо (А., XXVIII, 18 и прим.) и обезглавлен в Неаполе на глазах у короля.

68-69. *Фому вернул на небеса* – Фому Аквинского (см. прим. Р., X, 82). Считали, что его велел отравить Карл Анжуйский.

70-78. *Новый Карл* – Карл Валуа, прозванный Безземельным (ср. ст. 76-78), брат Филиппа IV. Бонифаций VIII (см. прим. А., XIX, 52), замышляя подчинить себе Флоренцию, где партия Белых была ему враждебна, и отвоевать Сицилию у Федерико II (см. прим. Ч., VII, 119-120), пригласил Карла в Италию, чтобы тот помог ему в этих предприятиях. В награду он сулил ему императорскую корону. 1 ноября 1301 г. Карл, облеченный званием «умиротворителя Тосканы», вступил во Флоренцию и здесь вероломно стал на сторону Черных, что повело к разгрому и изгнанию Белых, в том числе и самого Данте (см. прим. Р., XVII, 48). Затем он предпринял неудачный поход на Сицилию, после чего вернулся во Францию (1302 г.). Умер в 1325 г.

79-80. *Пленник, в море взятый, дочь продает.* – Карл II Анжуйский, король неаполитанский (с 1285 по 1309 г.), сын Карла I (см. прим. Ч., VII, 112-114), еще при жизни отца был взят в плен в морском бою с арагонским флотом (1284 г.). В 1305 г. он выдал свою дочь за старого Адзо VIII д'Эсте, маркиза Феррарского, получив за нее щедрый денежный дар.

83. *Кровь мою* – то есть мое потомство.

86-90. *Христос в своем заместнике пленен...* – Когда конфликт между папой Бонифацием VIII и Филиппом IV, отражавший борьбу церковной и светской власти, достиг наибольшего, напряжения, посланец короля Гильом Ногаре и враждебный папе Шарра Колонна вступили (7 сентября 1303 г.) с королевским знаменем («пилии») в Аланьо (ныне Ананьи), где находился Бонифаций, и подвергли его жестоким оскорблениям. От пережитого потрясения он вскоре умер.

92. *Новейшего Пилата* – Филиппа IV.

93. *Он в храм вторгает хищные ветрила.* – Филипп IV разгромил орден рыцарей-храмовников (тамплиеров), чтобы завладеть его богатствами. Суд над ними сопровождался пытками и казнями на костре и плахе (1307-1314 гг.).

97. *Возглас мой* – «Мария!» (ст. 19).

101-102. *Покамест длится день* – мы вспоминаем Марию и других бедных и щедрых. *Поздней заката мы об обратной говорим судьбе* – то есть провозглашаем примеры наказанного корыстолюбия.

104-105. *Пигмалион* – тирский царь, брат Дидоны (А., V, 61-62), предательски убивший ее мужа Сихея, чтобы овладеть его сокровищами (Эн., I, 340-368).

106-108. *Мидас* – фригийский царь, испросивший себе у Вахха дар превращать в золото все, к чему он ни прикоснется. Так как в золото обращались также и пища и питье царя, Вахх сжалился над ним и велел ему омыться в струях Пактола. Река после

этого стала золотоносной, а Мидас впал в скудоумие, и когда, во время музыкального состязания Пана с Аполлоном, он отдал предпочтение Пану, Аполлон наделил его ослиными ушами (Метам., XI, 85-193).

109-111. *Ахан* – по библейской легенде, воин Иисуса Навина, похитивший часть военной добычи и за это побитый камнями и сожженный вместе с сыновьями и дочерьми.

112. *Сапфира с мужем* – по церковной легенде, одни из первых христиан, были поражены смертью за свое корыстолюбие.

113. Когда *Гелиодор*, посланец сирийского царя Селевка, вошел в сокровищницу Иерусалимского храма, чтобы взять для царской казны хранившиеся там богатства, таинственный всадник потоптал его конем, а двое чудесных юношей избili его бичами (Библия).

115. *Убийца Полидора* – см. прим. А., XXX, 13-21.

116-117. *Красс* – римский полководец, скопивший огромные богатства и павший в войне против парфян (53 г. до н. э.). Когда его голову принесли парфянскому царю Ороду, тот велел налить ей в рот расплавленного золота и сказал: «Ты жаждал золота, так пей же».

130-132. Остров *Делос* носился по волнам, пока не дал приюта *Латоне*, родившей на нем Аполлона и Диану (*очи неба* – Солнце и Луну).

136. «*Gloria in excelsis*» (*лат.*) – «Слава в вышних [богу]» – по евангельскому рассказу, песнь ангелов, которую слышали пастухи (ст. 140) в ночь рождения Христа.

145. *Неведение*. – Данте не понимает, что означает это землетрясение и эта песнь, огласившая все уступы горы.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Круг пятый (*окончание*)

1-3. *Природную жажду* знания, утоляет лишь «живая вода» истины, которой в евангельской легенде просит *самаритянка*.

10. *Так здесь явился дух* – тень Публия Папиния Стация, римского поэта I в. (род. ок. 45 г. – умер ок. 96 г.), автора «Фиваиды» (поэмы о походе Семерых против Фив) и незаконченной «Ахиллеиды». Его сборник «Сильвы» был во времена Данте неизвестен.

25. *Та, что вечно тянет пряжу* – парка Лахезис (Ч., XXV, 79), прядущая нить человеческой жизни. Клото (ст. 27) наматывает кудель на веретено, Лахезис сучит нить, Атропос (А., XXXIII, 126) ее перерезает.

48. *У загражденных врат* – то есть у врат Чистилища.

50-51. *Дочь Фавманта* – Ирида, вестница богов, преимущественно Юноны, олицетворение радуги.

52. *Сухие пары*, по Аристотелю, порождают ветер.

57. *Подземными ветрами*, по Аристотелю же, вызываются землетрясения.

62. *Переменить обитель* – то есть вознестись из Чистилища в Рай.

83-84. *Добрый Тит отмстил...* – Тит, сын и наследник императора Веспасиана, разрушил Иерусалим в 70 г. (см. прим. Р., VI, 88-93).

86. *Прочнейшим и славнейшим из имен* – то есть именем поэта.

89. *Толосатом* – то есть уроженцем Толосы (ныне Тулуза) в Галлии. На самом деле Стаций родился в Неаполе, но в средние века его смешивали с толосанским ритором Луцием Стацием Урсулом.

93. *Но под второю ношей я свалился.* – Стаций умер, не дописав своей второй поэмы, «Ахиллеиды».

101. *В изгнание* – то есть в Чистилище.

102. *Хоть солнце* – то есть хоть год.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Восхождение в круг шестой. – Круг шестой. – Чревоугодники

6. «*Sitiunt*» (лат.) – «жаждут».

14. *Ювенал* – римский поэт-сатирик (род. в 60-е годы – умер после 127 г.), современник Стация и его почитатель.

23. *Скупость.* – Вергилий слышал от Адриана V (Ч., XIX, 115-126), что в пятом круге, где был и Стаций (Ч., XXI, 67-68), души очищаются от греха корыстолюбия.

40-41. *Заветный голод к золоту...* – В оригинале эти два стиха представляют перевод цитаты из Вергилия (Эн., III, 56-57), означающей: «К чему не побуждаешь ты смертные груди (сердца), проклятый голод к золоту!» Но Данте, по-видимому, превратно понял это место, а именно так: «Почему не направляешь ты, священный (то есть добродетельный, умеренный) голод к золоту, вождение смертных!» В русском переводе сделана попытка передать двусмысленность Данте таким образом, чтобы оно допускало оба смысла. («*Заветный*» может означать и «запретный» и «священный»; а «*К чему не направляешь ты*» может значить: 1) «До чего ты не доводишь» или же 2) «Почему ты не настаиваешь на истинный путь».)

42. *Я с дракой грузы двигал бы во тьму* – наказание скупцов и расточителей в Аду (А., VII, 25-35).

46. *Как много стриженных воскреснет.* – См. А., VII, 56-57.

55-56. *Грозные сраженья двойной печали Иокасты пел.* – То есть воспевал в своей «Фиваиде» братоубийственную вражду Этеокла и Полиника (А., XXVI, 54), сыновей Иокасты и Эдипа.

57. *Воспевший мирные селенья* – Вергилий, автор «Буколик».

58. *Клио* – муза истории, к чьей помощи Стаций взывает в своей «Фиваиде».

63. *За рыбаком* – то есть за апостолом Петром, бывшим рыбаком.

65. *К Парнасу* – горе Аполлона и муз, где течет Кастальский ключ, дарующий вдохновение.

70-72. «*Век обновленья ждет...*» – Стаций приводит знаменитые стихи из IV эклоги «Буколик» Вергилия, написанной, вероятно, по случаю рождения сына у Азиния Поллиона. В этой эклоге в средние века видели пророчество о пришествии Христа. Существовали легенды о том, что она обратила в христианство многих язычников. К числу таких обращенных Данте относит и Стация.

83. *Домициан* – римский император (с 81 по 96 г.).

88-89. *И, не доведши греческих дружин* – то есть: «Прежде чем я закончил «Фиваиду».

97-98. *Теренций и Цецилий* – римские комедиографы II в. до н. э., *Плавт* – римский комедиограф III-II вв. до н. э., *Варий* – римский поэт I в. до н. э., друг Вергилия.

100. *Персий* – римский поэт-сатирик I в.

101. *Грек* – то есть Гомер.

104-105. *О горе* – Парнасе, где обитают музы, *кормилицы* поэтов.

106-107. *Антифонт, Еврипид, Агафон* – древнегреческие трагики; *Симонид* – лирик.

109-114. *Там из тобой воспетых...* – Вергилий называет героинь Стациевых поэм. *Антигона* – дочь Эдипа и Иокасты, сестра Этеокла и Полиника (см. прим. 55-56). *Аргейя* – жена Полиника. *Деифила* (или Деипила) – жена Тидея (см. прим. А., XXXII, 130-131) и мать Диомеда (А., XXVI, 56 и прим.). *Имена* – сестра Антигоны. Дочь *Тиресия* (А., XX, 40) – Манто. Так как Стаций не упоминает других дочерей Тиресия, то здесь Данте впадает в противоречие с самим собою, потому что в «Аде» (А., XX, 55) он помещает Манто не в Лимб, а в ров прорицателей. *Фетида* – nereида, мать Ахилла. *Дейдамия с сестрами своими* – дочери царя Ликомеда (см. прим. А., XXVI, 61-62). *Лангию открывшая царям* («Фиваида», IV, 716-V, 753) – Гипсипила (см. прим. А., XVIII, 83-96). Проданная немейскому царю Ликургу, она нянчила его сына Офельта. Однажды, взявшись проводить к источнику *Лангии* семерых царей, ополчившихся против Фив, она покинула Офельта в лесу, и он погиб. Ликург хотел убить Гипсипилу, но в этот миг ее сыновья, прибывшие с Лемноса, узнали ее и бросились ей в объятия (Ч., XXVI, 94-95).

118-120. *Четверо служанок дня*, то есть первые четыре часа (ср. Ч., XII, 80-81), исполнили свой срок, и уже *пятая* (одиннадцатый час пополудни) *стоит над дышлом* солнечной колесницы, «*жгучий рог*» которого вздымается все выше.

141. «*Вам запрещено это благо!*» – Эти слова обращены к душам чревоугодников.

142-144. На браке в Кане Галилейской, заботясь о вине, *Мария* заботилась о гостях, а не о себе (ср. Ч., XIII, 29).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Круг шестой (*продолжение*)

11. «*Labia teae, Domine*» (лат.) – «Уста мои, господи [отверзи...].»

25-27. *Эрисихтон* срубил дуб Цереры, за что богиня наслала на него такой неутолимый голод, что, продав ради пищи все, даже родную дочь, он начал есть собственное тело (Метам., VIII, 739-878).

28-30. *Вот те...* – Данте сравнивает исхудалых грешников с голодными иудеями в дни осады *Иерусалима* римлянами (70 г.), когда еврейка *Мариам* съела своего грудного младенца (Иосиф Флавий, «Иудейская война», VI, 3).

32-33. *Кто ищет «ото»...* – Считалось, что в чертах человеческого лица можно прочесть «Номо Dei» («Человек божий»), причем глаза изображают два «О», а брови и нос – букву М.

48. *Форезе* Донати – флорентиец, брат Корсо (см. прим. Ч., XXIV, 82-90) и Пиккарды Донати (Ч., XXIV, 10; 13-15; Р., III, 34-108; прим. Р., III, 49), приятель Данте и родственник его жены Джеммы Донати. Умер в 1296 г.

73. *Ведь та же воля* – то есть воля к страданию.

74. «*Или!*» – по-еврейски: «Боже мой!»

84. *Там, где выплачивают срок за срок* – то есть в Предчистилище, среди нерадивых (см. Ч., IV, 128-132).

87. *Моею Неллой* – вдовой Форезе.

94. *Сардинская Барбаджа* – горная область в Сардинии, заселенная выходцами из Африки. По словам старых комментаторов, тамошние женщины ходили с обнаженной грудью или даже вовсе нагие – из-за жары и распущенности нравов.

96. *Пред той Барбаджей...* – то есть перед Флоренцией.

121. *Сестра того* – сестра Солнца, то есть Луна (ср. А., XX, 127).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Круг шестой (окончание)

10. *Пиккарда* – сестра Форезе (см. прим. Ч., XXIII, 48).
15. *На высотах Олимпа* – то есть в Раю (Р., III, 34-108).
19. *Бонаджунта* Орбиччани – луккский поэт, представитель сицилианской школы (см. прим. 52-54), умерший ок. 1300 г.
21. *Расшитый темным цветом* – то есть покрытый шелудьями.
- 22-24. *Святую церковь звал женой своей* «супруг церкви», папа Мартин IV (с 1281 по 1285 г.), родом француз.
28. *Пильский Убальдин* – Убальдино дельи Убальдини, владелец замка Пила (Pila).
- 29-30. *Бонифаций* Фьески – архиепископ равеннский с 1274 по 1295 г., он не столько насыщал свою духовную паству нравственной пищей, сколько своих приближенных – лакомыми блюдами.
31. *Мессер Маркеше* дельи Аргольози был родом из Форли.
- 37-48. Изгнанник Данте одно время жил в Лукке (в 1308 или 1315 г.). *Джентукку* отождествляют с Джентуккой Морла, вышедшей замуж за Бонаккорсо Фондора.
38. *Я чуял там* – то есть на устах Бонаджунты.
43. *Еще без покрывала* – то есть не замужем.
- 52-54. *Когда любовью я дышу...* – В этой терцине Данте формулирует психологическую основу как своей поэтики, так и вообще «нового пленительного лада», или «сладостного нового стиля», «doice stil nuovo» (ст. 57), пришедшего на смену господствовавшим до него течениям: сицилианской школе, подражавшей провансальским образцам, и так называемой «ученой» школе.
56. *Гвиттон* – Гвиттоне д'Ареццо (Ч., XXVI, 124-126), глава «ученой» школы, умер в 1294 г. *Нотарий* – Якопо да Лентино, поэт сицилианской школы, нотариус двора Фридриха II (см. А., X, 119 и прим.), умер ок. 1250 г.
59. *Ваши перья* – представителей «doice stil nuovo»: Данте, Гвидо Кавальканти, Лапо Джанни, Дино Фрескобальди и др.
65. *Птиц, зимующих вдоль Нила* – то есть журавлей.
79. *Край, мне данный в обитанье* – Флоренция.
- 82-90. *Зачинщика всех бед* – Корсо Донати, брата Форезе. Он был главою Черных и руководил погромом Белых зимой 1301 г. (см. прим. Р., XVII, 48). В 1308 г., обвиненный в измене, он бежал, но был схвачен. На пути к Флоренции он нарочно упал с коня, и его убили. Данте придает всей картине аллегорический смысл: Корсо, как изменник и убийца, привязан к хвосту коня, и тот *влачит* его к бездне Ада.
115. *Отпрыск древа* познания добра и зла (Ч., XXXII, 37-39), которое растет на *высотах* (ст. 116), то есть в Земном Раю.
- 121-123. Сыны *Нефелы*, «*двутелые*» кентавры, упившись на свадьбе Пирифоя, хотели похитить женщин, но *Тезей* и его товарищи одолели их (Метам., XII, 210-535).
- 124-126. *Геден*, выступив против мадианитян, отослал, как негодных, тех воинов, которые, придя к воде, пили «*вольготно*», став на колени (Библия).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Восхождение в круг седьмой. – Круг седьмой. – Сладострастники

2-3. Смысл: «В южном полушарии было два часа пополудни, а в северном два часа пополуночи».

22. *Мелеагр* – сын калидонского царя Ойнея и Алфеи. При его рождении парки положили в огонь полено, предсказав, что Мелеагр будет жить не дольше, чем оно. Алфея загасила его и спрятала. Когда Мелеагр убил братьев своей матери, та, мстя за них, бросила *головню* в огонь, и Мелеагр умер (Метам., VIII, 270-545). Этим примером Вергилий хочет пояснить, что души могут чахнуть без видимой, казалось бы, причины.

25-26. *Как всякому движенью движеньем вторят ваши зеркала* – так и оболочка душ отражает их внутреннее состояние.

31-108. *Вечный строй я излагаю...* – Стаций излагает, близко следуя Фоме Аквинскому (см. прим. Р., X, 82), учение об утробной жизни человека, о происхождении разумной души и о посмертном ее существовании в бестелесной оболочке.

48. *В высшем месте* – в сердце.

63-66. *Мудрейшего, чем ты...* – Аверроэса, арабского философа XII в. (А., IV, 144). *«Возможный разум»* – схоластический термин, обозначавший познавательную способность.

79. *Лахезис* – см. прим. Ч., XXI, 25.

86. *К одному из берегов* – к устью Тибра или к берегу Ахерона (см. прим. Ч., II, 94-105).

91-96. Здесь Данте расходится с Фомой Аквинским, утверждавшим, что душа, покинув тело, становится вполне бестелесной.

121. *«Summae Deus clementiae»* (лат.) – «Бог высшей милости» – начальные слова молитвы о ниспослании душевной и телесной чистоты.

127. *«Virum non cognosco!»* (лат.) – «Мужа не знаю!» – слова девы Марии.

131. *Позор Гелики*. – Диана изгнала из своего леса нимфу Гелику (Каллисто), обещавшую Юпитером. Ревнивая Юнона превратила Гелику в медведицу, но Юпитер вознес ее на небо вместе с ее сыном Аркадом, в виде созвездий Большой Медведицы и Волопаса (Метам., II, 401-530) (ср. Р., XXXI, 32-33).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Круг седьмой (*продолжение*)

16. *Почтительность* – к Вергилию и к Стацию, идущим впереди.

18. *Жаждет* услышать ответ *и горит* в очищающем пламени.

24. *Из души одна* – Гвидо Гвиницелли (см. ст. 74 и 91).

40. *Гоморра и Содом* – по библейской легенде, города, спаленные богом за противоестественный разврат их обитателей.

41. *Пасифая* – см. прим. А., XII, 12-13.

44. *Одна к пескам* – Африки, *другая на Рифей* – к северным горам.

59. *Там есть жена* – дева Мария (см. А., II, 94-99).

77-78. Цезарь грешил содомией с царем Вифинии Никомедом, чем и заслужил прозвище «царицы» и насмешки во время галльского триумфа.

82-87. *Наш грех, напротив, был гермафродит* – то есть: «Это была любовь двух полов, но по-скотски безудержная. Поэтому, *«себе в позор»*, мы и поминаем Пасифаю».

91. *Гвидо Гвиницелли* из Болоньи, поэт «ученой» школы, ближайший предшественник «*doice stil nuovo*» (см. прим. Ч., XXIV, 52-54).

94-99. *Как сыновья* кинулись к своей матери Гипсипиле (см. прим. Ч., XXII, 109-114), так и Данте кинулся бы обнять Гвидо Гвиницелли.

106. *От признанья твоего*. – См. ст. 55-60.

109. *Клятва эта* – см. ст. 103-105.

113. *Пока продлится то, что ныне ново* – то есть поэзия на итальянском языке, возникшая в первой половине XIII в.

115. *Вот тот* – провансальский поэт Арнаут (Арнальд) Даньель (ст. 142), умерший ок. 1200 г.

118. *В сказах* – то есть в повествовательных поэмах.

120. *Лимузинец* – провансальский поэт Джираут де Борнель (конца XII-начала XIII в.), уроженец Лимузинской области.

124. *Гвиттон* – то есть Гвиттоне д'Ареццо (см. прим. Ч., XXIV, 56).

140-147. Арнальд отвечает на провансальском языке.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Круг седьмой (*окончание*). – Восхождение к Земному Раю

1-5. На горе Чистилища близилась ночь, и солнце клонилось к закату, готовясь «ударить первыми лучами в те страны», где расположен Иерусалим. В этот час в Испании, где льется *Эбро*, небесный меридиан занят созвездием *Весов*, и там полночь, а над волнами *Ганга* – полдень (см. прим. Ч., II, 1-3; 4-6).

7. «*Beati mundo corde!*» (*лат.*) – «Блаженны чистые сердцем!»

37-39. Юноша *Пирам*, думая, что его возлюбленную Фисбу растерзала львица, заколол себя мечом. На зов подоспевшей Фисбы он в последний раз открыл глаза. *Тутовое дерево*, обрызганное кровью Пирама, налилось красным соком, и ягоды его почернели (Метам., IV, 55-166).

59. «*Venite, benedicti Patris mei!*» (*лат.*) – «Придите, благословенные отца моего!»

95. *Цитерея* – Венера.

97-108. *Лия*, символ жизни деятельной, – прообраз Мательды, которую Данте встретит в Земном Раю. *Рахиль*, символ жизни созерцательной, – прообраз Беатриче.

115. *Тот сладкий плод* – то есть истинное, высшее благо.

142. *Митрой и венцом*. – Данте облачается полной властью над самим собой. (Императорская корона состояла из митры, окруженной венцом.)

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Земной Рай. – Мательда

2. *Господень лес* – то есть Земной Рай.

20. *Над взморьем Кьясси наполняя бор* – сосновый лес (Pineta) на берегу Адриатического моря, к югу от Равенны. Эта местность носит название Chiassi, или Classe (от *лат. classis* – флот), потому что во времена императорского Рима здесь был расположен морской порт (Portus Classis) Равенны. Впоследствии море отступило к востоку.

21. *Эол* – царь ветров, держащий их скованными в пещере и выпускающий их по произволу. Сирокко – юго-восточный ветер.

25. *Поток* – Лета (см. ст. 121-133).

40. *Явилась женщина*. – Из уст Беатриче (Ч., XXXIII, 119) мы узнаем ее имя: Мательда.

49-51. *Прозерпину* (см. прим. А., IX, 38-48), дочь Юпитера и Цереры, бог преисподней Плутон похитил в тот миг, когда она собирала цветы на лугу (Метам., V, 385-401).

65-66. *Венеры, уязвленной нежданно сыновнею рукой.* – Венера воспылала любовью к Адонису, когда ее сын Купидон нечаянно задел ей грудь стрелой (Метам., X, 525-532).

71-72. *Геллеспонт...* – Ксеркс, наведя мосты, с несметным войском перешел Геллеспонт и вторгся в Грецию (в 480 г. до н. э.). Потерпев поражение, он переплыл его обратно в рыбацкой лодке, спасаясь бегством.

73-74. *Леандр*, герой греческой легенды, обитавший в *Абидосе*, на азиатском берегу Геллеспонта, по ночам переплывал пролив для свиданий с Геро, жившей в *Сесте*, на европейском берегу.

76. *Мой смех средь этих мест* – то есть посреди Земного Рая, навсегда утраченного для человечества.

81. *«Delectasti» (лат.)* – «Ты возвеселил [меня, господи, творением твоим...]». Мательда поясняет, что она радуется красоте Земного Рая.

82. *Ты, впереди...* – Данте стоит ближе к Мательде, чем сопутствующие ему Вергилий и Стаций (ст. 145-147).

85-87. Данте, помня сказанное Стацием (Ч., XXI, 46-54), удивлен, встретив воду и ветер в Земном Раю.

97-108. Согласно с Аристотелевой физикой, «влажными парами» порождаются атмосферические осадки, а «сухими парами» – ветер. Мательда поясняет, что только ниже уровня ворот Чистилища наблюдаются такого рода *смуты, порождаемые паром*, который *«вслед за жаром»*, то есть под воздействием солнечного тепла поднимается *от воды и от земли*. На высоте Земного Рая уже нет беспорядочных ветров. Здесь ощущается только равномерный *круговорот* земной атмосферы с востока на запад (ср. ст. 7-12), вызываемый вращением *первой тверди*, то есть девятого неба, или Перводвигателя, который приводит в движение замкнутые в нем восемь небес.

121-133. *Поток*, текущий в Земном Раю, разделяется на два. Влево (ст. 27) струится *Лета*, истребляющая память о совершенных грехах; вправо – *Эвноя* («добрая память»), воскрешающая в человеке воспоминание о всех его добрых делах.

141. *В парнасских снах* – то есть в поэтических мечтаниях.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ Земной Рай. – Мистическая процессия

3. *«Beati, quorum tecta sunt peccata!» (лат.)* – «Блаженны, чьи грехи покрыты!»

27. *Не захотела потерпеть покровы* – покровы неведения.

28-30. Если бы Ева не нарушила запрета, человечество обитало бы в Земном Раю и Данте от рождения и до смерти вкушал бы то блаженство, которое ему сейчас открылось.

37. *Сонм дев священных* – музы.

40. *Геликон* – гора муз, где текут ключи Гиппокрена и Аганиппа, вдохновляющие поэтов.

41. *Уrania с хором* – то есть с остальными музами. Уrania (небесная) – муза небесной науки (астрономии). Данте призывает ее потому, что его предмет особенно возвышен.

43-154. *Вдали, за искажающим простором...* – Отсюда до окончания песни следует описание шествия торжествующей церкви, идущей навстречу раскаявшемуся грешнику.

50. *Светильники.* – Шествие открывается семью светильниками, которые, по Апокалипсису (гл. 4, 5), «суть семь духов божиих».

78. *Лук солнца или перевязь луны* – цвета радуги (лук Аполлона) или лунного кольца (перевязь Дианы).

82-83. *Двенадцать чет маститых старцев* – двадцать четыре книги Ветхого завета.

92. *Четыре зверя* – четыре Евангелия.

96. *Аргус* – см. прим. Ч., XXXII, 65.

100-105. *Прочти Езекииля...* – В книге Иезекииля (Библия) и в Апокалипсисе *Иоанна* описываются фантастические звери, усеянные глазами. В первом случае они четырехкрылые, а во втором – шестикрылые, как у Данте, что и оговорено в ст. 104-105.

107. *Победная повозка* – колесница, символизирующая христианскую церковь.

108. *Грифон* (лев с орлиными крыльями и орлиной головой) – символ богочеловека, Христа.

116. *Сципион Африканский*, победитель Ганнибала.

117-120. *Сам выезд Солнца...* – См. прим. А., XVII, 106-108.

121-129. *Три женщины у правого колеса* – три «богословские» добродетели: алая – Любовь, зеленая – Надежда, белая – Вера.

130-132. *Четыре женщины у левого колеса* – четыре «основные» («естественные») добродетели (см. прим. Ч., I, 23-27). Из них у Мудрости – три глаза, которыми она озирает прошлое, настоящее и будущее.

133-141. *Два старца.* – Один олицетворяет «Деяния апостолов», приписываемые апостолу Луке, который по легенде был врачом и потому одет, как *питомец Гиппократа* (А., IV, 143). Другой – «Послания апостола Павла», атрибутом которого считался меч.

142. *Смирненных четверо* – «Послания» апостолов Якова, Петра, Иоанна и Иуды.

143-144. *Одинокый старец* – Апокалипсис.

154. *Позади знамен* – то есть позади семи светильников.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТАЯ Земной Рай. – Появление Беатриче

1-7. Смысл: «*Когда небес верховных семизвездье* (сошедшие с десятого неба семь светильников, затмеваемые только духовной мглой, последствием греха), *указуя всем* участникам шествия, что им надлежит делать, подобно тому как *нижнее* семизвездие восьмого неба (Малая Медведица с ее Полярной звездой) *указует* движения корабельщику, остановилось...»

11. «*Veni, sponsa, de Libano, veni!*» (лат.) – «Иди, невеста, с Ливана, иди!»

17. *Ad vocem tanti senis* (лат.) – при голосе столь великого старца.

17-18. *Сто... вестников и слуг* – множество ангелов.

19. «*Benedictus qui venis!*» (лат.) – «Благословен грядущий!»

21. «*Manibus o date lilia plenis!*» (лат.) – слегка видоизмененные слова Вергилия (Эн., VI, 883): «Дайте лилий полными горстями!».

32. *Предстала женщина* – Беатриче.

53. *Омытого росой* – у подножия Чистилища (Ч., I, 121-129).
68. *Минервиной листвою* – то есть ветвями оливы (ст. 31).
74. *Как соизволил ты взойти сюда.* – Ироническое обращение к когда-то горделивому философу, пытавшемуся все постигнуть своим разумом.
83-84. *«In te, Domine, speravi»* (лат.) – «На тебя, господи, уповаю».
89. *Едва дохнет земля, где гибнут тени* – то есть едва повеет ветер из Африки, где в полдень исчезает тень.
92-93. *До песни тех* – то есть пока не запели ангелы.
115. *В новой жизни* – то есть в своей молодости, о которой он писал в книге, озаглавленной «Новая Жизнь».
124-125. *Между первым и вторым из возрастов* – то есть двадцати пяти лет отроду.
126. *Меня покинув, он ушел к другим* – то есть был неверен Беатриче и как женщине, и как небесной мудрости, ища ответы на все свои вопросы в мудрости человеческой.
134. *И наяву* – то есть в видениях, о которых Данте рассказывает в «Новой Жизни» (XXXIX [XL]; XLII [XLIII]).

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ Земной Рай. – Лета

3. *Лезвие* – то есть косвенная речь о Данте (Ч., XXX, 103-145).
11. *Память о годах печали* – то есть о заблуждениях Данте.
12. *Волной* – то есть водами Леты.
23-24. *О благе, взыскуемом превыше всех других* – то есть о боге.
41-42. *Точило вращается навстречу лезвию*, притупляя меч правосудия.
72. *В Ярбиной стране* – то есть в Африке, где царствовал Ярба (Эн., IV, 196).
77. *Первенцы творенья* – то есть ангелы.
81. *На Зверя, слившего два воплощенья* – то есть на Грифона (см. прим. Ч., XXIX, 108).
83. *Она себя былую побеждала* – то есть превосходила красотой.
92. *Сплетающая венок* – то есть Мательда (Ч., XXVIII, 68).
98. *«Asperges te»* (лат.) – словами псалма: «Окропи меня».
102. *Глотнуть пришлось* литейской воды, дарующей забвение грехов.
104. *Меж четверых красавиц* – см. Ч., XXIX, 130-132 и прим.
106. *Мы – звезды в тьме высот.* – См. прим. Ч., I, 23-27.
107-108. *Лик Беатриче не был миру явлен.* – То есть небесное откровение еще не было явлено миру, когда четыре основные добродетели были ниспосланы людям, чтобы приготовить их к его восприятию.
111. *Среди тех трех, чей взор острей направлен* – то есть среди трех «богословских» добродетелей.
123. *То вдруг в одном, то вдруг в другом обличье.* – В глазах Беатриче Грифон отражается то как лев (человек), то как орел (божество).
137-138. *Вторая красота Беатриче* – ее уста. Первая – ее глаза, которые Данте уже увидел (ст. 115-123).

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ Земной Рай. – Древо познания

2. *Десятилетней жажды* – увидеть Беатриче, умершую за десять лет до 1300 г.
8. *Из уст богинь* – то есть трех «богословских» добродетелей.
- 17-18. *Святое войско шло стезей возвратной.* – То есть мистическая процессия повернула обратно на восток (см. Ч., XXIX, 12).
- 37-39. *Древо.* – Это библейское «древо познания добра и зла», от запретных плодов которого вкусили Ева и Адам. Данте превращает его в символ империи.
44. *Не ранишь клювом* – не посягаешь на prerogatives светской власти.
- 49-51. Грифон оборачивается к *колеснице* (церкви), привлекает ее к сирому, то есть оголенному, *древу* (империи) и одной из его ветвей связывает с ним ее *дышло* (крест).
- 52-54. *Когда поток большого света* (то есть солнечного) смешан с лучами Овна, который соединяется с солнцем *вслед за ельцом небесным* (созвездием Рыб), – другими словами: весной.
65. *Сказ о Сиринге.* – Меркурий усыпил рассказом о нимфе Сиринге и затем обезглавил стоглазого Аргуса, который, по приказу Юноны, неусыпно стерег Ио, возлюбленную Юпитера (Метам., I, 568-747).
72. *И возглас* – возглас Мательды (см. ст. 83-84).
- 73-81. Смысл: «Как – в евангельской легенде – пораженные преображением Христа (яблони священной), апостолы *Петр, Иоанн и Яков* пали ниц и, очнувшись от его голоса, *разрушавшего* даже сон умерших, увидели, что на их учителя прежняя одежда и что исчезли беседовавшие с ним *Моисей и Илья...*»
89. *Ввысь восходят* – возносятся на небо.
98. *Семь нимф* – семь добродетелей, взявших в руки светильники.
99. *Австр* – южный ветер; *Аквилон* – северный.
- 103-105. Беатриче поручает поэту описать все, что он сейчас увидит. Перед Данте предстанут в аллегорических образах прошлые, настоящие и грядущие судьбы римской церкви.
- 109-117. Орел (*птица Дия*), устремляющийся на колесницу с вершины *дерева*, которому он при этом наносит вред, олицетворяет римских императоров-язычников, преследовавших христианскую церковь в ущерб – по мысли Данте – самой империи.
- 118-123. *Лиса* – символизирует ереси первых веков христианства.
- 124-126. Снова к колеснице спускается *орел* и осыпает ее своими *перьями*. – Это богатства, которыми христианские императоры одаряли церковь, и главным образом – «дар Константина» (см. прим. А., XIX, 115-117).
- 130-141. *Дракон* (дьявол) оторвал у колесницы часть ее *днища* – дух смирения и бедности. Тогда она мгновенно *оделась перьями*, обросла богатствами.
- 142-147. Пернатая колесница превращается в апокалипсического зверя (см. прим. А., XIX, 106-110).
- 149-153. *Наглая блудница* – папство, *глазами рыща*, выискивает себе друзей. Рядом с ней стоит ревнивый *гигант* – король французский Филипп IV, иногда ладивший с Бонифацием VIII, но кончивший тем, что нанес ему жестокое оскорбление в Ананьи (см. прим. Ч., XX, 86-90).
- 154-160. Намек на перенесение папского престола из Рима в Авиньон, при Клименте V, в 1309 г. (см. прим. А., XIX, 79-84).

1. «*Deus, venerunt gentes*» (лат.) – «Боже, пришли язычники».

10-12. «*Modicum, et non videbitis me; et iterum modicum, et vos videbitis me*» (лат.) – «Вскоре вы не увидите меня, и опять вскоре увидите меня». Этими словами (цитата из Евангелия) Беатриче высказывает уверенность в том, что похищенная гигантом колесница будет возвращена и примет свой прежний вид.

13. *В предшествови седмицы* – то есть семи добродетелей, несущих светильники.

14. *Мне, женищине и мудрецу* – Данте, Мательде и Стацию.

34. *Порушенный змеей сосуд* – то есть колесница церкви, у которой дракон оторвал часть днища (Ч., XXXII, 130-135).

35. *Был и не стал* – чудовищно искаженная церковь перестала быть собою (ср. Р., XXVII, 22-27).

36. *Вино и хлеб злодея не спасут.* – В Италии существовал обычай, по которому родственники убитого теряли право кровной мести, если убийца или его родич девять дней подряд приходил на могилу жертвы и съедал там хлеб, смоченный в вине. Беатриче хочет сказать: «Ничто не оградит злодея от божьего суда».

43. *Пятьсот Пятнадцать* – загадочное обозначение грядущего избавителя церкви и восстановителя империи, который истребит *воровку* (блудницу песни XXXII, занявшую чужое место) и *гиганта* (французского короля). Цифра DXV образует, при перестановке знаков – слово DVX (вождь), и старейшие комментаторы так ее и толкуют.

47-51. *Сфинга* (Сфинкс) – в античном мифе – крылатое чудовище с женским лицом, обитавшее возле Фив и убивавшее всех, кто не мог разгадать его загадку. Когда Эдип (Лаяд) ее разгадал, Сфинга бросилась со скалы и разбилась насмерть. Отмщая за ее гибель, прорицательница *Фемида* наслала на фивянина хищного зверя, который губил *нивы* и *стада* (Метам., VII, 759-765). В старинных списках «Метаморфоз» вместо *Laiades* читалось *Naiades*, и разрешение загадки Данте приписывал *Наядам*. Смысл ст. 49-51: «События покажут, кто такой «Пятьсот Пятнадцать», но разрешение этой *трудной загадки* приведет не к бедствиям, а к *миру*».

57. *Два раза* – Адамом, вкусившим от его плодов, и гигантом, отвязавшим от него колесницу.

62. *Первая душа* – то есть Адам.

68. *Как в струи Эльсы.* – Предметы, опущенные в известковую воду Эльсы (приток Арно), покрываются твердой оболочкой.

69. *Не будь их прелесть* – как *Пирам для тута.* – То есть если бы прелесть суетных помыслов не омрачала сознание Данте, подобно тому как Пирам своею кровью окрасил белые ягоды тутового дерева в темный цвет (см. прим. Ч., XXVII, 37-39).

78. *Как жезл...* – Беатриче хочет, чтобы Данте, вернувшись к людям, передал им ее слова, даже не вникая в их смысл, а просто сохранив их в памяти; так паломник возвращается из Палестины с пальмовой ветвью, привязанной к посоху.

85. *Что за школе* – школе поэтов и философов.

90. *До неба мчащегося всех быстрее* – то есть до Перводвигателя (см. Р., XXVIII).

98-99. Смысл: «*Само твое забвенье* доказывает, что ты был *виновен*, когда следовал ложной школе и свою *волю* устремлял не ко мне, а *мимо*. Если бы это был не грех, Лета не смыла бы этого воспоминания».

112-114. *Там растекались...* – Растекающиеся из одного истока Лета и Эвфрата напоминают поэту *Тигр и Евфрат*, которые средневековая география считала текущими из общего источника.

118. *На что сказали так.* – То есть сказала Беатриче.

119. *Мательда.* – Здесь впервые названа по имени прекрасная женщина, встретившая поэта в Земном Раю.

121. *И про это.* – См. Ч., XXVIII, 121-133.

129. *Угаснувшую силу* – то есть силу памяти о совершенных им добрых делах (см. прим. Ч., XXVIII, 121-133).

139. *Счет положен изначала.* – В построении «Божественной Комедии» Данте соблюдает строгую симметрию. В каждой из трех ее частей (кантик) – по 33 песни; «Ад» содержит, кроме того, еще одну песнь, служащую вступлением ко всей поэме. Объем каждой из ста песен приблизительно одинаков.

142. *Я шел назад* – к Беатриче.

145. *Светила* – см. прим. А., XXXIV, 139.

М. Лозинский

· СОДЕРЖАНИЕ ·

Содержание

ЧИСТИЛИЩЕ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Вступление.— Звездное небо.— Катон..... 7

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Новоприбывшие души умерших.— Каселла..... 13

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Умершие под церковным отлучением.— Манфред.. 19

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Первый уступ Предчистилища.— Нерадивые.— Белаква 28

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Второй уступ Предчистилища.— Нерадивые, умершие насильственной смертью.— Якопо дель Кассеро.— Буонконте да Монтефельтро.— Пия деи Толомеи 35

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Второй уступ Предчистилища (*окончание*).— Сорделло.— Воззвание к Италии 43

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Долина земных властителей..... 50

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

Долина земных властителей (*продолжение*).— Нино

Висконти.– Змея. –Коррадо Маласпина.... 56

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Долина земных властителей (*окончание*).– Сон Данте.– Врата
Чистилища 63

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

Чистилище.– Круг первый.– Гордецы..... 70

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Круг первый (*продолжение*).– Омберто Альдобрандески.–
Одеризи.– Провенцан Сальвани.... 79

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Круг первый (*окончание*).– Восхождение в круг второй 86

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Круг второй.– Завистники— Сапия..... 92

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Круг второй (*продолжение*).– Гвидо дель Дука и Рнньери да
Кальболи 101

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

Круг второй (*окончание*).– Круг третий.– Гневные.. 108

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Круг третий (*продолжение*).– Ломбардец Марко... 115

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

Круг третий (*окончание*).– Круг четвертый.– Унылые 122

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Круг четвертый (*продолжение*).– Аббат Сан-Дзено.. 129

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Круг четвертый (*окончание*). – Сон Данте. – Круг пятый. – Скупцы и расточители. – Папа Адриан V.. 138

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

Круг пятый (*продолжение*). – Гуго Капет. – Землетрясение и хвалебная песнь..... 145

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Круг пятый (*окончание*). – Стаций..... 152

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Восхождение в круг шестой. – Круг шестой. – Чревоугодники..... 158

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Круг шестой (*продолжение*). – Форезе Донати.... 167

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Круг шестой (*окончание*). – Бонаджунта..... 173

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Восхождение в круг седьмой. – Круг седьмой. – Сладострастники... 182

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Круг седьмой (*продолжение*). – Гвидо Гвиницелли. – Арнальд Даньель 189

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Круг седьмой (*окончание*). – Сон Данте. – Восхождение к Земному Раю 197

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Земной Рай. – Мательда..... 206

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Земной Рай. – Мистическая процессия.....	213
--	-----

ПЕСНЬ ТРИДЦАТАЯ

Земной Рай. – Появление Беатриче.....	220
---------------------------------------	-----

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Земной Рай. – Лета.....	229
-------------------------	-----

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Земной Рай. – Древо познания.....	236
-----------------------------------	-----

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Земной Рай. – Эвномия.....	243
----------------------------	-----

Примечания <i>М. Лозинского</i>	253
---------------------------------------	-----

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Божественная Комедия

Чистилище

Редактор
А. БЫЧКОВА

Художественный редактор
Л. КАЛИТОВСКАЯ

Технический редактор
О. ЯРОСЛАВЦЕВА

Корректор
Г. АСЛАНЯНЦ

Сдано в набор 22/1 1974 г.
Подписано в печать 23/V 1974 г.
Бумага каубелматт
Формат 60х84/16. 19 печ. л.
17,73 усл. печ. л. 10,07 уч.-изд. л.
Тираж 10 000. Заказ 1047
Цена 3 р. 25 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете
Совета Министров СССР
по делам издательств,
полиграфин и книжной торговли
Москва, М-54, Валовая, 28

И (Итал)
Д 17

70404—090
Д ————— 174-74
028(01) —74